

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Гайер Кристина Евгеньевна

**СЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ, СВЯЗАННЫХ
ОТНОШЕНИЯМИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ
(на материале текстов научных работ У. Эко
и романа «Мятник Фуко»)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор А.А. Чувакин

Барнаул – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ОТНОШЕНИЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ТЕКСТОВ КАК ВИД ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВ. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ	16
1.1. Текст как объект исследования. Взаимодействие текстов: основные аспекты изучения	16
1.2. Отношение взаимопроникновения текстов: семиотический аспект исследования.....	39
1.2.1. Интерпретант как смысловая структура текста и его использование для интерпретации результатов процесса текстового взаимопроникновения	50
1.3. Семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения: методика исследования ..	59
Выводы.....	77
ГЛАВА II. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ РАБОТ У. ЭКО, СВЯЗАННЫХ ОТНОШЕНИЯМИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ	80
2.1. Научные и художественные тексты У. Эко конца 1960-х – начала 1990-х годов: специфика материала исследования.....	80
2.2. Интерпретанты взаимопроникающих текстов как результат процесса семиотического интерпретирования.....	95
Выводы.....	134
ГЛАВА III. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ ЧЕРЕЗ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРПРЕТАНТОВ	137
3.1. Сеть интерпретантов как основа для создания интерпретативной стратегии понимания текстов	137

3.2. Стратегическое использование ризоморфных сетей интерпретантов для понимания текстов	144
Выводы	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	194

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование выполнено в рамках функционально-семиотического и коммуникативного подходов к исследованию текстов и межтекстового взаимодействия. Данная работа представляет собой опыт моделирования результатов семиотической интерпретации разножанровых текстов одного автора (У. Эко), связанных отношениями взаимопроникновения, для достижения их понимания. Достижение понимания текста возможно посредством использования интерпретативных стратегий понимания (Т. ван Дейк, В.З. Демьянков), которые предполагают, что «субъект по ходу интерпретации речи пополняет свои знания и использует извлекаемые из речи сведения для дальнейшего понимания и переистолкования речи» [Демьянков, 1989, URL].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

- обращением к коммуникативной природе текста и особенностям его функционирования, которые стали основой для дальнейшего исследования данного феномена в лингвистике и теории текста [Бабенко, 2012; ван Дейк, 1989; Колшанский, 1984; Сидоров, 2009; Чернышова, 2009; Чувакин, 2004б; de Beaugrande, Dressler, 1981]. Текст, понимаемый как речевое произведение [Гальперин, 1981; Болотнова, 2007], коммуникативное событие [ван Дейк, 1989; de Beaugrande, 2004, URL], рассматривается в качестве одного из главных элементов речевой коммуникации [Городецкий, 1989; Сидоров, 2009; Якобсон, 1985];
- рассмотрением среды функционирования текста и межтекстового взаимодействия в качестве факторов, влияющих на его формирование [Макаров, 2003; Олизько, 2009; Чувакин, 1995, 2004а; Эко 2007в, 2015], вследствие чего возникает потребность в более полном описании взаимодействующих текстов и в выявлении законов их функционирования и построения;

- появлением интерпретативной семиотики – нового направления в развитии семиотики текста, образовавшегося за счет сближения с герменевтикой, базирующейся на понимании знака как триединой сущности (формы, значения и интерпретанта) [Eco, 1998, 1986a; Paolucci, 2007a, 2007b; Peirce, 1998; Rastier, 2007];
- усложнением структуры современных постмодернистских текстов, важную роль в интерпретации которых играет актуализация интертекстуальных связей с предшествующими текстами [Гавенко, 2002; Ильин, 1998; Олизько, 2009; Пешё, 1999; Руднев, 1999; Серио, 1999];
- ростом интереса к текстам итальянского семиолога Умберто Эко и к исследованию его научного и художественного творчества в мире (с конца 1970-х гг. до 2015 г. было опубликовано более 150 монографий, посвященных его творчеству, сотни диссертаций и тысячи статей [Caesar, 1999; Selected bibliography, URL]) и малоизученностью текстов его работ в России (менее двадцати изданных монографий и диссертаций к 2015 г.).

Степень научной разработанности темы. Теоретической базой данного исследования послужили работы русских и зарубежных ученых в области лингвистики и лингвосомиотики, теории текста и герменевтики. Существующие исследования по рассматриваемой теме достаточно полно отражают проблему построения различных стратегий понимания текстов (в частности, работы И.В. Арнольд, Р. Барта, Г.И. Богина, Г.-Г. Гадамера, Т.А. ван Дейка, В.З. Демьянкова, Ж. Женетта, А.А. Залевской, О.С. Иссерс, Ю.М. Лотмана, М.Н. Макеевой, П. Рикёра, И.А. Щировой, У. Эко и др.). Однако рассмотрение стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, в русле функционально-семиотического и коммуникативного подходов проводится впервые. Обращение к данной проблематике является как требованием материала исследования – текстов художественных и научных работ У. Эко, между которыми наблюдается взаимодействие, выходящее за рамки традиционного представления об интертекстуальности, так и общенаучной тенденции к рассмотрению межтекстовых взаимодействий в лингвистике и теории текста (в

работах Т.Н. Василенко, О.В. Дедовой, М.Я. Дымарского, В.А. Кухаренко, Л.И. Мурзина, Н.С. Олизько, А.А. Чувакина и др.)

Весь корпус использованных в процессе исследования теоретических работ можно разделить на несколько групп: 1) работы, посвященные различным аспектам исследования межтекстовых отношений; 2) работы, посвященные рассмотрению текста и межтекстовых взаимодействий в лингвосемиотике и интерпретативной семиотике; 3) работы, посвященные интерпретации текстов У. Эко и комплексному анализу его творчества.

Межтекстовые отношения являются объектом анализа работ многих исследователей. Существенный вклад в рассмотрение данного феномена внесли М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов, положившие начало изучению диалогических отношений. Отдельно стоит отметить повлиявшие на разработку концепции данного исследования работы по интертекстуальности таких исследователей, как Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Н.С. Олизько, Н. Пьеге-Гро и др. Работы данных исследователей, наряду с трудами А.Г. Баранова и М.Ю. Лотмана, стали основополагающими при разработке отношений взаимопроникновения текстов.

Использованный в диссертационном исследовании подход к рассмотрению текста и межтекстовых отношений базируется на идеях лингвосемиотики и интерпретативной семиотики. Работы Е.С. Кубряковой, Ч.С. Пирса, У. Эко, С. Paolucci, S. Traini, A. Valle, P. Violi в значительной мере способствовали изучению интерпретантов как смысловой части знака, актуализированной при интерпретации и понимании смысла, и формированию нового направления в семиотике (интерпретативной семиотики).

При исследовании эмпирического материала учитывались также работы тех исследователей творчества У. Эко, которые рассматривали его тексты в их взаимодействии, выявляли особенности их построения, источники и способы заимствований и межтекстовых отсылок. Из всего многообразия работ, посвященных данным проблемам, выделяются монографии А.Р. Усмановой, P. Bondanella, M. Caesar, C. Farronato, P. Jachia, A. M. Lorusso, диссертации Л.А. Ерохиной, Е.В. Крупениной, О.Ю. Муштановой, F. Cherici, C. Miccoli,

H. Verdu, сборники работ, посвященных исследованию творчеству У. Эко, под редакцией R. Carozzi, P. Magli, C. Ross и др.

Несмотря на достаточно хорошую изученность творчества У. Эко (в особенности за рубежом), а также высокую степень разработанность проблематики, связанной с интерпретативными стратегиями понимания текстов, проблема построения именно семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов У. Эко является малоизученной, не получившей комплексного рассмотрения, и поэтому актуальной для исследования.

Объектом исследования являются научные и художественные тексты, связанные отношениями взаимопроникновения. *Отношения взаимопроникновения текстов* образуются на базе интертекстуальных отношений, но в отличие от них характеризуются двунаправленностью и взаимодополняемостью. Основой данного явления выступает интерпретант как общая для рассматриваемых текстов смысловая структура, имеющая функцию актуализатора межтекстовых связей, необходимых интерпретатору для последующего понимания смысла взаимопроникающих текстов.

Тексты, вступающие в отношения взаимопроникновения, объединяются в *текстовую совокупность*, которую мы понимаем, вслед за Т.Н. Василенко [Василенко, 2008] и А.А. Чувакиным [Теория текста, 2010], как динамическое построение, рассматриваемое с позиции функционирования и понимания текста и выделяемое исследователем благодаря наличию межтекстовых отношений, связывающих тексты данной совокупности.

Предмет исследования составляют интерпретанты как минимальные смысловые структуры, имеющие функциональную природу и определяющие направление процесса организации смыслов при интерпретации взаимодействующих текстов.

Цель исследования состоит в построении семиотической интерпретативной стратегии понимания научных и художественных текстов одного автора, находящихся в отношениях взаимопроникновения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выделение совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, и характеристика данного типа межтекстового взаимодействия;
- 2) разработка методики моделирования семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения;
- 3) выделение интерпретантов и смысловых доминант из исследуемых текстовых совокупностей;
- 4) моделирование ризоморфной сети интерпретантов и представление инференциальных связей между ними;
- 5) представление интерпретативной стратегии научных и художественных текстов посредством комментирования полученной модели с учетом выделенных ранее смысловых доминант.

В основе **гипотезы исследования** лежит сопряжение представления об интерпретации текста как нахождении связей между ключевыми понятиями-знаками, являющимися частью компетенции интерпретатора и/или частью рассматриваемой культуры, которые актуализируются при обращении к тексту (Е.С. Кубрякова, В.А. Лукин, У. Эко, С. Paolucci, F. Rastier, P. Violi и др.), и представления о стратегическом (выборочном, целенаправленном) использовании имеющейся информации для понимания текста (Т.А. ван Дейк, В. Кинч, А.А. Залевская, М.Н. Макеева, У. Эко и др.). Гипотеза исследования заключается в том, что *моделирование сети интерпретантов текстов, находящихся в отношениях взаимопроникновения, позволит установить семиотическую интерпретативную стратегию понимания данных текстов.*

Используемые в данном исследовании понятия соотносятся следующим образом. *Интерпретант* представляет собой опосредующее представление, позволяющее перейти от одного знака к другому в процессе раскрытия содержания рассматриваемого знака [Эко, 2007в; Paolucci, 2007ab]. *Смысловая доминанта* строится на базе основных интерпретантов, выделенных из совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, и репрезентирует авторское отношение к передаваемой в текстах информации (за счет обращения к имеющимся у читателя знаниям и необходимости актуализировать интерпре-

танты в определенном контексте в соответствии с целевой установкой автора). Смысловая доминанта обладает свойствами структурировать тексты и отражать авторскую позицию [Бабенко, 2005; Белянин, 2008; Якобсон, 1996б]. Выделение ключевых интерпретантов и их соотнесение между собой, вкупе с формулированием смысловых доминант текстовых совокупностей, позволяет создать *семиотическую интерпретативную стратегию понимания* текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.

Методологической базой исследования является, во-первых, положение о существовании нелинейного межтекстового взаимодействия (работы М.М. Бахтина, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, А.А. Чувакина), во-вторых, теория интертекстуальности [Кристева, 2000; Кузьмина, 1999; Олизько, 2009; Пьегетто, 2008; Смирнов, 1995; Фатеева, 1997 и др.], в-третьих, концепция семиозиса как процесса знакообразования, происходящего за счет установления интерпретатором знаковых отношений между формой, значением и его интерпретантом (работы Ч.С. Пирса, Л.Ф. Чертова, У. Эко, С. Paolucci, A. Valle, P. Violi).

Методы исследования: интертекстуальный анализ, анализ ключевых слов, трансформационный анализ, абдукция, метод инференции, метод семиотической интерпретации, метод моделирования и метод лингвистического описания.

Материалом исследования выступают тексты романа «Маятник Фуко» У. Эко и его научных работ, охватывающие период с конца 1960-х до середины 1990-х гг. (на русском, итальянском и английском языках). Основной характеристикой текстов У. Эко, по мнению исследователей [Крупенина, 2005; Лотман, 2000; Ребеккини, 2006; Усманова, 2000; Bondanella, 2005; Capozzi, 1990; Сорроч, 1995; Tomassini, 1992; Vladiv-Glover, 2008 и др.], выступает их тесная связь, характер которой необходимо выявить для понимания концепций и научных воззрений ученого. При этом роман «Маятник Фуко» (1988) рассматривается и как промежуточный итог научной деятельности Эко, предшествующей написанию романа, и как произведение, содержащее в себе истоки его научных

концепций, разработанных после его опубликования [Усманова, 2000; Caesar, 1999].

Выбор текстов данного периода творчества У. Эко в качестве эмпирической базы исследования определяется как особенностями творческой и научной жизни рассматриваемого автора, так и общеевропейской тенденцией к преобладанию методов семиотики в гуманитарных научных исследованиях заявленного периода. А.Р. Усманова говорит об У. Эко следующее: «Уникальность ситуации Умберто Эко состоит, прежде всего, в том, что по его произведениям можно было бы восстановить общую картину эволюции западной гуманитаристики последних тридцати лет, поскольку он всегда оказывался в эпицентре интеллектуальных событий и оказывался в нем, как правило, несколько раньше других» [Усманова, 2000, с. 13]. В данном случае речь идет о трех последних десятилетиях XX в., на которые приходится расцвет семиотики как науки и семиотических методов исследования в культурологии, лингвистике, литературоведении и философии. Это время характеризуется не только возросшей семиотичностью гуманитарных научных исследований, но и сменой господствующего научного направления (структурализма), появлением постструктурализма [Ильин, 1998]. В это же время воззрения У. Эко окончательно оформляются в завершенную семиотическую теорию (в книгах “*Trattato di semiotica generale*”, 1975 г., и “*Semiotica e filosofia del linguaggio*”, 1984 г.), некоторые аспекты которой пересматриваются и дополняются позже.

Эмпирическую базу исследования составила 21 работа У. Эко рассматриваемого периода (монографии, сборники научных эссе, научные статьи и художественный роман «Маятник Фуко»), из которых был проведен отбор функциональных единиц анализа методом сплошной выборки.

Единицами анализа выступают языковые знаки (слова) и комбинации языковых знаков (словосочетания и предложения), рассматриваемые в комплексе их связей с другими языковыми знаками/комбинациями языковых знаков и в контексте их употребления. Всего было проанализировано около 2,3 тыс. единиц.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- установлен такой вид межтекстовых отношений, как отношения взаимопроникновения разножанровых текстов одного автора, и разработано научное представление о данном виде межтекстовых отношений;
- предложен нетрадиционный подход к исследованию межтекстовых отношений, заключающийся в интеграции методов лингвистики и интерпретативной семиотики;
- предложен новый аспект исследования работ У. Эко, при котором частью эмпирической базы исследования стали тексты, в которых содержатся также основные методологические и теоретические положения данного исследования;
- доказана возможность построения интерпретативной стратегии понимания текстов посредством моделирования сети интерпретантов.

Теоретическая значимость работы заключается в описании и разработке научного представления о новом типе отношений между текстами – отношении взаимопроникновения, изучение которого способствует дальнейшему развитию функциональной лингвистики и теории текста; в использовании междисциплинарного подхода к рассмотрению межтекстового взаимодействия; в сочетании методов лингвосомиотики с методами интерпретативной семиотики. Разработанная и использованная методология исследования позволяет применить ее для исследования текстов других авторов в рамках лингвоперсонологии; принципы моделирования сети интерпретантов взаимопроникающих текстов вносят вклад в дальнейшее развитие семантического анализа и теории семантических полей и позволяют упорядочить интерпретационный анализ взаимосвязанных текстов.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования материалов и результатов проведенного исследования в курсах по теории языка, лингвосомиотике, теории текста, в специальных курсах, посвященных интерпретации текста. Содержащийся в исследовании анализ фактического материала может стать основой для создания методических рекомендаций по ис-

пользованию текстов У. Эко при разработке учебных курсов по его творчеству, изучении его художественного творчества, а также в процессе переводов его произведений.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Взаимопроникновение текстов представляет собой вид межтекстового взаимодействия, основывающийся на наличии в текстах, связанных интертекстуальными отношениями, тождественных смысловых структур (интерпретантов). Функция данных смысловых структур заключается в актуализации совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, при интерпретировании для последующего понимания их смысла.
- 2) Организация текстов в совокупности, связанные отношениями взаимопроникновения и общими интерпретантами, приводит к экономии усилий интерпретатора, облегчает понимание смысла разножанровых текстов рассматриваемого автора (У. Эко).
- 3) Основными признаками взаимопроникновения текстов, позволяющими выделить совокупности взаимодействующих текстов, являются их синхронное функционирование в семиосфере, тематическая общность, интертекстуальность и наличие тождественных смысловых структур (интерпретантов), актуализирующих часть совокупности взаимопроникающих текстов, необходимую для их понимания.
- 4) Разработанная в исследовании методика предполагает построение семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения. Семиотическая интерпретативная стратегия заключается в моделировании сети интерпретантов текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, которая отображает эксплицитные и имплицитные связи между этими смысловыми структурами, и в использовании полученной модели для достижения понимания текстов в составе совокупностей.

5) При использовании семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, получают объяснение онтологические и эпистемологические основы семиологии У. Эко, терминологические понятия, используемые в интерпретативной семиотике и герменевтике, ограничения, налагаемые на исследователя-интерпретатора при анализе текстов, особенности авторского представления об эстетике произведения искусства в русле коммуникативной теории.

Личный вклад диссертанта состоит в описании нового вида межтекстовых отношений; в создании семиотической интерпретативной стратегии понимания взаимопроникающих текстов на основе моделирования сети интерпретантов данных текстов, выделенных во время анализа. В исследовании осуществлен анализ и семиотическая интерпретация текстов научных и художественных работ У. Эко на русском, итальянском и английском языках, разработана методика и принципы моделирования сети интерпретантов текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, которая отображает возможности использования имеющейся у интерпретатора информации с целью понимания текстов. Работа выполнена с использованием методов лингвистики, семиотики и герменевтики, что доказывает плодотворность междисциплинарного подхода к рассмотрению объекта исследования (текстов).

Достоверность результатов работы определяется достаточным объемом эмпирического материала – текстов работ У. Эко рассматриваемого периода, из которых методом сплошной выборки были выделены единицы исследования; использованием адекватного поставленным задачам и цели исследования комплекса методов, позволяющих построить семиотическую интерпретативную стратегию понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения; обширным теоретическим материалом, изученным по проблематике исследования (более 200 наименований в списке литературы на русском, английском, итальянском и французском языках).

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (октябрь 2015 г.); в рамках цикла аспирантских семинаров названной кафедры (27 декабря 2013 г.); на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях и форумах («Интеграция Азиатского научного пространства», г. Барнаул, 11–14 ноября 2013 г., «Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме», г. Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.; «Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах», г. Самара, 12–14 мая 2011 г.; Региональная межвузовская научно-практическая конференция, г. Горно-Алтайск, 28–30 апреля 2010 г., «Языки культуры: историко-культурный, философско-антропологический и лингвистический аспекты», г. Омск, 9 февраля 2010 г.); на региональных и городских научно-практических конференциях («Молодежь – Барнаулу», г. Барнаул, 2010–2012 гг., «Междисциплинарность психологии: правовой, экономический и филологический контексты», г. Барнаул, 27 ноября 2012 г.; ежегодная конференция студентов, аспирантов и учащихся в рамках форума «Дни молодежной науки в АлтГУ», г. Барнаул, 2010–2015 гг.). Основные положения и результаты диссертации отражены в 17 публикациях общим объемом 5,05 п.л., в том числе в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых журналах из перечня ВАК России и Украины.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. В соответствии с требованиями формулы специальности 10.02.19 – Теория языка, результаты исследования отражают «современные представления об основных компонентах, единицах и правилах естественного языка, а также о методах их изучения». Области исследования специальности «Теория языка», в русле которых выполнена данная работа: «1. Теоретическая лингвистика. Функции языка. Знаковая природа языка. Язык и коммуникация. Язык и общество, язык и культура. Лингвистика и смежные науки. Связь с гуманитарными науками: се-

миотика, философия, логика, филология, литературоведение. 6. Семантика. Значение в структуре языкового знака. Развитие концепции значения в семиотике Пирса. Типы значений: энциклопедическое значение. Ассоциативные отношения. Смысл высказывания, как вся та информация, которую вкладывает в него говорящий и которую должен извлечь из него адресат. Семантика в моделях понимания текста на естественном языке».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы (на русском, английском, итальянском и французском языках).

Первая глава посвящена теоретическим основаниям исследования явления взаимопроникновения текстов, в ней разрабатывается методика моделирования интерпретативной стратегии понимания текстов. В данной главе формулируются основные понятия: отношение взаимопроникновения текстов, семиотическая интерпретативная стратегия, интерпретант.

Вторая глава посвящена анализу эмпирического материала – текстов научных работ У. Эко и его романа «Маятник Фуко». В главе рассматриваются выделенные совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, и выделенные базовые интерпретанты, являющиеся результатом семиотической интерпретации совокупностей.

Третья глава посвящена моделированию семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов У. Эко. В главе рассматриваются принципы и основные характеристики модели ризоморфной сети интерпретантов, стратегическое применение которой позволяет достичь понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.

В **заключении** подводятся итоги работы и обозначаются дальнейшие перспективы исследования.

ГЛАВА I. ОТНОШЕНИЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ТЕКСТОВ КАК ВИД ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВ. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава диссертационного исследования посвящена рассмотрению понятия взаимодействия текстов и обоснованию нового вида межтекстовых отношений – отношений взаимопроникновения текстов. В данной главе представлены теоретические основания методики исследования и описание ее применения на одном примере из анализируемого материала (текстов работ У. Эко).

1.1. Текст как объект исследования.

Взаимодействие текстов: основные аспекты изучения

В данном параграфе рассматривается понятие текста и взаимодействия текстов, а также основные подходы к изучению взаимодействующих текстов и межтекстовых отношений. Рассмотрение существующих подходов к исследованию взаимодействия текстов позволит установить статус текста и межтекстовых отношений в современной лингвистике и теории текста, природу межтекстового взаимодействия и его характер.

Современная теория текста уже не ограничивается лишь лингвистическими и коммуникативными подходами к исследованию текста (см. в: [Теория текста, 2010]). Благодаря тесному взаимодействию лингвистики, теории коммуникации, семиотики, психологии, культурологии и других наук текст рассматривается как динамический объект, который требует междисциплинарного подхода к его исследованию [Левицкий, 2006; Лотман, 2010б; Теория текста, 2010; Чернявская, 2009; Щирова, 2007; Эко, 2006аб]. Текст исследуется не как некий изолированный феномен, но в совокупности всех его связей и в среде его существования. Подробное рассмотрение проблемы бытия текста в коммуникации и культуре [Медведев, 2014; Теория текста, 2010; Чувакин, 2004а], иссле-

дование межтекстовых отношений является сегодня важным в связи с постоянным увеличением количества текстов, требующих быстрого анализа и понимания. При этом, если динамическая сущность текстов и наличие между ними определенных связей уже не ставится под сомнение, то мнения о природе межтекстового взаимодействия и о характере данного явления до сих пор разнятся. Сначала мы обратимся к рассмотрению понятия текста в рамках теории текста, а затем рассмотрим те его семиотические и функциональные свойства, которые сближают его со знаком и зависят от его знаковой сущности, позволяя причислить его к объектам изучения семиологии (в частном варианте – интерпретативной семиотики).

Текст как объект исследования теории текста. В XX в. лингвисты обратились непосредственно к рассмотрению текстов, которые из материала анализа превратились в объект исследования. По мнению авторов книги «Теория текста», «в 60–70 годы XX в. <...> учение о тексте приобретает статус самостоятельной лингвистической дисциплины» [Теория текста, 2010], за которой в отечественной традиции закрепляется наименование «теория текста». В данной работе под *текстом* мы, вслед за А.А. Чувакиным, понимаем «коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Homo Loquens <...>, механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости» [Чувакин, 2011, с. 26]. При таком понимании важной является как знаковая природа текста, так и то, что он является ключевым элементом при рассмотрении процесса коммуникации.

Такое понимание данного феномена подразумевает использование комплексного анализа с применением методов гуманитарных дисциплин, при этом основное значение приобретают лингвистические методы исследования, которые соответствуют языковой природе текста. Однако ограничиться только лингвистическими методами анализа текста нельзя, так как это приведет к забвению функционального аспекта исследуемого объекта. Мы поддерживаем на-

блюдение С. Тичера и Р. Водака о том, что «в подходах, которые ориентированы исключительно на “лингвистику текста”, преобладает исследование и моделирование связности и целостности, а все внешнетекстовые факторы – т.е. внешние по отношению к тексту переменные – остаются на заднем плане» [Методы анализа, 2009, с.43]. Современная теория текста уже не ограничивается только изучением особенностей строения текстов, напротив, на первый план выдвигаются особенности их функционирования и взаимодействия (см. в: [de Beaugrande, 2004, URL; Чувакин, 2004б, 2011; Теория текста, 2010]).

Текст с семиотической точки зрения. Основным объектом исследования семиологии является знак, а знаковая природа текста обуславливает большой интерес к нему со стороны лингвосемиотики, сочетающей в себе наравне с лингвистическим подходом семиотический подход. Существует множество точек зрения на проблему соотношения понятий «знак» и «текст»: знаки воспринимаются как элементы текста, текст, при определенных условиях, – как знак, знак – как свернутый текст и т.д. В данной работе различие между знаком и текстом проводится на основе их функциональных особенностей (вслед за Ч.С. Пирсом и Л. Ельмслевом). Как пишут датские семиологи J.D. Johansen и S.E. Larsen, “if one wishes to maintain a distinction between *sign* and *text* and not refer to both simply as *sign*, one could let *sign* indicate that the given meaning-conveying object was considered as a virtual (Latin *virtualis*: present as possibility) and possibly systematic item, whilst *text* could indicate the sign’s use at a given point in time. <...> In short, a *text* is a part or result of an act, whereas *signs* are potential conveyors of meaning which can be actualized (activated) in a text or as a text” [Johansen, 2002, p. 118]. – «Если кто-то желает разграничить *знак* и *текст*, не ссылаясь на них обоих как на *знак*, то он может обозначить *знаком* тот факт, что данный объект, являющийся носителем значения, рассматривается как виртуальный (от лат. ‘*virtualis*’ – представленный как возможность) и, по возможности, являющийся частью системы элемент, в то время как *текст* может обозначать употребление знака в определенный момент времени. <...> Говоря кратко, *текст* – это часть или результат действия, тогда как *знаки* – потенциальные

проводники значения, которое может быть актуализировано (активировано) в тексте или как текст» (перевод мой. – К. Г.). Это разграничение позволяет рассматривать текст как конкретную реализацию некоей совокупности знаков и связывающих их межзнаковых отношений. При этом сами знаки (и их отношения) не ограничиваются конкретной текстовой реализацией, но содержат в себе множество потенциальных смыслов.

Рассматриваемые в данной работе взаимодействующие тексты существуют в рамках функциональной парадигмы «автор – текст – читатель». А.Г. Баранов выделяет несколько возможностей существования текста как знакового образования в этой парадигме: актуальная стадия, потенциальная стадия и текстотип [Баранов, 1993, с. 80–81]. Каждая последующая стадия отличается от предыдущей степенью абстрагирования от реального языкового контекста. Актуальный текст – это «текст, взятый в реальности своего функционирования в полной функционально-прагматической парадигме “автор – текст – читатель”»; потенциальный текст – это «материально фиксированный текст, рассматриваемый в изоляции от контекста общения»; текстотип (виртуальный текст) – «абстракция, которая может задаваться как “свертка” определенного числа реальных текстов, обладающих общими свойствами, которая вводится в ранг текста-конструкта, текста-фрейма» [Баранов, 1993, с. 81]. Именно последняя стадия существования – текстотип, соответствует семиотическим представлениям о данном феномене и представляет собой конкретную реализацию совокупности знаков/знака.

Важным в нашей работе является понятие контекста существования текста-знака, функционирующего в рамках одной культуры (одного семиотического пространства). По мнению Е.С. Кубряковой, кроме единого семиотического пространства культуры – семиосферы, существуют и единичные семиотические пространства текстов, из которых и складывается данная семиосфера. Исследователь пишет: «Текст же в сложившемся окончательно виде создает <...> особую материальную протяженность, последовательность связанных между собой предложений и сверхфразовых единиц, образующих семантическое, а точ-

нее – **семиотическое пространство** [выделено автором. – К. Г.]. Физически такое пространство очерчено весьма точно, но семантически и семиотически – конечно, нет: если у любого знака есть своя интерпретанта, а текст может быть охарактеризован как сложный или даже сверхсложный знак, у него тоже должна быть своя интерпретанта – свой, разъясняющий данный текст **новый текст** [выделено автором. – К. Г.]» [Кубрякова, 2001, URL].

В данной работе не рассматриваются различия между оригинальным текстом на английском, итальянском и французском языках и переводными текстами на русском языке в рамках одной текстовой совокупности. Это является не только требованием материала – во многих работах У. Эко соседствуют тексты, написанные на итальянском, английском, латинском, греческом, немецком и французском языках (без перевода), – но и расширением семиотического подхода к рассмотрению текстов: отвлечение от проблем кода позволяет перейти к рассмотрению универсальных знаковых отношений. Кроме того, материал данного исследования включает в себя оригинальные и переводные тексты *итальянского* ученого, претендующего на открытие нового подхода в семиологии, а проблема сравнения переводов и оригиналов, а также особенностей переводов со всех вышеперечисленных языков не входит в предмет нашего исследования. Для нас гораздо важнее доступность текстов (возможность встретить их на одной библиотечной полке, на одном интернет-сайте и пр.) на разных языках, которая приводит к взаимодействию не только самих текстов, но и культур. Насыщенный культурный обмен, обусловленный как процессами глобализации, так и успехами науки, ведет к стиранию границ между семиосферами (семиосфера, по Ю.М. Лотману, – «многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, с разной степенью переводимости и пространствами непереводимости» [Лотман, 2010б, с. 30]). В конкретном тексте это может выражаться особым видом цитирования, во время которого отрывки из иностранного текста становятся частью научной статьи и даются без перевода. Такое соседство текстов (являющихся представителями разных семиосфер) в одной се-

миосфере обуславливает возможность поддержки и опровержения, например, мнения процитированного иностранного ученого, что, по М.М. Бахтину, раскрывает основное свойство текста – его диалогичность («Всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: <...> он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, – с которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю)» [Бахтин, 1979, с. 247]).

Однако следует учесть, что критерий предшествования (или критерий производности) не приложим к совокупности взаимопроникающих текстов, которые взаимодополняют друг друга, сохраняя при этом свою целостность. Именно поэтому для нас не являются актуальными проблемы, связанные с текстовыми трансформациями, происходящими во время перевода. Во-первых, мы рассматриваем тексты на разных языках, обладающие тематической общностью, но не являющиеся родственными или производными друг от друга. Во-вторых, рассмотрение переводческих трансформаций текста важно при анализе текстов, соотносящихся как «текст оригинала – текст перевода», где актуализируются такие отношения, как «деривационные межтекстовые отношения» [Василенко, 2008], «отношения адекватности/неадекватности» [Демидова, 2011], «эвокационные межтекстовые отношения» [Чувакин, 1995; Чувакин, 2004а] и пр., что не соответствует природе явления взаимопроникновения текстов, во время которого тексты находятся в отношениях синонимии и взаимодополняемости.

Итак, ранее было определено понятие текста и среды его существования – семиосферы, и рассмотрены те особенности его функционирования в семиосфере, которые являются релевантными по отношению к нашему исследованию: динамичность, трансформируемость, способность взаимодействовать с другими текстами с установлением определенных отношений между ними. Да-

лее рассмотрим явление взаимодействия текстов и основные подходы к его изучению.

Обращение к вопросу о взаимодействии текстов связано с переосмыслением понятий высказывания, диалога и жанра в работах М.М. Бахтина и с введением Ю. Кристевой понятия «интертекстуальность» [Ильин, 1998]. С. Зенкин в предисловии к книге «Фигуры» французского литературоведа Ж. Женетта, который одним из первых предложил классификацию межтекстовых взаимодействий (в 1982 г. в книге “Palimpsestes: la littérature au seconde degree”), говорит о том, что «межтекстуальные отношения <...> сделались излюбленным предметом постструктуралистской поэтики», и далее уже в отношении самого Ж. Женетта: «Лежащий в основе такого подхода методологический постулат точно соответствует идеям раннего Женетта о борхесианской “утопии литературы”, где все тексты находятся “рядом”, взаимодействуют и взаимопроникают» [Женетт, 1998, с. 21].

Семиотическое представление о культуре как текстах и постмодернистские методы рассмотрения художественной литературы дали новый толчок к развитию не только литературоведения, но и лингвистики, и предопределили появление теории текста. Именно в рамках теории текста (в работах зарубежных исследователей используется наименование “text linguistics”, позволяющее разделить теорию текста и теорию анализа дискурса [The Linguistics Encyclopedia, 2006, p. 621]), исследование межтекстовых взаимодействий стало особенно актуальным. По утверждению исследователей текста, на данный момент «в число доминирующих направлений исследования текста выдвигается функционализм, опирающийся в первую очередь на деятельностные, коммуникативные, информационно-функциональные и когнитивные результаты исследования текста» [Теория текста, 2010, с. 23]. В рамках данного направления особое внимание уделяется способам и сферам функционирования текста в процессе коммуникации. Функциональное направление в лингвистике и теории текста объединяет такие различные подходы к исследованию текстов, как диалогический, се-

миотический и когнитивный. Логическим продолжением функционализма в отечественной науке является дискурсивный подход.

Ниже дается характеристика основных подходов, в рамках которых изучается явление взаимодействия текстов: **диалогического, семиотического и дискурсивного**. Представление теоретического материала производится по следующей схеме: 1) излагается сущность подхода, 2) в соответствии с этим определяется понятие взаимодействие текстов, 3) определяется значимость данного подхода для дальнейшего исследования взаимодействующих текстов.

Диалогический подход. Сущность диалогического подхода к рассмотрению речевых явлений (слов, текстов, высказываний, дискурсов) заключается в признании диалогизма в качестве онтологического свойства языка и речи. Данный подход применительно к лингвистике и теории коммуникации был реализован в трудах М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова.

Концепция диалогизма, сформулированная в трудах этих ученых, опирается на идею о том, что «всякое монологическое высказывание, в том числе и письменный памятник, является неотрывным элементом речевого общения. Всякое высказывание, и законченное письменное, на что-то отвечает и установлено на какой-то ответ. Оно – лишь звено в единой цепи речевых выступлений» [Волошинов, 1930, с. 73–74]. Не только высказывание, но и слово, понимаемое не в качестве абстрактной единицы языковой системы, а рассматриваемое в речи (высказывании), ориентировано на слушающего/воспринимающего, а значит – диалогично. В.Н. Волошинов предлагает рассматривать слово в качестве «двустороннего акта», совершаемого говорящим и слушающим: «Значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико. В сущности, *слово является двухсторонним актом*. Оно в равной степени определяется как тем, *чье* оно, так и тем, *для кого* оно. Оно является, как слово, именно *продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим*» [Волошинов, 1930, с. 87].

В лингвистике значимой являлась результативная сторона речевого общения (отсюда, популярность анализа языковых форм и структур), а также рассматривался процесс формирования основного значения слова (конвенцио-

нально приемлемого и устоявшегося в данном языковом коллективе). В отличие от этого, подход к языку, реализованный в трудах Бахтина – Волошинова, ориентирован не на статичное его понимание в качестве совокупности форм и структур, а на живую речь и представление языка в виде «*непрерывного процесса становления, осуществляемого социальным речевым взаимодействием говорящих*» [Волошинов, 1930, с. 100].

Обратимся к теории «чужой речи» и «чужого слова» Бахтина – Волошинова, которая положила начало изучению диалогического межтекстового взаимодействия. В частности, Бахтин в своей работе «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 1979] выдвигает положение о том, что любое слово языка, как и любое высказывание, обладает двумя основными свойствами, которые отличают их от абстрактной словарной формы и предложения, – экспрессивностью и адресованностью. Экспрессивность слова, в понимании М.М. Бахтина, связана с тем, что «всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как *чужое* слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и наконец, как *мое* слово» [Там же, 1979, с. 268]. Экспрессивность высказывания зависит не столько от контекста ситуации (в случае высказывания), и даже не от его предметно-смыслового содержания, сколько от «чужих высказываний на ту же тему, на которые мы отвечаем, с которыми полемизируем» [Там же, с. 272].

Наличие у говорящего собственной позиции, которая отражена в созданном им речевом произведении, позволяет высказыванию попасть в поле речевых взаимодействий, где наряду со старыми и недавно образовавшимися высказываниями присутствуют также и модели потенциальных высказываний. Все вместе данные высказывания, по мнению М.М. Бахтина, представляют собой «цепь речевого общения». Бахтин пишет: «Каждое отдельное высказывание – звено в цепи речевого общения. У него четкие границы, определяемые сменой речевых субъектов (говорящих), но в пределах этих границ высказывание <...> отражает речевой процесс, чужие высказывания, и прежде всего предшествующие звенья цепи» [Там же, с. 273–274]. Отражение, о котором пишет

М.М. Бахтин, приводит к появлению между речевыми произведениями (высказываниями разных типов) определенных отношений, которые организуют речевое взаимодействие. Такие отношения исследователь называет диалогическими. Он утверждает: «Взаимоотношения между введенной чужой речью и остальной – своей – речью не имеют никаких аналогов ни с какими синтаксическими отношениями в пределах простого и сложного синтаксического целого, ни и с предметно-смысловыми отношениями между грамматически не связанными отдельными синтаксическими целыми в пределах одного высказывания. Зато эти отношения аналогичны (но, конечно, не тождественны) отношениям между репликами диалога» [Там же, с. 272–273].

Мысль о взаимодействии текстов и наличии между ними диалогических отношений наиболее ясно выражена в одной из поздних работ М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках», где рассматриваются основные свойства текста, понимаемого как «высказывание, включенное в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы» [Бахтин, 1979, с. 283]. Говоря об отличиях в понимании текста как единицы языка и текста как единицы речевой коммуникации (общения), М.М. Бахтин указывает на то свойство текста, которое Ю.М. Лотман позднее назовет генерирующим смысл и приводящим к «взрыву» смыслов. М.М. Бахтин пишет: «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*» [Там же, с. 285]. Именно в этой фразе содержится суть диалогических отношений между текстами, приводящих к появлению некоего «события текста» – нового смысла, доказывающего динамическую природу текста и обосновывающего возможность в процессе коммуникации не просто трансформировать предшествующий текст, но благодаря этой трансформации создавать нечто абсолютно новое. По мнению М.М. Бахтина, «эти [диалогические. – К. Г.] отношения глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. Это особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания* (или рассматри-

ваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых *выражают* себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний» [Там же, с. 303–304]. И далее: «Два высказывания, отделенные друг от друга и во времени, и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая *конвергенция* (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» (курсив мой. – К. Г.) [Там же, с. 303–304]. Данная смысловая конвергенция (сближение) становится основой для развития межтекстовых диалогических отношений, приводящих к тому, что восприятие и понимание текста без учета этих отношений является неполным, а часть смысла текста утрачивается.

Ярким примером образования диалогических отношений между текстами может служить роман У. Эко «Маятник Фуко», в котором каждая глава начинается с эпиграфа-цитаты, взятой из различных произведений философов и средневековых мистиков, религиозной и оккультной литературы. Во второй главе, описывающей Музей искусств и ремесел в парижской церкви Сен-Мартен-де-Шан, в качестве эпиграфа приводится отрывок из «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бекона о Доме Соломона (главном научно-техническом учреждении утопического государства и центром его управления, см. в: [Логош, 2007, с. 431; Субботин, 2010, URL]), который ставит в отношении смысловой конвергенции два данных произведения. Благодаря такому сопряжению парижский музей воспринимается не просто как фон, на котором разворачивается действие романа, но как символическое место, открывающее истинное значение вещей и истинное лицо героев, попадающих в него.

Таким образом, в работах М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова впервые было определено понятие *взаимодействия текстов* (*взаимодействия высказываний*, под которыми понимаются как устные высказывания, так и письменные тексты), заключающееся в «отражении» в высказывании различных «звеньев цепи речевого общения», в том числе, предшествующих чужих высказываний, а также последующих потенциальных высказываний. («Каждое отдельное вы-

сказывание – звено в цепи речевого общения. У него четкие границы, определяемые сменой речевых субъектов (говорящих), но в пределах этих границ высказывание, подобно монаде Лейбница, отражает речевой процесс, чужие высказывания и прежде всего предшествующие звенья цепи» [Бахтин, 1979, с. 273–274]). Исследователями подчеркивается также, что данное отражение чужих текстов в конкретно взятом речевом произведении не проходит для него бесследно: смысловой уровень текста-реципиента трансформируется под влиянием отразившихся в нем чужих текстов, а сам текст содержит в себе потенциальную возможность породить другие.

Семиотический подход. Изучение текста в рамках семиотического подхода подразумевает рассмотрение текста как знакового образования, а межтекстовое взаимодействие, соответственно, рассматривается как взаимодействие между сложными знаками. Наибольшее развитие данный подход получил в работах Р. Якобсона, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, У. Эко и др.

Обращение к знаковой природе текстов, использование методов лингвистики и превращение их в общесемиотические характерно для трудов Р. Якобсона, который пересматривает предшествующую семиотическую традицию и говорит о том, что семиотика «не только имеет право, но и должна изучать структуру всех типов знаковых систем и объяснять различные иерархические соотношения между ними, сеть их функций и общие или отличающиеся свойства в масштабе всех систем. <...> Семиотика, благодаря тому, что она является наукой о знаках, призвана охватить *все* разновидности signum» [Якобсон, 1996а, с. 161]. При этом приоритетным направлением анализа все равно остается анализ речевых сообщений, изучение которых позволяет раскрыть суть процессов коммуникации в различных сферах жизни общества (см. в: [Якобсон, 1985]).

Системно-структурный подход Р. Якобсона позволил смоделировать основные процессы человеческой коммуникации, учитывая их динамическую природу, и оказал большое влияние на дальнейшее развитие лингвистики, теории коммуникации и семиотики. Это обусловило переход от изучения речевого

сообщения/текста в его статичном состоянии к его функционально-коммуникативному анализу.

Материалом для лингвосемиотических исследований середины XX в., во многом благодаря влиянию Р. Jakobsona, выступала художественная литература, а сами исследования выполнялись на стыке лингвистики, поэтики и семиотики. Выдвинутую Р. Jakobsonом идею о важности анализа всех видов речевых сообщений в 60-х гг. XX в. поддержал Р. Барт, который в своих работах рассматривает не только художественные произведения, но и другие типы знаковых образований. В контексте нашей работы оказываются важными его понимание текста и «семиологического сознания» (идеологии).

Р. Барт проводит разграничение между произведением и текстом и обращает внимание на динамическую природу текста. Рассматривая различия между текстом и произведением, он пишет о том, что текст предстает не как конечный набор неких фиксированных состояний, но как некая множественность плавающих смыслов, в определенный момент актуализированных, но при этом не постигаемых воспринимающей стороной до конца (см.: [Барт, 1989, с. 417–418]). Такая трактовка понятия текста, несмотря на некоторую абсолютизацию, акцентирует главные его свойства – *динамическую природу и множественность составляющих текст смыслов*.

Как и Р. Jakobson, Р. Барт указывает на то, что текст, в отличие от произведения, должен изучаться в рамках лингвистики, а не литературоведения. Структура текста в определенном смысле повторяет структуру предложения «с обеими ее осями координат: с одной стороны, – с субституцией, сегментацией и отношениями дистрибуции между элементами одного уровня, а с другой – с теми иерархическими переходами от единиц одного уровня к единице следующего, от которой они и получают смысл» [Барт, 1978, с. 448–449].

Актуализация множественности смыслов текста возможна, по Барту, благодаря наличию взаимодействия между текстами, которое подчиняется общим законам межзнакового взаимодействия. В статье «Воображение знака» (1963) Р. Барт рассматривает два известных типа отношений между знаками (синтаг-

матические и парадигматические) и замечает, что «каждый индивид (или каждая школа) стремится основать свой анализ только на одном каком-нибудь измерении знака: в результате возникает преобладание *одного* видения над целостностью знакового феномена, так что можно, вероятно, говорить о различных семиологических *сознаниях* (конечно, в смысле сознания аналитика, а не потребителя знака)» [Барт, 2008, с. 220]. То есть целостное рассмотрение знака в системе всех его отношений в одном конкретном исследовании невозможно, так как каждое исследование подчиняется определенной идеологии («семиологическому сознанию») его автора. Однако, несмотря на вынужденную ограниченность исследования, множественность смыслов исследуемого знакового явления не должна ставиться под сомнение. Именно в этом, по мнению Р. Барта, заключается различие между потребителем знака и аналитиком-исследователем, который везде может раскрыть вторичную семиологическую систему (идеологию). Р. Барт следующим образом описывает поведение потребителя знака (в данном случае, знаковым образованием выступает современный миф): «Всякая семиологическая система есть система ценностей, потребитель же мифов принимает их значение за систему фактов; миф прочитывается как фактическая система, будучи в действительности всего лишь системой семиологической» [Барт, 2010, с. 291]. В процессе анализа знаков исследователь-семиолог, в свою очередь, открывает вторичную семиологическую систему и раскрывает идеологический механизм, обращаясь к другим знакам этого же типа.

Иной подход к исследованию текста представлен в работах Ю.М. Лотмана. В семиотике Ю.М. Лотмана большое значение уделяется не идеологии и способам ограничения множественности смыслов в тексте с целью регулирования социального взаимодействия (как было у Барта), а появлению, функционированию и преобразованию смыслов в текстах, представляющих собой феномены определенной культуры. Рассмотрим основные идеи, на которых базируется семиотика Ю.М. Лотмана (текст, взаимодействие текстов, семиосфера).

Текст понимается Ю.М. Лотманом как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман, 1992, с. 132]. Тем самым, текст предстает в качестве «смыслопорождающего устройства», способного при актуализации в человеческом сознании, создавать новые сообщения. И далее: «Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [Там же, с. 132]. В дальнейшем именно лотмановское понимание текста станет основой для создания концепции открытых текстов и гипотезы о существовании интенции текста (*intentio operis*) в семиотической модели У. Эко.

Читатель или исследователь, обращающийся к тексту и привносящий в него через собственную интерпретацию какие-то идеи, которые, возможно, и не присутствуют в тексте, тем не менее, позволяет тексту раскрыть свою сущность. Именно об этом пишет Ю.М. Лотман: «Процесс трансформации текста в читательском (или исследовательском) сознании, равно как и трансформации читательского сознания, введенного в текст (по сути, мы имеем два текста в отношении “инкорпорированные – обрамляющие”) – не искажение объективной структуры, от которого следует устраниваться, а раскрытие сущности механизма в процессе его работы» [Лотман, 1992, с. 154]. Таким образом, даже самая субъективная интерпретация текста даст плодотворные результаты: «Введение чуждого семиозиса приводит этот последний [“материнский” текст] в состояние возбуждения: предмет внимания переносится с сообщения на язык как таковой и обнаруживается явная кодовая неоднородность самого “материнского” текста» [Там же, с. 154]. Интерпретируемый текст получает более высокий знаковый статус – в нем становится значимым не только содержание, но и «упаковка» этого содержания.

Взаимодействие текстов, их трансформация и существование происходит в *семиосфере*, характеристикой которой является наличие «сложных внутрен-

них соотношений, с разной степенью переводимости и пространствами непереводимости» [Лотман, 2010б, с. 30]. При этом идея о принципиальной непереводимости некоторых понятий с одного семиотического языка на другой в рамках семиосферы становится источником появления нового смысла, нового текста. Закрепление понятий переводимости и непереводимости в рамках семиологических исследований культуры, по мнению Г.Г. Почепцова, определяется тем, что Ю.М. Лотман (и другие представители тартуско-московской школы семиотики) трактовал «любое проявление человеческой деятельности» как текст, что связано с тем, что «естественный язык как более сильная семиотическая система диктует свои правила более слабым системам, к числу которых принадлежат и языки искусства» [Почепцов, 2001, с. 675–676].

Семиосфера структурируется, по Ю.М. Лотману, на основе различных текстов, которые *взаимодействуют* друг с другом, и только через взаимодействие и способны функционировать, создавая культуру. Лотман пишет: «Текст является не пассивным вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором. Сущность же процесса генерации – не только в развертывании, но и в значительной мере во взаимодействии структур. Их взаимодействие в замкнутом мире текста становится активным фактором культуры как работающей семиотической системы» [Лотман, 1992, с. 152]. Именно на этом межтекстовом взаимодействии базируется рассматриваемое нами явление взаимопроникновения текстов, которое наравне с другими процессами образует единое пространство семиосферы, где встречаются и пересекаются интенции создателя (автора, говорящего и т.д.), интерпретатора (читателя, слушающего и т.д.) и текста.

Межтекстовое взаимодействие, обусловленное динамической природой текста, возможно тогда, когда текст понимается не просто как целостное и замкнутое образование, но как динамическое и открытое для трансформаций и взаимообмена смыслами устройство. По мнению М.Ю. Лотмана, текст в теории тартуско-московской школы семиотики отвечает обоим этим параметрам, что позволяет рассматривать его в качестве основного семиотического образования

для хранения, передачи и генерирования культурной информации. Он пишет: «В тексте заложена такого же рода семиотическая двойственность, что и в знаке: с одной стороны, текст имманентен и самодостаточен, он своего рода семантический универсум; с другой стороны, он всегда включен в культуру, является ее частью; полное исключение текста из культуры приводит к уничтожению его природы» [Лотман, 2002, с. 18].

Семиотическая двойственность текста позволяет ему стать смыслопорождающей частью культуры или, в терминологии Ю.М. Лотмана, «семиотической монадой» культуры. Механизм взаимодействия данных монад представляет собой конвергенцию с дальнейшим образованием биполярного единства, причем «как только две монады вступают в связь, образуя единый семиотический механизм, они из взаимной нейтральности переходят в состояние взаимной дополнительности, структурной антиномии и начинают культивировать собственную специфику и взаимную контрастность» [Лотман, 2010а, с. 642].

Однако если рассматривать культуру как семиосферу, то, по аналогии с другими семиотическими образованиями, *текстовые монады, наряду с отношениями структурной антиномии, должны вступать и в отношения структурной синонимии, которые также базируются на взаимной дополнительности двух (и более) монад, образующих органическое единство более высокого уровня.* Подобный принцип обуславливает наличие отношений взаимопроникновения текста, когда несколько взаимодействующих текстов образуют совокупность текстов более высокого уровня, находясь при этом в равноправных (синонимических) отношениях и взаимно дополняя друг друга.

Принципы функционирования семиосферы, которые описал Ю.М. Лотман, являются базовыми для интерпретативной семиотики, рассматривающей культурно обусловленные значения единиц в тексте и указывающей на преобладание логики культуры над логикой текста, на несводимость культуры к некоей сумме текстов и невозможность ее определения лишь через одни текстуальные значения, так как текст представляет собой лишь определенный слой семиосферы (по У. Эко – энциклопедии). В частности, ученик У. Эко

C. Paolucci формулирует задачу интерпретативной семиотики следующим образом: “Il primato delle logiche della cultura sulle logiche del testo, l’irriducibilità delle logiche della cultura alle logiche testuali, la determinazione del globale enciclopedico sul testuale che contraddistinguono un approccio interpretativo, dal momento che un testo non è altro che un brandello di enciclopedia, un brandello della semiosfera” [Paolucci, 2007b, p. 15]. – «Примат логики культуры над логикой текста, несводимость логики культуры к логике текста, детерминированность текстуальности глобальной энциклопедией отличают интерпретативный подход от всех остальных с того момента, как текст стал не чем иным, как малой частью энциклопедии, малой частью семиосферы» (перевод мой. – К. Г.).

Семиотический подход к исследованию текстов и межтекстового взаимодействия позволил унифицировать и систематизировать анализ языкового материала на всех уровнях языка и смоделировать процессы межтекстового взаимодействия. Идея о первичной языковой и вторичной идеологической системах, которые создают текст, и пересмотр самого понятия текста (исследование которого проходило раньше в рамках литературоведения) повлияли на разработку новых интегрированных методов исследования, включающих в себя как лингвистические, так и литературоведческие, и герменевтические методы. Кроме того, в данном подходе особый акцент делается именно на моделировании процессов межтекстового взаимодействия, результатом которых выступает появление новых смыслов, и последующие образование новых текстов.

Дискурсивный подход. Среди большого количества концепций, отражающих различное понимание такого явления, как дискурс, наиболее важными в контексте данной работы являются представленные в книгах: [ван Дейк, 1989; Кубрякова, 2000; Макаров, 2003; Пешё, 1999; Седов, 2004; Серио, 1999; Филлипс, 2004]. Нас интересуют, прежде всего, те из них, которые ставят своей задачей исследование дискурса через анализ текстов как феноменов культуры.

Обратившись к исследованиям текста и дискурса, можно заметить, что «во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев:

функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность» [Макаров, 2003, с. 88–89], и далее «соответственно, различаются структурный текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс» [Там же, с. 88–89]. Такое противопоставление сформировало определенный подход к исследованию текстов, подразумевающий поиск в них следов дискурсивных практик и обращение особого внимания на контекст и условия порождения текста (производство текста, его распространение и потребление).

Т. Локк, М. Халлидей и Р. Хасан, опираясь на идеи М.М. Бахтина, выделяют два возможных значения понятия *текст* в дискурс-анализе, позволяющие анализировать взаимодействие текста с окружающим его социальным контекстом: “A text is a *product*, produced in a particular time and place, a material artifact that can be described and analysed. On the other hand, it is a *process*, ‘in the sense of a continuous process of semantic choice, a movement through the network of meaning potential, with each set of choices constituting the environment for a further set’. In its ‘process’ aspect, a text is necessarily linked to a society's linguistic system and can be thought of as an ‘interactive event’, a form of exchange that is dialogic in its nature” [Locke, 2004, p. 14]. – «Текст – это *продукт*, созданный в определенное время и в определенном месте, предмет материальной культуры, который может быть описан и проанализирован. С другой стороны, это *процесс*, понимаемый как “непрерывный процесс семантического выбора, движение по сети потенциальных смыслов, где каждый следующий набор альтернатив устанавливает окружение, необходимое для дальнейшего набора”. Текст, в его “процессуальном” аспекте, неизбежно связан с лингвистической системой определенного общества и может быть понят как некий “случай взаимодействия”, как форма обмена, диалогическая по своей природе» (перевод мой. – К. Г.).

В данном подходе исследование текста базируется на раскрытии связей между текстом и окружающим его социальным и культурным контекстом. При этом в соответствии с принципом социального конструкционизма высказывания, представляющие собой актуализации текстов в определенной коммуника-

тивной ситуации [Силантьев, 2004; Филлипс, 2004], являются «не просто словами или речевыми актами», а «“кирпичиками”, из которых складываются социальные отношения, образы “себя” и “других”, различные аспекты личности, воссоздаваемые и проживаемые в каждом коммуникативном акте» [Филлипс, 2004, с. 15]. То есть на первое место в анализе выходит не то, каким способом речевое произведение отражает реальность, а то, как реальность изменяется и заново конструируется в речевых произведениях под влиянием идеологии субъекта и социума. При этом большую роль играет анализ межтекстовых взаимодействий, позволяющий проследить изменение ранее укрепившихся значений при переходе в новый социальный контекст.

По мнению Т. ван Дейка, процесс понимания в коммуникации представляет собой «не просто пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а часть интерактивного процесса, в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего» [ван Дейк, 1988, с. 161]. Сложность процессов получения и обработки (интерпретации) информации в коммуникации обуславливает переход от структурных моделей к стратегическим моделям понимания текстов-сообщений. Кроме того, активная позиция получателя сообщения (интерпретатора текста, адресата, читателя и т.п.) влияет на выделение определенных, важных для него, значений и забвение всех остальных, не являющихся, по его мнению, необходимыми для понимания данной ситуации. То есть, «стратегический анализ зависит не только от текстуальных характеристик, но и от характеристик пользователя языка, его целей и знаний о мире; <...> читатель пытается реконструировать не только предполагаемое (intended) значение текста – выраженное автором различными способами в тексте или в контексте, – но и значение, наиболее релевантное с точки зрения его интересов и целей» [Там же, с. 164].

Такая зависимость смысла текста от интересов и целей читателя предполагает реконструкцию идеологии читателя-интерпретатора в ходе анализа, при этом *идеология* понимается в данном случае как «*все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, к которой он принадлежит*», системы

его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [Эко, 2006б, с. 137].

Именно идеология интерпретатора обуславливает выбор тех или иных значений языковых единиц и, шире, определенной стратегии интерпретации текстов. Так, например, первый роман Эко «Имя розы» был воспринят феминистской критикой (в частности, Т. de Lauretis [Lauretis, 1985]) как вершина гендерного шовинизма, воплощенного в семиотической концепции Эко, направленной на реконструкцию фигуры отца (семиотического кода, который способен создавать тексты, творить историю, и который воспроизводит сам себя, и в приступе нарциссизма обращается к самому себя) и на профанацию фигуры матери/всего женского (что подтверждается гендерным составом и судьбой главных персонажей романа) [Lauretis, 1985]. Такая интерпретация возможна лишь в рамках гендерных исследований, которые сознательно акцентируются на выборе определенной точки зрения на мир и ограничении объекта рассмотрения.

Определение идеологии, которое было предложено выше и которое мы будем использовать в качестве рабочего, было сформулировано У. Эко, считающим ее основным фактором, влияющим на выбор определенной читательской стратегии и, шире, – на выбор семиотического кода, использующегося в коммуникации. Говоря об устоявшейся точке зрения на знак как на языковую репрезентацию определенного объекта реального мира, У. Эко замечает, что в том случае, если бы “*il segno sarebbe fondato sulle categorie della ‘somiglianza’ o della ‘identità’ e questa fallacia lo renderebbe coerente con una ideologia del soggetto*” [Eco, 1997, p. 21] («знак мог основываться на категориях “подобия” или “идентичности”, то эта ошибочность сделала бы его согласующимся с идеологией субъекта». – Перевод мой. – К. Г.), однако “*il soggetto come presunta unità trascendentale che si apre al mondo (o a cui si apre il mondo) nell’atto della rappresentazione, il soggetto che trasferisce le proprie rappresentazioni ad altri soggetti nel processo di comunicazione, è una finzione filosofica che ha dominato tutta la storia della filosofia*” [Ibid, p. 21] («этот субъект, как предполагаемое трансцендентальное целое, которое в акте репрезентации открывается миру

(или которому открывается мир), субъект, который в процессе коммуникации передает свои представления другим субъектам, является философской фикцией, господствующей в философии на протяжении всей ее истории». – Перевод мой. – *К. Г.*).

В данном случае мы можем говорить о точке пересечения двух подходов к рассмотрению текстов, дискурсивного и семиотического, в которых явление идеологии исследуется с разных сторон (как основной фактор, влияющий на выбор значения языковой единицы, – семиотический подход, и как часть дискурсивной практики, направленной на поддержание отношений власти и социального порядка в обществе, – дискурсивный подход).

Так, по мнению Н. Фэркло, идеология представляет собой такое понимание реальности, которое содействует созданию, воспроизведению и изменению властных отношений (“relations of domination”) в обществе [Fairclough, 1992, p. 87]. При этом сама по себе идеология не может быть вычленена из текста, так как “meanings are produced through interpretations of texts, and texts are open to diverse interpretations which may differ in their ideological import, <...> ideological process appertain to discourses as whole social events – they are processes between people – not just to the texts which are moments of such events” [Ibid, 1992, p. 89] («смыслы создаются посредством интерпретации текстов, а тексты открыты для различных интерпретаций, которые могут иметь разное идеологическое значение, <...> развитие идеологии свойственно дискурсам как и всем социальным событиям, т.е. процессам, происходящим между людьми, а не только лишь текстам, которые представляют собой моменты таких событий». – Перевод мой. – *К. Г.*).

Признание активной роли субъекта в построении смысла текста и отборе значений является еще одной особенностью дискурсивного подхода. Несмотря на бытующее среди исследователей мнение о том, что влияние идеологии на субъекта настолько велико, что от него нельзя полностью освободиться, Н. Фэркло высказывается в пользу ограничения этого влияния на субъекта: “Subjects are ideologically positioned, but they are also capable of acting creatively

to make their own connections between the diverse practices and ideologies to which they are exposed, and to restructure positioning practices and structures” [Ibid, p. 91]. – «Субъекты имеют определенную идеологическую позицию, однако они способны также действовать творчески, для того чтобы создать свои собственные связи между разными практиками и идеологиями, влиянию которых они подвергаются, и чтобы преобразовать установленные практики и структуры» (перевод мой. – К. Г.).

Как сохранение, так и развитие дискурса предполагает не только наличие в обществе определенной господствующей идеологии, но и постоянное взаимодействие составляющих дискурс текстов. Такое взаимодействие описывается в рамках данного подхода на основе концепций *интердискурсивности* и *интертекстуальности* (доминирует традиционная концепция интертекстуальности Ю. Кристевой). Современные концепции интертекстуальности будут рассмотрены в п. 1.2, а здесь же следует сказать о том, на каких принципах основывается дискурсивное понимание межтекстовых взаимодействий. По мнению Л. Филлипс и М.В. Йоргенсена, одним из основных методов исследования дискурса является интертекстуальный анализ, определяющий «на основе каких дискурсов создан текст (*интердискурсивность*), и в каких текстах, в свою очередь, *интертекстуально* используются анализируемые тексты» [Филлипс, 2004, с. 131]. Раскрытие отношений между текстами является важным, так как показывает то, как устоявшие значения и смыслы в новом контексте получают иное звучание и служат для иных целей. Так, Н. Фэркло поддерживает точку зрения Ю. Кристевой на то, что интертекстуальность показывает то, как тексты влияют на историю (и наоборот) [Fairclough, 1992], а значит, способствуют как сохранению идеологии, так и изменениям в общественном сознании.

Таким образом, исследование межтекстовых взаимодействий основывается на таких особенностях текста, проявляющихся в процессе функционирования в семиосфере (среде его существования), как динамичность, трансформируемость, способность вступать в определенные отношения с другими текстами. Текст, представляющий собой знаковое образование, понимается не просто

как целостный и замкнутый (обладающий свойствами когезии и когерентности), но и как динамическое и открытое для трансформаций и взаимообмена смыслами устройство. Обзор подходов к исследованию текстов и межтекстовых взаимодействий показал, что взаимодействие текстов является объектом исследования ряда гуманитарных наук (теории текста, литературоведения, семиотики, коммуникативных наук), однако основные методы для его исследования все равно остаются лингвистическими по своей сути. При взаимодействии у текстов наблюдается определенная общность смыслов, забвение которой приводит к их неполному пониманию, потере части смысла. Фиксация взаимодействия текстов, понимаемого как встреча двух динамических систем, возможна лишь при наличии исследователя/интерпретатора/читателя, который не столько актуализирует заложенные в тексте значения, трансформирующиеся в процессе соприкосновения с другим текстом, сколько проводит целенаправленный отбор тех из них, которые соответствуют его предпочтениям (идеологии в семиотическом понимании).

1.2. Отношение взаимопроникновения текстов: семиотический аспект исследования

В данном параграфе рассматривается явление взаимопроникновения научных и художественных текстов, основывающееся на наличии между ними интертекстуальных отношений и общих интерпретантов, влияющих на интерпретацию и понимание смысла данных текстов, рассматриваемых в составе текстовой совокупности.

Межтекстовые взаимодействия, по мнению исследователей А.С. Гавенко [Гавенко, 2000; 2002], И.П. Ильина [Ильин, 1998], Н.С. Олизько [Олизько, 2009], являются основной конструктивной особенностью постмодернистских произведений литературы. Именно поэтому современные исследования художественных текстов направлены, прежде всего, на выявление и описание взаимодействующих текстов, о чем пишет, например, В. Руднев: «В сущности, постмодернистская филология есть не что иное, как утонченный (когда в боль-

шей, когда в меньшей степени) поиск цитат и интертекстов в том или ином художественном тексте» [Руднев, 1999, с. 224].

Научный текст, также как и художественный, рассматривается в современной теории текста как знаковое образование (Ю.М. Лотман). При этом большую роль в процессе функционирования научного текста играет наличие или отсутствие связей с другими текстами. В частности, Т.В. Дроздова рассматривает особенности проявления интертекстуальных связей в научном тексте, говоря о том, что «научный текст осуществляет некое “двойное”, параллельное означивание референтной области» [Дроздова, 2009, с. 739], во время которого референтом является не только определенная особенность реального мира, но и определенная научная картина мира, представленная в тексте научными терминами, актуализирующими ее.

Рассмотрим те концепции интертекстуальности, которые позволят сформулировать основания явления взаимопроникновения текстов. Предложенные ниже концепции интертекстуальности учитывают взаимодействие текстов разных типов дискурса (в частности, научного и художественного) и позволяют использовать для анализа межтекстового взаимодействия интегральный подход, заключающийся в сопряжении средств лингвистики, литературоведения и герменевтики.

Как пишет Н. Пьеге-Гро, «возникновение понятия интертекстуальности, предложенного Юлией Кристевой в конце 60-х гг. XX в., в известном смысле было подготовлено теориями поэтики русских формалистов, позволивших литературному тексту сконцентрироваться на себе самом» [Пьеге-Гро, 2008, с. 63]. Далее развитие семиотики Барта и изучение бахтинского понятия диалогизма (в применении к текстам-знакам) открыло возможность для изучения межтекстовых связей вне зависимости от воли создателя текста. Широкое понимание интертекстуальности, наряду с теорией о смерти автора (Р. Барт), стало господствующим в структурализме. Однако, по мнению Пьеге-Гро, это привело к тому, что всякий текст начинает пониматься как мозаика цитат или сочетание разнородных элементов. Для того чтобы избежать такого одностороннего

понимания интертекста, исследователь предлагает рассматривать наличие интертекстуальных связей с другими текстами не как «стихийное воспроизведение различных текстов», но «принимать во внимание продуманную [авторскую. – К. Г.] стратегию письма», направленную на осознанное создание данных связей [Пьеге-Гро, 2008, с. 81–82]. Важной в контексте нашего исследования является мысль (согласующаяся с позициями М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана) о том, что «интертекстуальность предстает не только в свете вертикальной модели – модели традиции и филиации, но и в свете модели горизонтальной, предусматривающей взаимообмен со всей совокупностью окружающих языков» [Пьеге-Гро, 2008, с. 70]. Именно *горизонтальная интертекстуальность* интересует нас в рамках данного исследования, так как на ее основе возникают межтекстовые отношения взаимопроникновения.

Н.А. Фатеева, рассматривая функцию интертекстуальности в художественном тексте, предлагает разделять две стороны этого явления – авторскую и читательскую (исследовательскую). Говоря об интертекстуальности, рассматриваемой с позиции автора текста, она указывает на «постулирование собственного “Я”» посредством выстраивания «системы отношений оппозиции, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [Фатеева, 1997, с. 13] как на основную ее функцию, тогда как интертекстуальность с точки зрения читателя понимается как наличие определенной читательской установки, которая заключается в «более углубленном понимании текста или разрешением непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [Фатеева, 1997, с. 12].

Концепция читательской интертекстуальности Н.А. Фатеевой основывается на концепции интертекстуальности М. Риффатера, который говорит о «принципе третьего текста»: «интертекстуальность не функционирует, и, следовательно, не получает текстуальности, если чтение от Т [текста] к Т' [интертексту] не проходит через И [интерпретанту], если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты» (Цит. по: [Фатеева, 1997, с. 15]). В данном случае интерпретанта представляет собой некий третий текст,

благодаря которому интертекстуальные связи обретают свою значимость и способны стать ключом к интерпретации (см. также в: [Riffaterre, 1997]). Это позволяет сопрягать семиотический и герменевтический подходы к исследованию текстов, что и было сделано в интерпретативной семиотике У. Эко.

Теория интертекстуальности М. Риффатера, по мнению А. Компаньона, действительна только в текстовой реальности, то есть тогда, когда речь не идет о реальном мире, имеющем референциальные связи с текстом [Компаньон, 2001, с. 133]. Тем самым, проводится четкое разграничение между литературой и обыденным использованием языка, и литература получает ценность и значимость лишь благодаря обнаружению интертекстуальных связей, тогда как в остальных случаях мы имеем только смысловую значимость текста (у М. Риффатера читаем: «Интертекстуальность <...> это специфический механизм литературного чтения. Действительно, она одна лишь производит означивание, тогда как при линейном чтении, все равно литературного или нелитературного текста, производится только смысл» (Цит. по: [Компаньон, 2001, с. 133])).

Одной из наиболее влиятельных концепций, рассматривающих связи между текстами в литературоведении и поэтике, является концепция транстекстуальности Ж. Женетта, который в своей книге “Palimpsestes. La littérature au second degré” 1982 г. («Палимпсесты. Литература во второй степени») предложил пятичленную классификацию межтекстовых отношений: *intertextualité* – интертекстуальность, *paratextualité* – паратекстуальность, *métatextualité* – метатекстуальность, *architextualité* – архитекстуальность, *hypertextualité* – гипертекстуальность [Genette, 1982]. (Перевод мой. – К. Г.).

1) *Intertextualité* (интертекстуальность). Присутствие в тексте “*intertextualité*” (интертекстуальности) определяется, по Ж. Женетту, “*une relation de coprésence entre deux ou plusieurs textes, c’est-à-dire, eidétiquement et le plus souvent, par la présence effective d’un texte dans un autre*” [Genette, 1982, p. 8] («отношениями соприсутствия двух или более текстов, то есть, в сущности и чаще всего, реальное присутствие одного текста в другом»). Типичной формой ре-

лизации интертекстуальности выступает цитата (citation), плагиат (plagiat) и аллюзия (allusion).

2) *Paratextualité* (паратекстуальность). Данный тип отношений наблюдается между текстом и *паратекстом* (*paratexte*), который включает в себя “titre, sous-titre, intertitres; préfaces, postfaces, avertissements, avant-propos, etc.; notes marginales, infrapaginales, terminales; épigraphes; illustrations; prière d'insérer, bande, jaquette, et bien d'autres types de signaux accessoires, autographes ou allographes <...>” [Ibid, p. 9] («заглавие, подзаголовок, внутритекстовые заголовки; предисловия, послесловия, заметки, введения и т.д.; заметки на полях, сноски, послетекстовые примечания; эпиграфы; иллюстрации; аннотации, обложки, суперобложки и многие другие типы добавочных знаков, нанесенных самим автором или же другими людьми <...>»).

3) *Métatextualité* (метатекстуальность). Как пишет Ж. Женетт, “с'est, par excellence, la relation critique” [Ibid, p. 10] – «это преимущественно отношения, связанные с [литературной. – К. Г.] критикой». Сущность метатекстуальных отношений выражается через *commentaire* (комментирование), “qui unit un texte à un autre texte dont il parle, sans nécessairement le citer (le convoquer), voire, à la limite, sans le nommer” [Ibid, p. 10] («которое соединяет один текст с тем текстом, о котором говорит, необязательно цитируя его (обращаясь к нему) и даже, в крайнем случае, не называя его»).

4) *Architextualité* (архитекстуальность). Архитекстуальность определяется, как “l'ensemble des catégories générales, ou transcendantes – types de discours, modes d'énonciation, genres littéraires, etc. – dont relève chaque texte singulier” [Ibid, p. 7] («совокупность общих, или трансцендентных, категорий – типов дискурса, видов высказываний, литературных жанров и т.д., – из которых возникает каждый отдельный текст»).

5) *Hypertextualité* (гипертекстуальность). О гипертекстуальности Ж. Женетт пишет следующее: “J'entends par là toute relation unissant un texte B (que j'appellerai *hypertexte*) à un texte antérieur A (que j'appellerai, bien sûr, *hypotexte*) sur lequel il se greffe d'une manière qui n'est pas celle du commentaire. <...>

Pour le prendre autrement, posons une notion générale de texte au second degré <...> ou texte dérivé d'un autre texte préexistant. Cette dérivation peut être soit de l'ordre, descriptif et intellectuel, où un métatexte (disons telle page de la *Poétique* d'Aristote) "parle" d'un texte (*Edipe Roi*). Elle peut être d'un autre ordre, tel que B ne parle nullement de A, mais ne pourrait cependant exister tel quel sans A, dont il résulte au terme d'une opération que je qualifierai, provisoirement encore, de *transformation*, et qu'en conséquence il évoque plus ou moins manifestement, sans nécessairement parler de lui et le citer" [Ibid, p. 11–12]. («Я имел в виду любое отношение, соединяющее текст В, (который я назову *гипертекст*), с предшествующим ему текстом А, (который я назову, разумеется, *гипотекст*) и к которому он прививается иным, нежели при комментировании, способом. <...> Рассмотрим это [эту метафору. – К. Г.] в другом свете, установив общее понятие текста во второй степени, <...> или текста, производного от иного предшествующего текста. Эта производность может быть описательного или интеллектуального характера, когда метатекст (скажем, определенная страница *Поэтики* Аристотеля) "говорит" о каком-либо тексте (*Царь Эдип*). Производность может быть и иного характера, когда В ничего не говорит об А, но не смог бы существовать в настоящей своей форме без этого А, от которого он происходит посредством операции, которую я предварительно назову *трансформацией*, и в результате он упоминает более или менее очевидно об этом А, хотя и необязательно говоря о нем или цитируя его»).

Представление интертекстуальности в классификации Ж. Женетта как «соприсутствия текстов» (а также и в разработанной на ее основе классификации интертекстуальных отношений Н.С. Олизько) обосновывает выделение отношений взаимопроникновения текстов в данном исследовании, которые рассматриваются в лингвистическом аспекте.

Идею о приобретении значимости литературного произведения через актуализацию его интертекстуальных связей с другими текстами поддерживал и И.П. Смирнов, чья книга «Порождение интертекста» представляет собой, по мнению ее автора, «более или менее логизированную модель словесного твор-

ческого акта» [Смирнов, 1995, с. 3]. Теоретическая задача, которую ставит перед собой автор исследования, заключается в том, чтобы «концептуализировать текст-текст отношение в словесном искусстве как основу творческого акта, то есть как текстопорождающее отношение» [Там же, с. 5]. При этом интертекстуальные отношения рассматриваются Смирновым в духе логико-семантического направления исследования текстов, даются различные правила интертекстуального текстопорождения и перечисляются виды интертекстов, а само понятие интертекстуальности понимается им следующим образом: «интертекстуальность – это слагаемое широко родового понятия, так сказать, **интер<...>альности**, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Там же, с. 11].

Н.А. Кузьмина в своей монографии, посвященной понятию интертекста, дает следующее определение интертекстуальности: «Интертекстуальность – это глубина текста, обнаруживающаяся в процессе его взаимодействия с субъектом» [Кузьмина, 1999, с. 26]. Исследователь обращает внимание на то, что интертекстуальные связи актуализируют значимость художественного произведения, и в общесемиотическом плане результатом использования поэтического языка (языка, реализующего свою креативную функцию) будет являться интертекст, понимаемый как «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени» [Там же, с. 20]. В исследовании Н.А. Кузьминой интертекст и интертекстуальность предстают как, соответственно, информационная реальность и закон организации данной реальности, что, по нашему мнению, является преувеличением значения данной теории, так как интертекстуальные отношения не являются единственно возможным видом межтекстовых отношений, да и процесс текстопорождения не всегда строится в соответствии с механизмом производства интертекста.

Важным в контексте данной работы является категориальное представление интертекстуальности, описанное в диссертации Н.С. Олизько на материале художественного текста [Олизько, 2009]. Исследователь различает две основные категории современного постмодернистского художественного дискурса: интердискурсивность и интертекстуальность. Под интердискурсивностью понимается «взаимодействие художественного дискурса постмодернизма с различными вербальными семиотическими системами и невербальными знаковыми системами в рамках семиосферы» (примеры систем мы опустили. – К. Г.) [Олизько, 2009, с. 9]. В силу того, что наша работа посвящена рассмотрению межтекстовых отношений в рамках одной семиотической системы, мы обратимся только к одному из рассматриваемых исследователем понятий – к понятию интертекстуальности.

Исследователь выделяет четыре типа интертекстуальных отношений – гипертекстуальность (связь между произведениями в рамках творчества одного автора), архитекстуальность (связь с другими речевыми жанрами), паратекстуальность (связи, выделяемые внутри текста) и интекстуальность (связь с прецедентными феноменами посредством текстовых включений – цитат, реминисценций и т.д.). На основе выделения различных типов межтекстовых интертекстуальных отношений и устанавливаются способы, используемые для формирования смысла художественного произведения и обеспечения возможности его разноуровневого прочтения [Там же, с. 30].

Н.С. Олизько рассматривает межтекстовые отношения с позиций синергетики (науки, объясняющей принципы организации и эволюцию сложных самоорганизующихся систем, см. в: [Князева, 1997]) и предлагает семиотико-синергетическую трактовку понятия художественного дискурса и текстов, которые составляют этот дискурс. При этом, по мнению Н.С. Олизько, интертекст представляет собой «продукт взаимодействия двух и более текстов или их элементов» [Олизько, 2009, с. 12], а «интертекстуальность, предполагающая межтекстовую взаимосвязь, на определенном этапе становится семиотическим кодом» [Там же, с. 8], что позволяет рассматривать взаимодействующие тексты в

рамках семиосферы (семиотического пространства культуры), являющейся средой их функционирования.

Концепции интертекстуальности Н.А. Кузьминой, Н.С. Олизько – Ж. Женетта и И.П. Смирнова обнаруживают возможность перенесения данного понятия в сферу теории текста. Межтекстовые интертекстуальные связи рассматриваются этими исследователями в их динамике, а сама по себе интертекстуальность становится тем необходимым текстовым свойством, которое позволяет раскрыть значимость текста и понять его смысл. При этом не только художественный, но и научный текст приобретает значимость за счет актуализации интертекстуальных связей с другими текстами, так как, во-первых, имеет своим референтом определенную научную картину мира и не может функционировать в семиосфере без ссылок на нее и, во-вторых, отражает определенную авторскую идеологию, опровергающую или поддерживающую существующие в научном мире авторитеты.

Рассмотренные выше теоретические концепции обуславливают обращение к отношениям взаимопроникновения текстов, которые строятся на основе интертекстуальных отношений. При этом *интертекстуальность* понимается нами, вслед за А.В. Кремневой и Н.С. Олизько, как «способ кодирования смысла с помощью “чужого слова”, то есть фрагмента прецедентного текста, который интегрируется в рецептирующий текст, вступая с ним в новые семантические отношения и порождая новый смысл» [Кремнева, 2010, с. 14]. В связи с тем, что наша работа выполняется вне схемы «прецедентный текст – текст-реципиент», которая характерна для исследования деривационных отношений и отношений текстопорождения [Василенко, 2008; Гавенко, 2002; К проблематике..., 2000; Теория текста, 2010; Чувакин, 2004а], модифицируем предложенное А.В. Кремневой определение интертекстуальности следующим образом: *способ кодирования смысла с помощью чужого текста, который интегрируется в рассматриваемый текст, вступая с ним в новые отношения и порождая новый смысл.*

Именно интеграция инородного, чужого фрагмента в рассматриваемый текст провоцирует образование новых отношений между двумя текстами (между интегрированным текстом и недавно созданным текстом). Однако если оба этих текста в один и тот же момент функционируют в семиотическом пространстве культуры и участвуют в процессах производства знаков (семиозисе), то между ними устанавливаются интертекстуальные отношения с образованием *двунаправленной* связи (не только от интегрированного текста к новому тексту, но и от более нового текста к интегрированному тексту). Тем самым, изменение смысла наблюдается не только в прецедентном тексте, но и в тексте-реципиенте, а значит, очередность появления текстов в семиосфере перестает быть релевантной для анализа, поскольку нас интересует, прежде всего, особенности функционирования и восприятия готовых текстов, а не процесс их создания.

В семиотическом смысле появление двунаправленной связи обусловлено образованием общего смыслового пространства между взаимодействующими текстами, динамично развивающегося и постоянно меняющегося, так как во время взаимодействия процесс семиозиса не останавливается, и продуцирование новых знаков, (а отсюда и новых смыслов), продолжается. Такой взгляд на интертекстуальность может быть реализован лишь в рамках того вида интертекстуальности, который Н.С. Олизько называет «гипертекстуальностью», то есть интертекстуальностью в рамках творчества отдельного автора [Олизько, 2009, с. 16–17]. Связь между произведениями одного автора характеризуется тем, что «творчество писателя, как правило, демонстрирует обращение мастера к определенным излюбленным сюжетам и образам, отражающим изменение в мировоззрении» [Там же, с. 17]. Применительно к творчеству У. Эко, произведения и исследования которого относятся к разным типам дискурса (художественному, научному и публицистическому), можно говорить об интердискурсивном взаимодействии, которое, тем не менее, основывается на интертекстуальности.

Образование двунаправленной связи в подобной ситуации приводит к появлению *взаимопроникновения текстов*, которое рассматривается нами как *особый вид межтекстового взаимодействия, основывающийся на наличии в текстах, связанных интертекстуальными отношениями, общих смысловых структур, функция которых состоит в актуализации при интерпретировании этих взаимодействующих текстов для последующего понимания их смысла.*

Отношения взаимопроникновения текстов наблюдаются между текстами, которые находятся в отношениях структурной синонимии, взаимно дополняют друг друга, образуя совокупность текстов более высокого уровня (подобную текстовой монаде – в терминологии Ю.М. Лотмана [Лотман, 2010а]). *Текстовую совокупность* мы понимаем, вслед за Т.Н. Василенко и А.А. Чувакиным, как динамическое построение, рассматриваемое с позиции порождения, понимания или функционирования текста и выделяемое исследователем благодаря наличию межтекстовых отношений, связывающих между собой тексты данной совокупности [Василенко, 2008; Чувакин, 1998].

Участие текста в процессе семиозиса подразумевает наличие у него реципиента-интерпретатора, который не только активно воспринимает, но и интерпретирует исходный текст, трансформируя его различными способами. Активность сознания воспринимающего и интерпретирующего эти тексты индивидуума дает тот импульс, который необходим для запуска процесса продуцирования смыслов (подобный импульсу, который приводит к взрыву смыслов и который был описан Ю.М. Лотманом). Именно поэтому, кроме трансформаций, происходящих с текстами во время их взаимопроникновения, и образования текста более высокого уровня, во время анализа следует учитывать и те процессы, которые происходят при структурировании читателем общего для этих текстов смыслового пространства.

Как уже говорилось выше, взаимопроникновение текстов основывается на системе интертекстуальных отсылок, которая и организует смысловую структуру взаимодействующих текстов за счет различных реализаций общего для них текстотипа (в соответствии с классификацией текстов, выдвинутой

А.Г. Барановым [Баранов, 1993]). Смысловой (по А.Г. Баранову, когнитивный) компонент текстотипа может представлять собой как фреймовую структуру, так и интерпретант. При наличии тождественных смысловых структур в текстах, связанных интертекстуальными отношениями, и с учетом особой функции данных смысловых структур (актуализировать совокупность взаимодействующих текстов для последующего понимания их смысла) можно говорить о наличии взаимопроникновения текстов. Как видим, взаимопроникновение текстов представляет собой такой вид межтекстовых отношений, установление которых должно помочь интерпретатору лучше понять текст.

Таким образом, в исследовании межтекстовых взаимодействий интертекстуальность становится тем необходимым текстовым свойством, которое позволяет раскрыть значимость текста и понять его смысл. Явление взаимопроникновения текстов основывается на появлении интертекстуальных отношений между текстами, но не ограничивается ими. Основными признаками взаимопроникновения, позволяющими выделить совокупность взаимодействующих текстов, являются их тематическая общность и наличие тождественных смысловых структур, актуализирующих всю совокупность взаимопроникающих текстов в целом. Среди таких смысловых структур особое место занимает интерпретант, который становится основой для установления отношений взаимопроникновения между текстами.

1.2.1. Интерпретант как смысловая структура текста и его использование для интерпретации результатов процесса текстового взаимопроникновения

В данном подпараграфе дается теоретическое обоснование основных понятий, используемых при анализе взаимопроникающих текстов, – интерпретанта и интерпретации. Рассматривается характерный для интерпретативной семиотики подход к исследованию текстов, основанный на понимании текста как знакового образования, интерпретация которого зависит от его вовлеченности в процессы семиозиса.

Понятие интерпретанта (или интерпретанты), разработкой которого занимался Ч.С. Пирс, разными исследователями трактуется по-разному (см. в: [Кубрякова, 1993; Никитин, 1997]). Функционально-процессуальное понимание интерпретанта отражено в прагматической концепции семиозиса Ч. Морриса [Моррис, 1983]. Функциональная сторона интерпретанта рассматривается и в работах У. Эко, который описывает его как «привычку действовать согласно предписанию, исходящему от данного знака» [Эко, 2007в, с. 326].

Как показывает Е.С. Кубрякова, помимо чисто прагматического понимания интерпретанта, существует и другое, более широкое понимание, «предполагающее определение интерпретанта не через воздействие на индивидуума (конкретного интерпретатора), но через конвенциональное для говорящих на данном языке восприятие всей информации, выводимой из знака» [Кубрякова, 2009, с. 247]. В данном случае конвенциональное восприятие информации соответствует читательской идеологии и дает возможность представителям одной культуры схоже интерпретировать текст, опираясь на выделенные интерпретанты и избегая его неадекватного понимания.

В «Трактате по общей семиотике» (“Trattato di semiotica generale”, 1975) У. Эко перечисляет основные возможные формы реализации (языкового выражения) интерпретанта [Есо, 1998, р. 103] (перевод мой. – К. Г.):

а) “*il significante equivalente in un altro sistema semiotico. Per esempio posso fare corrispondere il disegno di una sedia alla parola |sedia|*”. – «*Эквивалентное означающее из другой семиотической системы*. Например, я могу найти совпадение между изображением стула и словом |стул|»;

б) “*l'indice diretto sull'oggetto singolo, che implica un elemento di quantificazione universale ('tutti gli oggetti come questo')*”. – «*Прямой указатель на единственный объект, который предполагается как элемент всеобщей квантификации ('всякий объект как этот')*»;

с) “*una definizione scientifica o ingenua in termini dello stesso sistema semiotico (a esempio |sale| per |cloruro di sodio| e viceversa)*”. – «*Научное или наив-*

ное определение, данное в пределах одной семиотической системы (например, |соль| вместо |хлорид натрия| и наоборот)»;

d) “*una associazione emotiva che acquisisce il valore di connotazione fissa (come |cane| per ‘fedeltà’ e viceversa)*”. – «*Эмотивная ассоциация, которая приобретает значение фиксированной коннотации (как |собака| вместо “преданности” и наоборот)*»;

e) “*la traduzione di un termine da un linguaggio a un altro, o la sua sostituzione mediante sinonimo*”. – «*Перевод слова с одного языка на другой или его замена посредством синонима*».

Впоследствии на базе такого разветвленного представления об интерпретанте выделилось целое направление семиологии – *интерпретативная семиотика*, которая основывается на модифицированном понимании концепции интерпретанта Ч.С. Пирса. Исходя из пирсовского понимания знака как триединой сущности (значение – содержание – интерпретант), которое противопоставляется лингвистическому пониманию знака у Соссюра (как единства формы и содержания), исследователи данного направления выдвигают постулат о наличии еще одного – интерпретативного – измерения знака. Именно это измерение знака становится важным при анализе взаимодействующих текстов и имеет прямое влияние на результат интерпретации текстов.

C. Paolucci говорит о том, что “*la semiotica interpretativa si definisce innanzi tutto per la scoperta di un terzo ordine situato al di là, o al di qua, di quello dell’oggettività dei fatti e delle loro rappresentazioni teoriche. <...> Il rifiuto di confondere questo terzo ordine propriamente semiotico con quelli dell’oggettività dei fatti, di una loro rappresentazione teorica e dei rapporti complessi che si possono sempre individuare tra questi due costituenti fondamentali, costituisce allora la seconda dimensione da cui si riconosce la semiotica interpretativa*” [Paolucci, 2007a, p. 49]. («Интерпретативная семиотика определяется, прежде всего, открытием некоего *третьего порядка* [сущностей], находящегося как вне объективной действительности фактов, так и вне их теоретических представлений, <...> *отказ от смешения этого третьего, собственно семиотического, порядка с тем,*

что представляет собой объективная действительность, ее представление в теории и те сложные отношения, которые всегда могут быть обнаружены между этими двумя базовыми составляющими, определяет второе [и основное] измерение интерпретативной семиотики». – Перевод и уточнения мои. – К. Г.). То есть интерпретант рассматривается в данном случае как относительно самостоятельная часть знака, которая образует его иное измерение, имеющее свою структуру, и для изучения которой требуются иные, отличные от традиционных, методы и средства. Основное внимание в интерпретативной семиотике уделяется не знаку как некой триединой сущности, а отношениям, связывающим все его три стороны между собой (функциональный аспект). Исследование этих отношений позволяет выйти за пределы знака, вовне – в знаковую систему, определить механизм знакообразования (семиозиса) и структуру семиосфер культуры.

В связи с этим формируется другое, семиотическое, понимание *интерпретации* как “la possibilità semiotica di passaggio da una configurazione di relazioni incarnata in un segno ad un'altra configurazione di relazioni incarnata in un altro segno correlato” [Paolucci, 2007a, p. 77] («семиотической возможности перехода от одной конфигурации связей, воплощенной в знаке, к другой конфигурации, воплощенной в другом знаке, который соотносится с предыдущим»). – Перевод мой. – К. Г.). Тем самым, и *интерпретант* понимается в качестве “la rappresentazione mediatrice che consente di passare da un primo segno ad un secondo segno” [Ibid, p. 77] («определенного опосредующего представления, позволяющего перейти от первого знака ко второму») – Перевод мой. – К. Г.). В данном случае, утверждается функциональная природа интерпретанта, который выступает в качестве связующего и объединяющего звена как внутри самого знака (между формой и значением), так и в межзнаковых отношениях.

Нахождение общего для нескольких знаков звена, которым и выступает интерпретант, позволяет унифицировать рассмотрение межзнаковых отношений. С. Paolucci пишет: “Segno, oggetto e interpretante non sono cose, né tanto meno sono espressione/contenuto e significato, ma sono semplicemente dei *funtivi di*

una funzione triadica, degli attanti la cui identità è puramente topologica e relazionale, dei posti che possono venire occupati di volta in volta da elementi variabili; tanto che quello che prima è oggetto può poi diventare segno e poi interpretante e viceversa” [Ibid, p. 86–87]. – «Знак, объект и интерпретант не являются вещами, и тем более, выражением/содержанием и смыслом, а представляют собой *функтивы* [составляющие. – К. Г.] *триадической функции, актанты чисто топологического и относительного характера, места, которые время от времени могут быть заняты различными элементами, так что элемент, являющийся сначала объектом, может стать знаком, потом интерпретантом и наоборот*» (перевод мой. – К. Г.). При этом “*interpretare è l’operazione che si compie nel momento in cui si dispone di posti e di posizioni tra i quali gli elementi possono spostarsi, dislocarsi e ricollocarsi*” [Ibid, p. 87] («*интерпретирование* будет представлять собой операцию, которая совершается тогда, когда имеются места и позиции, на которых элементы могут располагаться, перемещаться и снова передвигаться обратно». – Перевод мой. – К. Г.). Несмотря на всю схематичность описания данного процесса, оно открывает возможность для построения семиотических моделей и дальнейшего изучения нелинейных знаковых структур, имеющих динамичную природу и сложное строение.

В таком случае текст при интерпретировании рассматривается как *система узлов*: “Il testo sia un *sistema di nodi*, una rete cioè fatta di un disegno unitario (la strategia complessiva del testo), che però si realizza non per livelli, ma attraverso una serie di punti salenti, luoghi di particolare densità, in cui convergono e da cui si dipartono vari elementi” [Lorusso, 2008, p. 39]. – «Текст является системой узлов, т.е. сетью, созданной по единому плану (глобальной текстовой стратегии), который, однако, реализуется не поуровнево, а через ряд восходящих точек, мест особой плотности, в которых сходятся и расходятся различные элементы». (Перевод мой. – К. Г.). Интерпретация представляет собой не обращение к поуровневому рассмотрению текста, а стратегический переход от одного узла смысла к другому (“nel testo si procede invece per balzi, da un nodo significativo all’altro, secondo percorsi scelti e individuati soggettivamente dall’interprete” [Ibid, p. 39] –

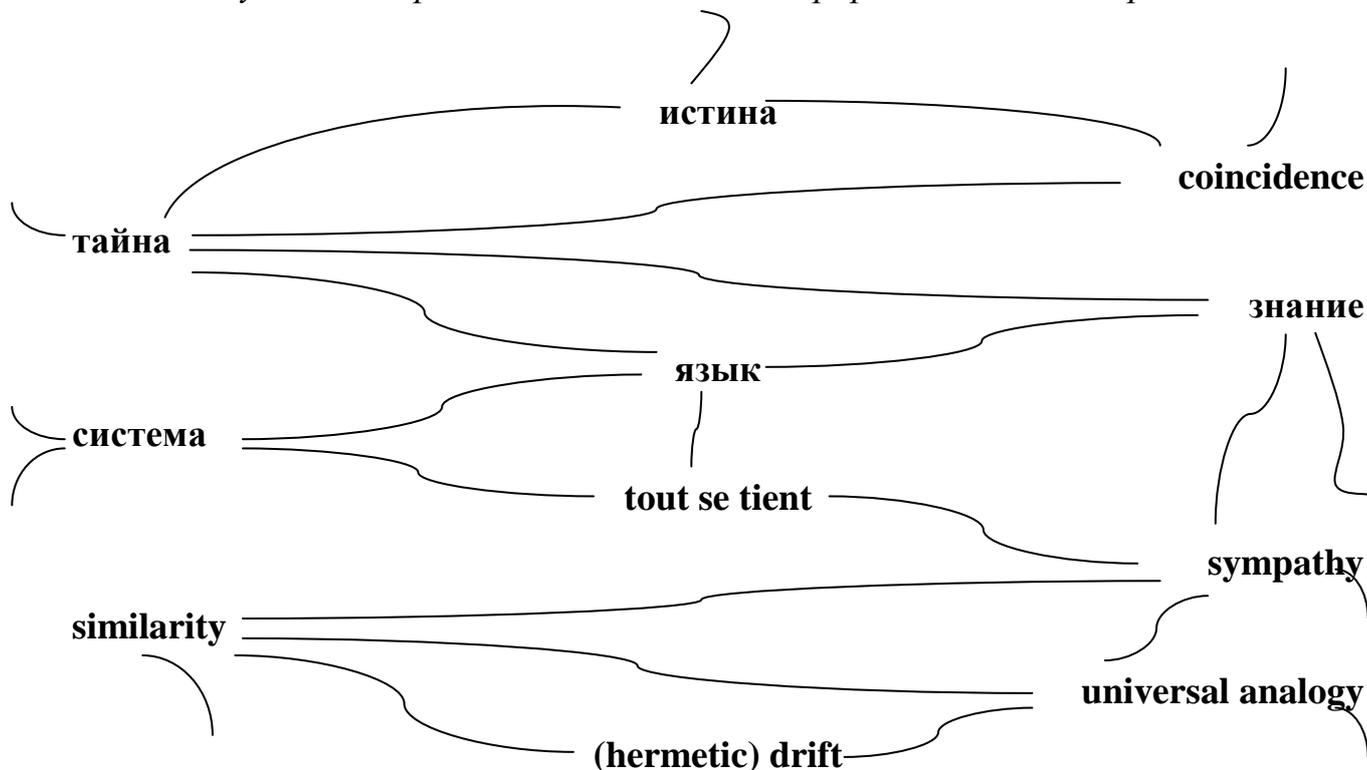
«продвижение по тексту происходит скачкообразно от одного узла к другому, в соответствии с теми путями, которые субъективно выбрал и определил для себя интерпретатор». – Перевод мой. – К. Г.). Однако такой переход возможен, в том числе благодаря актуализации интерпретантов, относящихся к этим смысловым узлам. Более того, “il testo, dal punto di vista semantico, non è una struttura rigidamente gerarchizzata ma una rete che, semmai, assomiglia più a un rizoma e che acquisisce intelligibilità grazie ai percorsi del lettore” [Ibid, 2008, p. 39] («текст, с семантической точки зрения, не является строго иерархизированной структурой, а разве что сетью, которая больше всего похожа на ризому и которая становится умопостигаемой благодаря переходам, выполненным читателем». – Перевод мой. – К. Г.). Учитывая вышесказанное, можно сказать, что сеть интерпретантов, возникающих как результат перехода от одного смыслового узла к другому, изоморфна смысловой сети текста, а процесс интерпретирования нелинеен и открыт, что позволяет говорить о *сети интерпретантов как ризоме*, обладающей свойствами открытости и способности к дальнейшему росту (подробнее об этом в п. 3.1).

Основываясь на приведенных выше теоретических рассуждениях, представим фрагмент сети интерпретантов, построенной вокруг выражения “tout se tient” (все связано между собой). Данное выражение представляет собой часть основной мысли Ф. де Соссюра о том, что язык – это система, в которой все является взаимосвязанным (“un système où tout se tient”). По мнению исследователя соссюрского наследия Е.Ф.К. Коернер [Koerner, 1996/1997], данная формулировка не могла принадлежать ему самому (несмотря на заявления Н. Трубецкого и Ш. Балли, которые считали Соссюра автором этого утверждения), однако встречается в работах его последователя А. Мейе (A. Meillet), который в таком виде формулирует основную идею лингвистики Ф. де Соссюра.

В работах У. Эко и его исследователей фраза “tout se tient” актуализирует следующую сеть интерпретантов (совокупность текстов: фрагменты из 48 и 118 глав романа «Маятник Фуко» [Эко, 2005], фрагменты статей “Interpretation and

history” [Eco, 1992b, p. 23–43] и “Unlimited Semeiosis and Drift : Pragmaticism vs. ‘Pragmatism’” [Eco, 1995, p. 205–220]):

Рисунок 1.1. Представление сети интерпретантов в виде ризомы

Ключевые интерпретанты: tout se tient (все связано между собой), система, язык, знание, тайна, истина, coincidence (случайное стечение обстоятельств), (hermetic) drift ((герметичный) сдвиг), sympathy (общность), universal analogy (всеобщее сходство/аналогия), similarity (подобие).

Методика построения и интерпретация данной модели представлены в третьей главе нашей работы (а также в: [Гайер, 2014a]) и здесь мы дадим только ее краткую характеристику. В модели актуализирована сеть интерпретантов, отражающих концепцию толкования текстов средневековых герметистов, которая является, по мнению У. Эко, примером неадекватной интерпретации информации и ведет к ее полному непониманию. На основе соблюдения правил средневекового герметизма строится персонажная интерпретация реальности в романе «Маятник Фуко», который направлен против такого подхода к восприятию окружающего мира и чтению текстов [Bondanella, 2005; Caesar, 1999; Гайер, 2013a и др.].

Рассмотрение межзнаковых отношений невозможно без обращения к понятию *семиозиса* (процесса производства знаков). Остановимся на нем подробнее. Ч.С. Пирс понимал под семиозисом “an action, or influence, which is, or involves, a cooperation of *three* subjects, such as a sign, its object, and its interpretant, this tri-relative influence not being in any way reasonable into actions between pairs” [EP, 1998, p. 411]. – «Такое действие, или влияние, которое является, или связано с сотрудничеством *трех* субъектов (знака, его объекта и интерпретанта), причем это тройственное влияние никоим образом не сводится к отношениями между парами» (перевод из: [Эко, 2007в, с. 470]). Развивая идею Пирса, У. Эко под семиозисом подразумевает «“знаковую ситуацию” <...>: тройственное отношение, или взаимодействие, в котором одно нечто выступает как знак другого нечто (объекта) для третьего нечто (интерпретатора)» [Эко, 2007в, с. 469], при этом следует сказать, что «третьим участником семиозиса выступает не интерпретатор в целом, а *то* в нем [в его сознании. – К. Г.], что возникает под действием знака объекта, то есть *интерпретант*» [Там же, с. 469].

Процесс семиозиса не может протекать произвольно, вне зависимости от контекста (в широком смысле) и индивидуальных особенностей интерпретатора. У. Эко пишет об этом следующим образом: “Semeiosis is potentially unlimited, but our cognitive purpose organizes, frames, and reduces such an undetermined and infinite series of possibilities. In the course of a semeiotic process we want to know only what is relevant according to a given universe of discourse” [Eco, 1995, p. 209]. – «Семиозис потенциально безграничен, но наше когнитивное намерение организует, придает форму и уменьшает эту неопределенную и бесконечную серию возможностей. В ходе процесса семиозиса мы хотим знать лишь то, что значимо в рамках данной нам сферы дискурса» (перевод мой. – К. Г.). Учет результатов процесса семиозиса, по мнению У. Эко, ведет к “a sort of growth of the global meaning of the first representation, a sum of determinations, since every new interpretant explains on a different ground the object of the previous one and at the end one knows more about the origin of the chain as well as about the chain itself” [Eco, 1995, p. 211] («росту общего смысла первого представления, к

сумме определений с того самого момента, когда каждый новый интерпретант начинает толковать предыдущий с других оснований, и в конце концов мы узнаем больше как об источнике цепочки [интерпретантов. – К. Г.], так и о ней самой». – Перевод мой. – К. Г.).

Участие в процессе семиозиса характеризует, прежде всего, процессуальную сторону интерпретанта, тогда как его результативной стороной будет являться появление некой привычки действовать/реагировать на него определенным образом. У. Эко со ссылкой на идеи Ч.С. Пирса пишет: «Понимать знак как правило (которое объясняется посредством ряда интерпретантов данного знака) – это значит приобрести привычку действовать согласно предписанию, исходящему от данного знака» [Эко, 2007в, с. 326]. «Следование предписанию» представляет собой не что иное, как обращение к механизму *инференции*. Е.С. Кубрякова определяет ее, как «такую мыслительную (когнитивную) операцию, которая позволяет человеку выходить за пределы буквального значения единиц, видеть за анализируемой языковой формой большее содержание, чем зафиксировано ее отдельными частями» [Кубрякова, 2004, с. 411]. И далее: «Операция семантического вывода (инференции) заключается, следовательно, в том, чтобы используя наличествующие в дискурсе или тексте реальные языковые формы, выйти в их “прочтении” за их пределы, т.е. определить, что из них *следует* или же *вытекает*» [Там же, с. 411]. Соответственно, объектом изучения интерпретативной семиотики становится не означивание как система соотношений между планом выражения и планом содержания (как было в традиционной семиотике), а семиозис, представленный в виде многочисленных цепочек знаков, создающих собственные интерпретанты (связь между которыми устанавливается за счет инференциальных переходов).

Итак, в интерпретанте как смысловой структуре выделяется две стороны: функциональная и результативная, связанная с конкретным заполнением функции определенным элементом (опосредующим представлением). Функциональные свойства интерпретанта позволяют провести культурно-обусловленный анализ содержания текста-знака благодаря установлению инференциальных от-

ношений (отношений семантического вывода) с другими текстами-знаками и их взаимными корреляциями. Тем самым интерпретанты обуславливают семиозис, находящийся под контролем субъекта-интерпретатора, который его и направляет. При этом интерпретация текста-знака, имеющего разную степень плотности смысла, строится не линейно, а стратегически, т.е. происходит переход от одного узла смысла (представляющего собой место сопряжения и пересечения значений многочисленных элементов) к другому. Адекватным отражением данного процесса является сеть интерпретантов, актуализирующихся в смысловых узлах, и учитывая открытый, динамичный характер и способность к постоянному росту данной сети за счет процесса семиозиса, можно говорить о ее ризоморфности (развитию по принципу ризомы).

1.3. Семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения: методика исследования

В данном параграфе рассматриваются теоретические основания стратегического подхода к интерпретации и пониманию текстов, формулируется методика построения семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, приводится поэтапное представление данной методики и описание ее применения на одном примере.

Изучение текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, подразумевает использование комплекса методов смежных с лингвистикой дисциплин (теории текста, когнитивной лингвистики, интерпретативной семиотики, герменевтики, коммуникативных наук, литературоведения и языкознания). В п. 1.2. были описаны те признаки и особенности явления взаимопроникновения текстов, на основе которых мы в дальнейшем и будем выделять совокупности текстов, связанные отношениями взаимопроникновения. На базе выделенных и исследованных текстовых совокупностей будет сформирована интерпретативная стратегия.

Прежде чем перейти к рассмотрению методики построения интерпретативной стратегии понимания взаимопроникающих текстов, поясним содержа-

ние понятий *семиотической интерпретации* и *семиотической стратегии понимания текста*. Теоретическим основанием представленной методики стали исследования У. Эко, посвященные проблемам интерпретации и понимания текстов и проблемам интерпретативной семиотики. Таким образом, анализируемый материал и теоретические принципы, на которых строится исследование, взяты из одного источника. Сложившаяся ситуация может быть рассмотрена в духе работ Эко, который использовал средства структурализма для «вскрытия» структуралистической мифологии. Что же касается неизбежно возникающего вопроса о необходимости различать метаязык исследования и материал исследования, то здесь мы действуем в русле идей интерпретативной семиотики, а также глоссематики Л. Ельмслева [Ельмслев, 1960], которые предлагают рассматривать язык с особой точки зрения. В концепции, которая легла в основу построения методики исследования, не проводится разграничение между метатекстовым языком анализа и анализируемым языковым материалом в связи с обращением к методике семиотической интерпретации (разница между текстом и метатекстом заключается в двойной закодированности последнего). Принцип интерпретативной семиотики: “*Interpretare significa sempre usare altri segni appartenenti ad un medesimo piano di quelli che devono essere spiegati*” [Paolucci, 2007a, p. 122]. – «Интерпретировать – значит всегда использовать другие знаки, принадлежащие тому же самому уровню, к которому относятся знаки, требующие толкования» (перевод мой. – К. Г.). И далее: “*Per questo gli interpretanti hanno dimensione frattale, perché cade qualsiasi distinzione tra lingua-oggetto e metalinguaggio teorico della semantica, tra livello superficiale dei lessemi e livello profondo dei semi <...>. I semi non sono altro che altri lessemi di cui si postula una inesistente natura profonda attraverso una tecnica retorica*” [Ibid, p. 122]. – «Интерпретанты имеют фрактальную структуру, так как исчезает любое различие между языком-объектом и теоретическим метаязыком семантики, между поверхностным уровнем лексем и глубинным уровнем сем <...>. Семы представляют собой ни что иное, как лексемы, у которых посредством использова-

ния риторики постулируется несуществующая глубинная природа» (перевод мой. – К. Г.).

Семиотическая интерпретация текста основывается на герменевтических воззрениях У. Эко, соединяющих идеи герменевтики, интерпретативной семиотики и коммуникативной теории о читательском сотрудничестве. Важным элементом теории интерпретации является идея о герменевтическом круге. В. Дильтей формулирует содержания понятия герменевтического круга следующим образом: «Для всякого истолкования характерно такое продвижение вперед, которое переходит от восприятия определенно-неопределенных частей к попытке захватить смысл их целого, чередующейся с попыткой, исходя из этого целого, точнее определить и сами части» (Цит. по: [Цурганова, 2004, с. 102]). Представление о понимании как о непрерывном движении от части – понимаемого, к целому – контексту, благодаря которому происходит обогащение смысла, характерно и для Г.Г. Гадамера, идеи которого повлияли на У. Эко. По Гадамеру, критерием правильности понимания и, соответственно, интерпретации, выступает «взаимосогласие отдельного и целого» [Гадамер, 1991, с. 72]. Однако, чтобы от части перейти к целому, необходимо совершить операцию «пробрасывания себя», «проецирования смысла целого», заключающуюся в отбрасывании субъективных заблуждений и в поиске смысла, соответствующего контексту интерпретируемого произведения. Г.Г. Гадамер дает нам и упрощенную схему этого процесса: «Кто хочет понять текст, занят набрасыванием: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь пробрасывает себя, проецирует смысл целого. А проблеск смысла, в свою очередь, появляется лишь благодаря тому, что текст читают с известными ожиданиями, в направлении того или иного смысла. И понимание того, что “стоит” на бумаге, заключается, собственно говоря, в том, чтобы разрабатывать такую предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости от того, что получается при дальнейшем вникании в смысл» [Там же, с. 75].

У. Эко пересматривает с позиции семиологии концепцию понимания Г.Г. Гадамера, в основу которой положен принцип герменевтического круга,

следующим образом: для того чтобы понять текст необходимо распознать его интенцию (“*intentio operis*”), которую следует отличать от намерений автора (“*intentio auctoris*”) и намерений читателя (“*intentio lectoris*”). В зависимости от того, какое “*intentio*” пытается найти интерпретатор в тексте, и будут выделяться различные виды анализа текста. Так, большое внимание, уделяемое поиску “*intentio auctoris*” (того, что подразумевал автор), характерно для биографической критики, а чрезмерное внимание к поиску “*intentio lectoris*” – для структуризма и деконструктивизма, которые провозглашают смерть автора и свободу читательских интерпретаций. Спорным понятием, предложенным Эко, является “*intentio operis*”, под которым подразумевается некое имманентно присущее тексту и не зависящее от автора и читателя значение, предопределяющее смысл всего интерпретируемого текста (см.: [Есо, 1992с, 1994]). Вот как он описывает процесс интерпретации текста: “Since the intention of the text is basically to produce a model reader able to make conjectures about it, the initiative of the model reader consists in figuring out a model author that is not the empirical one and that, in the end, coincides with the intention of the text. Thus, more than a parameter to use in order to validate the interpretation, the text is an object that the interpretation builds up in the course of the circular effort of validating itself on the basis of what it makes up as its result” [Есо, 1992с, р. 64]. – «По существу намерение текста состоит в том, чтобы смоделировать такого читателя [идеального читателя. – К. Г.], который сможет об этом догадаться; намерение читателя – в том, чтобы разгадать модель автора текста, который не совпадает с его эмпирическим автором, но в итоге совмещается с интенцией текста. Таким образом, чтобы обосновать определенную интерпретацию, используется несколько параметров, и текст является тем объектом, который создается интерпретацией в ходе повторной попытки обосновать саму себя тем, что является и ее результатом» (перевод мой. – К. Г.). То есть важность в данном случае приобретают те действия читателя, которые направлены на обнаружение “*intentio operis*”, или семиотической стратегии, скрытой в тексте [Есо, 1992с, р. 64]. Гадамеровское пробрасывание неизбежно наступает в тот момент, когда интерпретатор обнаруживает интенцию

текста и следует той стратегии, которая изначально заложена в тексте. При этом изначально выбранный читателем путь интерпретирования подвергается корректировке в процессе вникания в смысл.

Семиотическая стратегия интерпретации базируется на том, что утверждается в тексте (“*intentio operis*”). У. Эко называет несколько правил чтения текста, благодаря которым можно построить адекватную “*intentio operis*” интерпретацию:

а) правильно идентифицировать тему, или топик, текста, что позволит выбрать верный путь для дальнейшего построения изотопий (по А.-Ж. Греймасу, изотопия – это «набор избыточных семантических категорий, которые делают возможным единообразное прочтение повествования» (Цит. по: [Эко, 2007в, с. 52]));

б) выявить в тексте фреймы и интертекстуальные сценарии, которые дают возможность установить не только смысл текста, но и то, как следует интерпретировать данный текст на основе прецедентных сценариев и фреймов, предусматривающих определенное развитие событий [Есо, 1997, р. 183];

в) при этом на каждом этапе следует соотносить полученные значения лексем и предложений с контекстом, в роли которого выступает не только остальной текст, но и культура (семиосфера). В данном случае читатель соотносит полученные данные как с контекстом в рамках интерпретируемого текста, так и с культурным контекстом, т.е. обращается к энциклопедии («запасу знаний об используемом языке (системе образующих его кодов и субкодов)» [Эко, 2007в, с. 474]).

Далее обратимся к *семиотической интерпретативной стратегии понимания текста*. Стратегия, понимаемая как «искусство ведения войны» (греч. *stratēgia* < *stratos* войско + *agō* веду; прямое значение) или «искусство руководства общественной и политической борьбой» (переносное значение) [Крысин, 2008], предполагает наличие некоего военного или политического противостояния, успешное разрешение которого зависит от правильного прогнозирования одной из сторон дальнейшего развития ситуации. Так, один из современных

теоретиков стратегического подхода Colin S. Gray в своей книге “Modern Strategy” [Gray, 1999] говорит о преимущественно военно-политической ориентации классического стратегического подхода к решению проблем (“[Strategy. – К. Г.] uses ‘engagements’, meaning all of the relevant instruments of power as threat or in action, for the objectives of statecraft” [Gray, 1999, p. 17]. – «[Стратегия] использует “боевые действия”, понимаемые как все уместные для данного случая инструменты применения силы в качестве угрозы или в действии, с целью государственного управления» – Перевод мой. – К. Г.). Однако сегодня данный подход распространяется и в других, мирных сферах жизни (экономике, политике и международных отношениях, массовой коммуникации и др.).

Стратегический подход в филологии и коммуникативных науках связан, главным образом, с применением воздействия и манипуляции для успешного достижения поставленной цели (в соответствии с традиционным милитаристским подходом), см. в: [Денисюк, 2004; Иссерс, 2008; Карасик, 2004; Паршина, 2007; Шелестюк, 2008 и др.]). Однако для построения интерпретативной стратегии более важным является выявление комплекса благоприятных для дальнейшего ее применения и достижения определенного результата условий. При этом стратегическое планирование, как справедливо замечает О.С. Иссерс, на практике не всегда приводит к успешной реализации стратегии и достижению прогнозируемого результата [Иссерс, 2008, с. 55–56].

Под *стратегией* мы понимаем некий комплекс действий, направленный на достижение поставленной цели (в соответствии с представлениями Т. ван Дейка и В. Кинча [ван Дейк, 1988], О.С. Иссерс [Иссерс, 2008], Г.Г. Почепцова [Почепцов, 2005]). Однако, как замечают цитируемые выше авторы, данное понятие является достаточно сложным для определения и имеет множество трактовок. Рассматриваемая нами интерпретативная стратегия во многом отличается от хорошо изученных речевых или информационных стратегий (о понятии речевой стратегии см. в: [Иссерс, 2008], об информационной стратегии – см. в: [Почепцов, 2005; Arquilla, 2007]). Различные стратегии интерпретации и понимания текстов были предложены в работах [Арнольд, 1974; Барт, 2001, 2008,

2010; Блум, 1998; Богин, 2001, URL; Гадамер, 1991; Демьянков, 2001, URL; Женетт, 1998; Залевская, 2001; Лотман, 1992, 2010а, 2010б; Макеева, 2000; Рикёр, 2008; Щирова, 2007; Эко, 2003, 2007в и др.]. Всех вышеперечисленных авторов объединяет общее понимание текста как незамкнутой системы, находящейся в постоянном движении и становлении и способной к взаимодействию с другими текстами.

Именно при взаимодействии текстов, по нашему мнению, раскрывается тот смысловой инвариант (интерпретант), который необходим для построения эффективной интерпретативной стратегии. Как утверждают авторы книги «Теория текста», «интерпретация текста непредсказуема и изначально неединственна в силу своей субъективной природы» [Теория текста, 2010, с. 65], что значительно усложняет построение некой типовой интерпретативной стратегии понимания, подходящей для всех. Однако если рассматривать интерпретацию в качестве навыка, необходимого в коммуникативной практике или исследовательской деятельности, то, по мнению К.А. Долинина, ее основной задачей будет «извлечь из текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нем помимо авторской воли; не только постичь для себя, но и разъяснить другим» [Долинин, 2010, с. 8]. Таким образом, в процессе коммуникации использование типовых стратегий понимания текста не просто помогает глубже понять его смысл, но и дает возможность воспользоваться полученной информацией в собственных целях.

Как уже было показано, особенностью организации совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, является наличие общей темы и общего интерпретанта, выступающего в виде моста-инварианта, необходимого для понимания смысла всех текстов, входящих в совокупность. Т.е. в соответствии с нашей гипотезой, организация совокупности взаимопроникающих текстов на основе общих интерпретантов при интерпретации приводит к экономии усилий толкователя, облегчает понимание смысла текстов одного ав-

тора, какими являются, в нашем случае, научные, художественные и публицистические тексты У. Эко.

Для демонстрации данной идеи обратимся к анализу одного из интерпретационных решений, принятых переводчиком Е.А. Костюкович при переводе сборника публицистических статей и выступлений У. Эко «Полный назад! “Горячие войны” и популизм в СМИ» [Эко, 2007a] (оригинальное название “*A passo di gambero: guerre calde e populismo mediatico*”). Это интерпретационное решение заключается во включении при переводе в текст одной из статей фрагментов из романа «Маятник Фуко» с целью облегчить ее интерпретацию и понимание.

В частности, рассмотрим фрагмент статьи У. Эко под названием «Заговор», представляющий собой перевод его предисловия к книге комиксов У. Айснера с изложением гипотезы семиолога о литературных прототипах «Протоколов Сионских мудрецов» (фальшивого документа начала XX в., имеющего антисемитскую направленность), и комментарии, подобранные Е.А. Костюкович и представленные в виде постраничных примечаний к данной статье. В комментариях приводятся, главным образом, фрагменты из романа У. Эко «Маятник Фуко» (из 93 и 95 глав романа), непосредственно связанные с темой данной статьи. К истории литературных прототипов Протоколов Эко возвращается также и в шестой лекции, представленной в сборнике «Шесть прогулок в литературных лесах» (1994), где детально описывается история их создания.

Фрагменты романа, фрагменты статьи и лекции образуют совокупность взаимопроникающих текстов (таб. 1.1): они объединяются тематически и концептуально, система интертекстуальных отсылок между ними строится на основании общих дат и имен собственных и можно выделить общие для обоих текстов интерпретанты. В данном случае комментарии переводчицы эксплицируют отношения взаимопроникновения текстов благодаря точному повторению фрагментов текстов данной совокупности, а лекция раскрывает значение этих отношений для каждого конкретного текста.

Таблица 1.1. Фрагмент совокупности текстов статьи и романа

текст статьи	комментарий
<p>«Историки “Протоколов”, такие как Норман Кон <...>, восстановили связь с прототипическим произведением Германна Гёдше, который в своем романе “Биарриц”, написанном в 1868 году и напечатанном под псевдонимом “Сэр Джон Ретклифф” (Retcliff), рассказывает, как на кладбище в Праге представители двенадцати колен Израилевых собираются и замышляют владычество над миром¹. Через несколько лет после того этот анекдот рассказан в качестве действительного исторического факта в русской книжонке “Евреи – владычества мира”. “Контемпорэн” в 1881 году перепечатывает этот текст в переводе, заверяя, будто он взят из серьезного источника и является свидетельством британского дипломата сэра Джона Ридклиффа (Readcliff). <...> Но вот чего никто не заметил – это что Гёдше списал свой сюжет из романа Дюма “Жозеф Бальзамо” (1849), где описывается встреча Калиостро с заговорщиками-масонами для устройства аферы с ожерельем королевы <...>».</p>	<p>«¹ Нам очень понравилась история с пражским кладбищем. Ее сочинил неизвестный Германн Гёдше, мелкий чиновник на прусской почте. Этот тип ранее опубликовал, с целью дискредитации либерального депутата Вальдека, фальшивые документы, из которых явствовало, будто тот собирался покуситься на короля Пруссии. Фальсификацию разоблачили. Гёдше стал редактором консервативной газеты крупных землевладельцев “Прейсише Крейццайтунг”. После этого под именем сэра Джона Ретклиффа он взялся сочинять сенсационные романы, среди которых – “Биарриц” (1868). В этом “Биаррице” описывается оккультное действие, разворачивавшееся на пражском кладбище. Текст очень напоминает описание сходки иллюминатов у Дюма в зачине “Жозефа Бальзамо”, на которой Калиостро, глава Неопознанных Старшин, среди которых числится и Сведенборг, сплетает первые нити заговора вокруг ожерелья королевы. В “Биаррице” на пражское кладбище съезжаются представители двенадцати колен Израилевых и представляют каждый свой собственный план завоевания мира. В 1876 году в одном русском памфлете это собрание из “Биаррица” приводится, как будто оно имело место в реальной жизни. Этот же ход повторяется в 1881 году во Франции (газета “Контемпорэн”). Там пояснено, что сведения почерпнуты из достоверных источников, от английского дипломата сэра Джона Редк-</p>

[Эко, 2007а, с. 500–502]

лиффа. (Маятник Фуко, гл. 95)». [Эко, 2007а, с. 501], [Эко, 2005, с. 581]

В приведенном фрагменте статьи, коротко формулируются основные положения из гарвардской лекции 1993 г. [Эко, 2002], а в комментариях, добавленных Е.А. Костюкович, даются фрагменты из романа, в которых описывается вся история создания «Протоколов Сионских мудрецов». Таким образом, в тексте статьи рассматривается история функционирования поддельного документа, а в комментариях – история его создания (точнее, гипотеза У. Эко о создании «Протоколов», воплощенная в художественной форме). Подобным же образом в статье размещено еще пять комментариев из романа, которые в разной степени детализируют выдвинутые Эко положения.

Смысловой доминантой данной совокупности текстов (построенной из основных актуализированных интерпретантов) выступает мысль о сходстве места действия «Протоколов» с местом действия нескольких романов XIX века, что указывает на «стремление строить жизнь по законам литературы» [Эко, 2002, с. 243]. Это позволяет при дальнейшей интерпретации раскрыть смысл приведенной истории как в контексте художественного произведения «Маятник Фуко», так и применительно к научной теории Эко о вымышленных мирах (см. в: [Гайер, 2014б]). Тем самым, следующим стратегическим ходом в интерпретировании будет обращение к литературоведческим работам У. Эко (при интерпретации романа) или же – к художественному творчеству (при интерпретации научной текста).

Ниже формулируется методика семиотической интерпретации текстов, связанных отношениями взаимопроникновения. Методика базируется на теоретических основаниях интерпретативной семиотики, описанных в п. 1.2. Целью применения данной методики является построение семиотической интерпретативной стратегии понимания взаимопроникающих текстов одного автора (У. Эко). Данная цель реализуется посредством решения следующих задач: 1. выявления совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения; 2. нахождения общих для каждой совокупности текстов интерпретан-

тов; 3. моделирования инференционных переходов и установление связей между интерпретантами; 4. построения интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.

В соответствии с поставленными задачами методика включает в себя следующие этапы.

1) *Формирование совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.* Для выявления совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, необходимо выделить ключевые идеи и мотивы, которые тематически организуют тексты в рамках одной совокупности, и произвести интертекстуальный анализ материала с тем, чтобы окончательно сформировать текстовую совокупность. Задачи: а) в научном и художественном творчестве У. Эко выявляются основные ключевые элементы (концепты, темы, лейтмотивы); для решения данной задачи используются общетеоретические методы анализа и синтеза, логические методы дедукции и индукции, анализ ключевых слов и сопоставительный метод; б) окончательное формирование совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения; для решения данной задачи используются интертекстуальный анализ, трансформационный анализ, сопоставительный метод.

2) *Семиотическая интерпретация.* Производится эксплицирование общих для каждой совокупности текстов интерпретантов, актуализирующих всю совокупность в целом. Задача: определить основные интерпретанты текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, и сформулировать для каждой текстовой совокупности смысловую доминанту, которая ограничивает/устанавливает дальнейшее направление выбора интерпретантов в рамках одной совокупности текстов. Для решения данной задачи используются концептуальный и фреймовый анализ, трансформационный анализ, компонентный анализ.

3) *Моделирование сети интерпретантов.* Моделирование инференционных переходов и установление связей между интерпретантами. Задача: произвести сопоставление сформулированных на третьем этапе интерпретантов и

смоделировать их сети, на основе которой строится интерпретативная стратегия. Для решения данной задачи используются сопоставительный метод, метод инференции, лингвистическая систематизация, общетеоретическая интерпретация результатов предыдущих этапов, моделирование и визуализация.

4) *Стратегическое использование моделей.* Формулирование семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения. Задача этапа: представление интерпретативной стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, в виде комментариев по использованию созданных на предыдущем этапе моделей и рекомендаций к пониманию текстов анализируемого автора (У. Эко). Используемые методы: синтез, лингвистическая систематизация, интерпретация результатов предыдущих этапов.

Продемонстрируем поэтапное применение данной методики на одном примере.

1а) На первом этапе в творчестве У. Эко необходимо выделить ключевые идеи и определить основные составляющие его научного и художественного творчества. При этом мы исходим из утверждения о том, что данные идеи проявляются как в научном творчестве, так и в художественных произведениях (см.: [Ерохина, 2012; Крупенина, 2005; Муштанова, 2015; Ребеккини, 2006; Усманова, 2000; Bondanella, 2005; Caesar, 1994, Eriksson, 2000 и др.]). Основное внимание уделяется работам У. Эко конца 1960-х – начала 1990-х гг. (до 1993 г.).

Ранние работы У. Эко посвящены проблемам структурализма. В частности, «Отсутствующая структура» (1968) представляет собой критику философии структурализма, господствовавшего в гуманитарных науках. В ней У. Эко указывает на основные заблуждения структурализма, стремящегося утвердить себя не только в виде метода исследования, но и в виде его предмета. Разработка моделей структур в семиотическом исследовании является необходимым методическим приемом (данные модели в процесс исследования уточняются и углубляются), но ставить углубление, уточнение этих моделей или же поиск

структуры конечной целью исследования – означает делать структурный принцип онтологическим. Именно «*онтологизация структуры*» становится ключевым элементом произведений данного периода, который является базой для формирования тематической общности текстов.

1б) Далее производится интертекстуальный анализ материала по определенной на первом этапе теме и проводится сопоставительный анализ текстов для формирования совокупности.

Пример онтологизации структуры У. Эко видит в психоаналитическом методе Ж. Лакана (выросшем из философии М. Хайдеггера), который используется для анализа произведений искусства. Онтологичность структурализма Лакана заключается, по мнению У. Эко, в том, что проводя анализ цепи означающих, Лакан формулирует бинарную оппозицию «присутствия/отсутствия Другого» с условием априорного наличия Отсутствия («Не-бытие – это не провал между двумя членами оппозиции, оно – источник всех возможных оппозиций» [Эко, 2006б, с. 434]), а это исключает любую возможность нахождения структуры и разрушает саму методику исследования. Например, при последовательном применении психоаналитического метода Лакана, выявляющего общие структуры детерминации субъекта, «всякое научное исследование, если оно проведено достаточно строго, должно независимо от разнообразия исследуемого материала выдавать один и тот же результат, сводя всякий дискурс к речи Другого. <...> В итоге всякое исследование будет считаться истинным и плодотворным в той мере, в какой оно нам сообщит то, что мы уже знали. Самое поразительное открытие, которое мы совершим, структуралистски прочитав “Царя Эдипа”, будет заключаться в том, что у царя Эдипа эдипов комплекс» [Там же, с. 427]. При этом само литературное произведение превратится в данном случае в «зияние, генерирующее смыслы, как Отсутствие, как Вихревая Воронка, как полость, о которой мы догадываемся только по излучаемым ею смыслам, сама же она никаким смыслом не может быть заполнена» [Там же, с. 428].

При сопоставлении текстов «Отсутствующей структуры» и «Маятника Фуко» выделяются следующие общие концепты, которые актуализируют интертекстуальные связи между произведениями, – «отсутствие», «недостаточность субъекта», «смысловая пустота». Построение текстовой совокупности идет в направлении раскрытия содержания данных понятий, их ассоциативной связи с другими понятиями (всегда с учетом жанровых особенностей рассматриваемых произведений).

Объединение в совокупность проводится на основе общей тематики, раскрытой в данных текстах, и ключевых слов, а также концептуальной схожести, что позволяет говорить об установлении между текстами отношений интертекстуальности. Ниже приводится сопоставительная таблица, в которой представлены наиболее показательные примеры из текстов, составляющих исследуемую совокупность. Выделенные лексемы и словосочетания, являющиеся *единицами исследования*, выполняют функцию сигналов, позволяющих говорить о наличии отношений взаимопроникновения между текстами благодаря тому, что интерпретация выделенных лексем/словосочетаний в контексте происходит через актуализацию одних и тех же интерпретантов как в научном тексте, так и в тексте романа. То есть данные лексемы и словосочетания представляют собой, по сути, языковое воплощение интерпретантов, которые инференциально выводятся из них. Результат, полученный на данном этапе, может быть представлен в виде следующей таблицы (таб. 1.2).

Таблица 1.2. Фрагмент совокупности текстов №1

научный текст	художественный текст
«Всякое научное исследование, если оно проведено достаточно строго, должно независимо от разнообразия исследуемого материала выдавать один и тот же результат, сводя всякий дискурс к речи Другого» [Эко, 2006б, с. 427]. «Произведение искусства <...> может	«Но нет, Бельбо не захотел унижаться, он предпочел умереть. Не то чтобы он не хотел унижаться перед перевесом силы. Ему претило унижение перед отсутствием смысла . А это означает, что он каким-то образом знал, что при всей

функционировать, значить что-либо и обретать вес в наших глазах, только если оно понято как **Зияние**, генерирующее смыслы, как **Отсутствие**, как Вихревая Воронка, как **полость**, о которой мы догадываемся только по излучаемым ею смыслам, сама же она никаким смыслом **не может быть заполнена**» [Там же, с. 428].

«**Отсутствие** в лакановском универсуме появляется вовсе не в связи сформированием цепи означающих через указание на **присутствие** и **отсутствие**. Дело в том, что цепь означающих формируется через оппозиции и различия, поскольку уже имеется некое конститутивное **Отсутствие**» [Там же, с. 434].

«Драма субъекта состоит в том, что язык доказывает ему его собственную **бытийную недостаточность**. **Зияния** в цепи означающих удостоверяют, что **структура субъекта прерывна**. Именно “смысловые дыры” есть то, что предопределяет его дискурс. На то, что важно, указывает вовсе не оппозициональное сопряжение, но просвечивающее в глубине **отсутствие**» [Там же, с. 435].

хрупкости естества, при том, что **бесконечно и бесцельно наше исследование мира**, некоторые вещи имеют больше смысла, чем другие» [Там же, с. 738].

«Наваждение Маятника, которое преследовало Якопо Бельбо в течение всей его взрослой жизни, было – как **утерянный** во сне адрес – **отображением того другого момента**, закрепившегося было в сознании и потом **вытесненного**, в котором он действительно прикоснулся к потолочному своду мира <...>» [Там же, с. 751].

«Якопо Бельбо не понял тогда, что его **миг был ему даден**, и его должно было хватить на всю оставшуюся жизнь. Он его не опознал и провел остаток своих дней в **поисках иного**, пока не погубил себя. А может быть, он что-то и подозревал, иначе не возвращался бы так часто к теме трубы. Но труба ему помнилась в виде **утраты**, а между тем на самом деле она **некогда была ему дана**» [Там же, с. 751–752].

В сопоставительной таблице представлены фрагменты текстовой совокупности, которые актуализируют всю совокупность в целом. В данных фраг-

ментах излагаются основные положения, служащий для выделения интерпретантов. При этом за границами таблицы находится остальной цельный и взаимосвязанный текст, выполняющий, в данном случае, функцию контекста.

2) В представленной методике этап 1б и этап 2 неразрывно связаны. На данном этапе происходит интерпретационный анализ представленной текстовой совокупности и выделение ее интерпретантов, образующих ризоморфную сеть. Кроме того, формулируется смысловая доминанта текстовой совокупности с использованием методов обобщения, семантического анализа, трансформационного анализа и инференционального вывода. Смысловая доминанта станет базой для построения в дальнейшем интерпретативной стратегии. И если на предыдущих этапах особое внимание уделялось научному тексту, с которого начинался анализ, то в данном случае мы обращаемся к художественному тексту (применительно к данной текстовой совокупности).

Фрагменты художественного текста, входящего в рассматриваемую совокупность текстов, относятся к той части романа «Маятник Фуко» [Эко, 2005], в которой дается описание психологических переживаний Бельбо, одного из главных героев, сочинившего план по захвату мира и погибшего от рук людей, которые поверили в истинность фальшивого текста. В эпизоде, ставшим частью анализируемого материала, речь идет о главном моменте в жизни героя, который тот пережил в детстве: после победы итальянских партизан над фашистами ему выпала честь играть на трубе во время торжественной службы прощания с погибшими.

Если сопоставить научный и художественный текст, то обнаруживается, что мысль о лакановской неполноте и недостаточности субъекта, упустившего момент истины и чувствующего, что он ее упустил (первый и второй фрагменты), с одной стороны, и отсутствие смысла, которое характерно для деятельности героя по созданию плана (первый фрагмент), – с другой, реализованы в романе через персонажную и событийную системы. Все, что связано с методикой исследования в научном тексте, трансформируется в романе в деятельность персонажей, представляющую собой подробное описание процесса интерпре-

тации различных текстов (она же является единственным способом представления второстепенных персонажей), а онтология научного исследования превращается в онтологию романного бытия персонажей.

Во время создания персонажами Плана по захвату мира переосмысление романной действительности идет в соответствии с лакановским методом обнаружения все более и более глубинных структур явлений, которые оказываются бессмысленными с точки зрения окружающей действительности, но значимы для отыскания неких тайных смыслов. Сам План, создаваемый сначала как игра из тех обрывков дискурсов других персонажей, которые случайно встречаются главному герою в ходе развития романного действия, конструируется по правилам онтологического структурализма, когда в различных фактах и явлениях видится одинаковая структура, которая в итоге мыслится как единственно возможная и истинная (второй и третий фрагменты). В данном случае, исходя из концепции Ж. Лакана, мы видим в романе персонифицированную идею того, как дискурс, конструирующий субъекта, предопределяет дальнейшее движение сюжета – придуманный Бельбо План начинает воплощаться в романную действительность (находятся персонажи, которые верят в истинность Плана, а все происходящие в романе события подтверждают его реальность).

Теперь мы можем вернуться к тем концептам, которые были выделены на втором этапе (отсутствие, недостаточность субъекта, смысловая пустота) и в свете всего вышесказанного сформулировать их значение, которое позволит установить смысловую доминанту данной совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.

Для У. Эко «отсутствие», а также связанная с ним «смысловая пустота», являются тем мифом, за которым скрывается слабость и неспособность субъекта встретиться лицом к лицу с реальностью. Отсутствие мыслится как то, что нельзя структурировать, хотя смысл онтологического структурализма состоит именно в том, чтобы найти некую «Пра-структуру». Тем самым, мы сталкиваемся, как пишет Эко, с «тупиками онтологического структурализма» [Эко, 2006б, с. 442], работать в рамках которого дальше становится невозможным. То

есть смысловую доминанту данной совокупности, с учетом авторского отношения к рассмотренным выше концептам, можно сформулировать следующим образом: «Смысловая пустота чего-либо подобна желанию найти глубинную основу, которую нельзя исследовать рациональным способом, а значит, можно структурировать сообразно со своими желаниями и представлениями».

Выделение ключевых интерпретантов, и их соотнесение между собой вкупе с формулированием смысловых доминант текстовых совокупностей позволяет создать *семиотическую интерпретативную стратегию понимания* текстов, связанных отношениями взаимопроникновения. Она заключается в моделировании и описании максимально свободной и открытой сети интерпретантов, в которой представлены эксплицитные и имплицитные связи между ключевыми для интерпретации текста понятиями и использование которой облегчает понимание как текстов в составе совокупности, так и авторской позиции по отношению к рассматриваемым в текстах явлениям.

3) Интерпретанты, выделенные на предыдущем этапе применения методики, встраиваются в сеть интерпретантов, представляющую собой часть семиосферы (по Ю.М. Лотману) или энциклопедии (по У. Эко). Моделирование сети интерпретантов учитывает такое ее свойство, как *ризоморфность*, т.е. организацию по принципу ризомы [Делёз, 2010; Lorusso, 2008; Paolucci, 2007a]. Модель ризоморфной сети с узлами-интерпретантами (см. п. 1.2) позволяет наглядно представить связи между ними и показать необходимый фрагмент семиозиса. Подробнее третий и четвертый этап представленной методики будут рассмотрены в третьей главе данного исследования.

Недостатком представленной в исследовании модели ризоморфной сети интерпретантов является отсутствие в ней интерактивности и ее фрагментарность (представлены лишь части сетей интерпретантов). Однако компьютерная обработка полученных интерпретантов методом “cloud visualization” (см. в: [SparkClouds, URL, 2010]) позволит смоделировать так называемое «облако данных» – трехмерную модель, не имеющую определенной формы и состоящую из сети узлов, в которых располагаются визуализированные понятия. При

обращении к определенному узлу сети происходит автоматическая перенастройка всей модели, и выбранный узел занимает место в центре облака (тем самым реализуется принцип интерактивности – интерпретатор актуализирует некое понятие, которое в определенный момент времени становится точкой отсчета для дальнейшей интерпретации), а остальные понятия уходят на периферию.

Таким образом, было установлено, что построение интерпретативной стратегии предполагает достижение цели (понимания) посредством выполнения последовательных действий, эффективность которых связана с экономией усилий, затрачиваемых на толкование текста. Интерпретация взаимопроникающих текстов предполагает построение сети интерпретантов, на основе которых далее строится стратегия их понимания. При этом тексты структурируются и рассматриваются не по отдельности, а в комплексе, что значительно облегчает их понимание. Предложенная методика исследования учитывает особенности межтекстовых отношений взаимопроникновения и имеет в качестве своей базы работы У. Эко по интерпретативной семиотике.

Выводы

1) Существование взаимодействия текстов обуславливается динамической природой текста, который понимается не просто как целостное и замкнутое знаковое образование, но и как динамическое и открытое для трансформаций и взаимообмена смыслами устройство. Во время взаимодействия текстов наблюдается определенное пересечение их смыслов, которое необходимо учитывать для того, чтобы избежать частичной потери смысла текстов при понимании. Понимание взаимодействия текстов как встречи двух динамических систем возможно лишь при наличии субъекта, который не просто актуализирует заложенные в текстах значения, а проводит целенаправленный отбор тех из них, которые соответствуют его предпочтениям (идеологии в семиотическом понимании).

2) Интертекстуальность понимается как способ кодирования смысла с помощью чужого текста, который интегрируется в рассматриваемый текст, вступая с ним в новые отношения и порождая новый смысл, и обосновывает образование новых отношений между двумя текстами (между интегрированным и созданным с его помощью текстами). Благодаря одновременному присутствию двух этих текстов в семиосфере между ними устанавливаются интертекстуальные отношения с образованием двунаправленной связи, которая ставит тексты в отношения синонимии и снимает различия, характерные для пары «прецедентный текст – текст-реципиент».

3) Взаимопроникновение текстов представляет собой особый вид межтекстового взаимодействия, основывающийся на наличии в текстах, связанных интертекстуальными отношениями, общих смысловых структур, функция которых состоит в актуализации при интерпретировании этих взаимодействующих текстов для последующего понимания их смысла. Основными признаками взаимопроникновения, позволяющими объединить взаимодействующие тексты в совокупность, являются их одновременное функционирование в семиосфере, тематическая общность, интертекстуальность, наличие тождественных смысловых структур (интерпретантов).

4) Интерпретант является смысловой структурой, которая представляет собой опосредующее представление и инференциально связывает знаки в процессе семиозиса. В нем выделяется две стороны – функциональная (потенциальный источник образования новых знаков; часть функции, связывающей форму и значение) и результативная (связана с заполнением функции конкретным значением, отсылающим к референту, а не к другому знаку), – которые дают возможность для культурно-обусловленного анализа содержания текста-знака благодаря установлению инференциальных отношений с другими текстами-знаками и их взаимными корреляциями.

5) Семиотическая интерпретация текста, обусловленная его знаковой природой и обращением к интерпретантам, строится не линейно, а стратегически – происходит переход от одного узла смысла (представляющего собой ме-

сто сопряжения и пересечения значений элементов текста) к другому в соответствии с целью интерпретатора. Отражением процесса интерпретирования может служить ризоморфная сеть интерпретантов (т.е. сеть, организованная по принципу ризомы), которая характеризуется открытостью, динамичностью и способностью к постоянному росту за счет непрерывного процесса семиозиса.

б) Интерпретативная стратегия предполагает достижение понимания посредством выполнения последовательных действий, эффективность которых связана с экономией усилий, затрачиваемых на толкование текста. Семиотическая интерпретативная стратегия заключается в моделировании и описании максимально свободной и открытой сети интерпретантов, представляющей эксплицитные и имплицитные связи между ключевыми для интерпретации текста понятиями. Использование данной интерпретативной стратегии облегчает понимание как текстов в составе совокупности, так и авторской позиции по отношению к рассматриваемым в текстах явлениям.

7) Разработанная методика имеет в качестве своей базы исследования У. Эко по интерпретативной семиотике. Смысл данной методики заключается в построении сети интерпретантов текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, необходимой для отображения процессов семиозиса, реальных и потенциальных межтекстовых связей, актуализация которых позволит построить типовую стратегию понимания научных и художественных работ У. Эко.

ГЛАВА II. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ РАБОТ У. ЭКО, СВЯЗАННЫХ ОТНОШЕНИЯМИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

В данной главе представлена характеристика материала исследования (научных текстов У. Эко и его романа «Маятник Фуко»), приведены результаты семиотической интерпретации совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, и выделены основные интерпретанты, необходимые для дальнейшего построения семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов.

2.1. Научные и художественные тексты У. Эко конца 1960-х – начала 1990-х годов: специфика материала исследования

Материалом исследования выступают научные и художественные тексты Эко периода конца 1960-х – начала 1990-х гг. В параграфе дается краткая характеристика научных концепций представленного периода и романа «Маятник Фуко», выделяются ключевые элементы творчества У. Эко (концепции, идеи, лейтмотивы), которые позволяют говорить о тематической общности исследуемых текстов и интертекстуальных связях между его работами.

Для выделения совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, помимо романа «Маятник Фуко»/«*Il pendolo di Foucault*» (1988), были проанализированы: сборник лекций “*Interpretation and overinterpretation*”/«Интерпретация и гиперинтерпретация» (1992); три сборника эссе (“*Postille al ‘Nome della rosa’*”/«Заметки на полях “Имени розы”», 1983; “*Travels in Hyperreality*”/«Путешествия в гиперреальности», 1986; “*The Limits of Interpretation*”/«Границы интерпретации», 1990); четыре монографии (“*La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica*”/«Отсутствующая структура. Введение в семиологию», 1968; “*Trattato di semiotica generale*”/«Теория семио-

тики», 1975; “The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts”/«Роль читателя. Исследования по семиотике текста», 1979; “Semiotica e filosofia del linguaggio”/«Семиотика и философия языка», 1984), семь статей из известных научных журналов (“Peirce’s Notion of Interpretant”/ «Понятие интерпретанта у Пирса», 1976; “De Bibliotheca”/«О библиотеке», 1981; “The Theory of Signs and the Role of the Reader”/«Теория знаков и роль читателя», 1981; “Metaphor, Dictionary, and Encyclopedia”/«Метафора, словарь и энциклопедия», 1984; “Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics”/«Инновация и повторение: между эстетикой модерна и постмодерна», 1985; “Greimassian Semantics and the Encyclopedia”/«Семантика и энциклопедия Греймаса», 1989 (в соавторстве с P. Magli, A. Otis); “Unlimited Semeiosis and Drift: Pragmaticism vs. ‘Pragmatism’”/«Неограниченный семиозис и сдвиг: прагматизм против “прагматизма”», 1990 (1995)). В процессе анализа мы обращались также к научным текстам, изданным ранее и позднее рассматриваемого периода, для того чтобы уточнить выдвигаемые положения: к сборникам лекций и эссе “Opera aperta. Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee”/«Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике» (1962), “Six Walks in the Fictional Woods”/«Шесть прогулок в литературных лесах» (1994), “Sulla letteratura”/«О литературе» (2002); к монографиям “Le poetiche di Joyce. Dalla ‘Summa’ al ‘Finnegans Wake’”/«Поэтики Джойса» (1962, 1965) и “Dire quasi la stessa cosa: esperienze di traduzione”/«Сказать почти то же самое: опыты о переводе» (2003). Критериями для отбора текстов послужили: 1) временной период с конца 1960-х до начала 1990-х гг. (с 1968 по 1993 гг.), который является периодом становления и утверждения интерпретативной семиотики как особого раздела семиологии и характеризуется интенсивной научной деятельностью У. Эко; 2) известность и доступность текстов не только в Италии, но и за ее пределами, а также наличие переизданных версий, указывающих на актуальность данного текста (например, не рассматривались тексты, изданные ограниченным тиражом или позднее переработанные для включения их в переиздан-

ные монографии и сборники, в частности – “Le forme del contenuto”(1971), “Il segno”(1973)).

Рассматриваемые тексты объединяются на основе общих тем и концептуальных идей, далее (в п. 2.2) проводится их интертекстуальный анализ для выделения эксплицитных показателей интертекстуальности (цитат, повторений, аллюзий), и имплицитных содержательных инвариантов, которые могут быть по-разному раскрыты в каждом конкретном случае. Н. Пьеге-Гро утверждает: «Показатели интертекстуальности весьма разнообразны. Они могут быть в достаточной мере конвенциональными и эксплицитными, и тогда их можно считать несомненными знаками интертекста. Но нередко бывает и так, что эти знаки приходится создавать самому читателю, который колеблется между предположением и полной уверенностью в том, что в данном тексте действительно содержится отсылка к другому произведению. Поэтому *обнаружение, идентификация и интерпретация интертекста часто тесно связаны между собой. Утверждение о наличии отсылки к другому произведению нередко приобретает доказательную силу только в том случае, если оно подкрепляется соответствующим истолкованием* [курсив мой. – К. Г.], в ходе которого показывается ее логичность и необходимость» [Пьеге-Гро, 2008, с. 138]. Именно поэтому выделение интертекстуальных связей проводится одновременно с выделением общих для всех входящих в совокупность текстов интерпретантов, которые позволяют истолковать смысл текста.

Основной особенностью научного и художественного творчества У. Эко является общность тем, идей и концепций, реализованных в его разножанровых текстах (см. в: [Гайер, 2011, 2012а, 2013б; Лотман, 2000; Ребеккини, 2006; Усманова, 2000; Bondanella, 2005; Capozzi, 1997; Culler, 1992; Eriksson, 2000, URL; Hutcheon, 1993, 1994; Lorusso, 2008; Nankov, 2002; Rorty, 1992; Trifonas, 2007; Vladiv-Glover, 2008]). Но, как указывает один из известных зарубежных исследователей его творчества М. Caesar, “what is striking is not just the big leap between ‘theoretical’ and ‘narrative’ writing, but also the way in which ideas are tried out and returned and revised (and their temperature raised or lowered) in different

kinds and at different levels of discourse (which often reappear in written form): seminar, lecture course, conference paper, scientific journal paper, newspaper article, dictionary or encyclopedia entry, foreword, preface, introduction, commentary, postface or afterword to other people's books, interview, collection of essays, treatise, novel, word games, *exercices de style*" [Caesar, 1999, p. 4]. – «Поражает не только большой скачок от “теоретических” к “повествовательным” работам, но и тот способ, каким его идеи испытываются на практике, возвращаются к своему изначальному состоянию и пересматриваются (и их накал повышается или понижается) в разных видах и на разных уровнях дискурса (который часто появляется и в письменной форме): семинар, лекционный курс, выступление на конференции, научная журнальная статья, газетная статья, словарная или энциклопедическая статья; введение, предисловие, вступление, комментарий и послесловие к книгам других людей; интервью, сборник эссе, научный курс, роман, языковые игры, *упражнения в стиле*» (перевод мой. – К. Г.). Это позволяет рассматривать научные и художественные тексты У. Эко в их взаимосвязи, о наличии которой говорят не только исследователи его творчества, но и он сам (в одном из интервью Эко говорит следующее: “I write my novels that by a mysterious chance have a mass success, but which I personally consider academic novels <...> The academic activity helped me to have instruments to understand the actualities; the continual attention to day by day events helped me to have material for reflection for my academic work” [Соррочк, 1995, URL]. – «Я пишу романы, по воле судьбы оказавшиеся в списке бестселлеров, но которые я лично рассматриваю как научные романы <...>. Научная деятельность помогает мне найти средства для понимания фактов реальной действительности, а постоянное внимание к ежедневным событиям дает материал для размышлений, которые затем найдут свое место в научных работах. – Перевод мой. – К. Г.).

Охарактеризуем основные научные тексты Эко данного периода. Следует сказать, что оригиналы текстов Эко (на итальянском или английском языках) и их переводы могут отличаться друг от друга, так как автор всегда внимательно следит за процессом издания и перевода как своих научных, так и художествен-

венных произведений, может вносить правки, которых не было в оригинальных вариантах. В связи с этим далее, при необходимости, будут использоваться как русский вариант (который исторически является наиболее полным), так и оригинальный итальянский/английский вариант. Кроме того, множество статей и эссе, опубликованных в научных журналах и сборниках конференций, перерабатываются Эко и становятся главами его монографий или повторяются в разных изданиях. Так, например, очерк 1971 г. «О возможности создания эстетических сообщений на языке Эдема» вошел в русские издания «Открытого произведения» и «Роли читателя» (в качестве третьей главы второй части, как и в американской версии “The Role of the Reader”), но отсутствовал в оригинальном итальянском издании “La struttura assente”; шестая глава английского варианта книги “Semiotica e filosofia di linguaggio” (Семиотика и философия языка, 1984), отсутствующая в оригинальном издании, представляет собой часть опубликованной ранее на английском языке журнальной статьи “Two Problems in Textual Interpretation” (1980) и т.д.

В своих первых книгах, посвященных проблемам семиотики, «Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике» (сборник эссе «Opera aperta: forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee» – оригинальное издание 1962 г., перевод второго издания 1967 г.) и «Отсутствующая структура: введение в семиологию» (оригинальное издание 1968 г. «La struttura assente: introduzione alla ricerca semiologica», перевод третьего издания 1980 г.) У. Эко становится на позиции критика структурализма в области структурности структуры и в области функционирования языкового знака. Исходя из идеи Ч.С. Пирса о неограниченном семиозисе, которая подразумевает «отсутствие у знака исходного объекта и конечного интерпретанта» [Эко, 2007в, с. 122], У. Эко отказывается признавать возможность нахождения некой онтологически обобщающей Пра-Структуры, но видит в структуре лишь некую оперативную модель конкретного явления, которая фиксирует лишь определенный момент бытия этого явления и входит в состав более крупного структурного образования (что ведет к попытке нахождения этого более крупного структурного обра-

зования, но и это структурное образование обязательно является частью еще более крупной структуры и т.д., а попытка остановиться на какой-либо ступени необходимо обусловлена рамками определенных идеологических концепций исследователя) [Эко, 2006б]. Отсутствующую структуру можно сравнить со знаком, который в процессе семиозиса интерпретируется через другой знак, а этот через третий и так до бесконечности. Такое динамическое понимание структуры отличается от статического ее состояния в структурализме, поэтому У. Эко выступает на этом этапе как постструктуралист. Однако, рассматривая деконструктивизм Ж. Деррида, он не соглашается с его мнением по поводу возможности цитирования знака «без контекста» (то есть в условиях отсутствия однозначного отправителя, получателя, референта), что порождает совсем уж субъективные интерпретации, не оправданные референциальной природой текста и контекстом синтагмы. А.Р. Усманова пишет, что в данном случае Эко «предлагает деконструировать чтение самого Деррида» [Усманова, 2000, с. 127]. На этапе критики структурализма и деконструктивизма У. Эко уже очерчивает определенные границы «неограниченной интерпретации» текста через его референт, который детерминирован реальностью, кодом и внутренним контекстом синтагмы, коммуникативной ситуацией («которая позволяет понять, каким кодом пользовался отправитель» [Эко, 2006б, с. 88]) и идеологией.

Идеи и концепции, представленные в «Отсутствующей структуре», получают свое дальнейшее развитие в двух канонических монографиях У. Эко, посвященных гуманитарной семиотике, – “*Trattato di semiotica generale*” (1975) и “*Semiotica e filosofia di linguaggio*” (1984) (переработанное английское издание 1986 г. – “*Semiotics and the philosophy of language*”). По мнению зарубежных исследователей творчества У. Эко, именно эти монографии стали основой для создания нового направления семиотики – интерпретативной семиотики [Lorusso, 2008; Paolucci, 2007a, 2007b; Petrilli, 1997].

Наиболее полный вариант семиотической теории Эко представлен в монографии “*Trattato di semiotica generale*” («Теория семиотики»). Семиология

подразделяется у него на теорию кодов (*teoria dei codici*), касающуюся семиотики содержания знака, и теорию производства знаков (*teoria della produzione segnica*), касающуюся семиотики коммуникации. Дальнейшее обоснование в этой книге получают такие фундаментальные понятия семиологии (заявившие впоследствии важное место и в интерпретативной семиотике), как интерпре-тант, энциклопедия и идеология. При этом Эко настаивает на исключении понятия референта из теории семиотики, говоря о том, что семиотика изучает функции означивания (способность выступать в качестве знака) и способы производства значений, а не их соответствие/несоответствие объектам реального мира. Для этого он обращается к феномену лжи: *“Ogni volta che si manifesta una possibilità di mentire siamo in presenza di una funzione segnica. Funzione segnica significa possibilità di significare (e dunque di comunicare) qualcosa a cui non corrisponde alcuno stato reale dei fatti. <...> È chiaro che la semiotica ha individuato a questo punto una nuova soglia, quella tra una semantica INTENSIONALE e una semantica ESTENSIONALE. Una teoria dei codici è interessata solo a una semantica intensionale, mentre il problema riguardante l'estensione di una espressione ha a che vedere con una teoria dei valori di verità o con una teoria del riferimento”* (курсив и выделения автора. – К. Г.) [Есо, 1998, р. 89]. (*«Каждый раз, как появляется возможность лгать, мы сталкиваемся с функцией означивания. Эта функция дает возможность обозначать (и соответственно, передавать) то, что не соответствует никакому реальному положению вещей). <...> Ясно, что семиотика определила здесь свой новый предел – предел между ИНТЕНСИОНАЛЬНОЙ и ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОЙ семантикой. Теория кодов заинтересована лишь в интенциональной семантике, в то время как проблема, касающаяся экстенционала выражения, связана с теорией оценки его истинности или с теорией упоминаний».* – Перевод мой. – К. Г.). Таким образом, вопрос о референте полностью исключается из теории семиотики, что дает возможность Эко отойти от проблем, связанных не только с отношениями между знаком и объектом, но знаком и субъектом, воспринимающим его или производящим означивание. Все это

позволило Эко вывести на первый план два ключевых понятия его теории – интерпретант и идеологию.

Идеология, будучи объектом исследования не только в семиотике, но и в других науках, представляет собой “*visione del mondo parziale e sconnessa: ignorando le multiple interconnessioni dell’universo semantico essa cela anche le ragioni pratiche per cui certi segni sono stati prodotti insieme coi loro interpretanti*” [Эко, 1998, р. 369]. («Неполное и бессвязное видение мира: игнорируя множественные взаимосвязи семантического универсума, она скрывает и конкретные мотивы, из-за которых были произведены определенные знаки и их интерпретанты». – Перевод мой. – К. Г.). Тем самым, конструируя недостающие элементы этого универсума средствами семиотики, можно выявить механизм построения и функционирования идеологии и предвидеть ее дальнейшие распространение и трансформацию.

Следующий этап научной деятельности У. Эко может быть проиллюстрирован его книгой «Роль читателя» (контраминация английского издания под названием “The Role of the Reader” и итальянского издания “Lector in fabula”, опубликованных в 1979 г.). В этой книге У. Эко обращается к фигуре читателя (и модели «образцового читателя»), делая его главной фигурой в процессе художественной коммуникации. Подобный подход к читателю литературного произведения сближает Эко с представителями рецептивной эстетики (В. Изером, М. Риффатером, Х.Р. Яуссом), хотя сам он ясно видит различия между своим «образцовым читателем» и «имплицитным читателем» В. Изера. В курсе лекций 1993 г., собранных в книге «Шесть прогулок в литературных лесах», он говорит: «Образцовый читатель, которого я вывел на сцену в “Lector in fabula”, является последовательностью текстуальных инструкций, представленных в линейном развитии текста именно как последовательность предложений или иных сигналов. <...> Для Изера “роль читателя не идентична фиктивному читателю, смоделированному в тексте. Фиктивный читатель – только один из аспектов роли читателя”. <...> Я, все-таки, в основном сосредоточусь на этом “фиктивном читателе”, смоделированном в тексте, полагая, что главная

задача интерпретации – воплощение этого читателя» [Эко, 2002, с. 33]. Тем самым «образцовый читатель» Эко является более узким понятием, это некий «комплекс благоприятных условий (определяемых в каждом конкретном случае самим текстом), которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализировал свое потенциальное содержание» [Эко, 2007в, с. 25]. Поэтому модель читателя такого текста должна ограничивать интерпретацию текста от множественных толкований, в отличие от понятия «имплицитный читатель» в рецептивной эстетике, который вводится «для выяснения множества его реакций на художественное творение» [Усманова, 2000, с. 131]. Следует заметить, что сходное с понятием «образцовый читатель» понятие «идеальный читатель» мы находим в трудах Ю.М. Лотмана, который пишет: «Текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому, как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя этого текста. Этот образ активно воздействует на реальную аудиторию, перестраивая ее по своему подобию. Личность получателя текста, представляя семиотическое единство, неизбежно вариативна и способна “настраиваться по тексту”» [Лотман, 2010б, с. 203–204]. У. Эко следует общей тенденции в литературоведении, ориентированной, прежде всего, на читателя как главное звено коммуникации, от которого зависит интерпретация текста. Эко выделяет несколько способов конструирования «образцового читателя» посредством выбора языкового кода, выбора литературного стиля и специализированного лексического состава, использования апелляций и обращений к определенному типу читателя, актуализации предполагаемой энциклопедической компетенции читателя и формирования необходимой для понимания текста читательской компетенции [Эко, 2007в, с. 17–19]. При этом в энциклопедическую компетенцию У. Эко включает: читательское знание о семантическом содержании слов (а также об их контекстуальных и ситуативных реализациях), знание правил данного кода, знание фреймов, знание правил гиперкодирования (то есть возможность распознавать риторические структуры и жанр текста), интертекстуальную компетенцию и читательскую идеологию

[Эко, 2007в, с. 36–45]. Подчеркивается большое значение определенной идеологической установки читателя, благодаря которой текст может интерпретироваться с помощью кода, не предусмотренного автором-отправителем и не вытекающего из семантических отношений между словами, что приводит к появлению гиперинтерпретации. Впоследствии выведенная Эко модель «образцового читателя» трансформируется в трехчленную модель “*intentio lectoris – intentio auctoris – intentio operis*”, предполагающую некое «сотрудничество» между читателем, автором и текстом для его адекватной интерпретации и достижения понимания его смысла.

В монографии 1984 г. (“*Semiotica e filosofia del linguaggio*”) Эко уточняет основные концептуальные понятия интерпретативной семиотики, обращаясь к проблемам интерпретации знаков и понимания текстов. Те идеи и понятия, которые использовались в «Роли читателя» получают здесь свое теоретическое обоснование (изотопия как актуализированная семантическая общность текста, энциклопедия как набор возможных интерпретаций знака, составляющих компетенцию субъекта), причем позиция Эко не выглядит больше «пансемиотической» (термин А.Р. Усмановой): субъект (исследователь, читатель, слушающий, говорящий и др.) занимает полноправное место в его семиотической теории и может контролировать процесс производства знаков (семиозис). Более того, здесь же Эко впервые обращает внимание на оппозицию «использование текста – интерпретация текста», которая занимает важное место в его теории интерпретации начала 1990-х гг.: “*Una semiotica testuale studia anche le regole in base alle quali l’interprete di un testo sulla base di ‘segnali’ contenuti in quel testo (e magari sulla base di una conoscenza precedente) decide quale sia il formato della competenza enciclopedica necessaria ad affrontare quel testo. Il che stabilisce anche la discriminante fra interpretazione di un testo e uso indiscriminato dello stesso*”. [Eco, 1997, p. 110] («Семиотика текста изучает также правила, на базе которых интерпретатор текста, основываясь на содержащихся в тексте ‘сигналах’ (и, возможно, на имеющихся знаниях), решает выбрать необходимый для обращения к этому тексту формат энциклопедической компетенции. Это и оправдыва-

ет *интерпретацию* текста и его *использование* в различных условиях». – Перевод мой. – К. Г.). *Интерпретация* текста будет заключаться в стратегическом обращении к нужной части энциклопедии (понимаемой как весь набор доступных субъекту в определенный момент знаний) и в идентификации текстовых сигналов, указывающих на нужный путь интерпретации (с учетом топика текста и его изотопий). Так Эко приводится пример интерпретации текстов Гомера для описания структуры атома и атомной теории Н. Бора для аллегорического представления войны в Трое: если первая интерпретация попросту невозможна («потому что современное определение атома, без сомнения, не принадлежало энциклопедии Гомера» (перевод мой. – К. Г.) – “perché la nozione moderna di atomo era indubbiamente estranea all’enciclopedia omerica” [Ibid, p. 110]), то вторая возможна лишь при условии «установления таких сигналов, которые позволили бы поверить в то, что Бор отсылает именно к этой части энциклопедической компетенции» (перевод мой. – К. Г.) (“stabilire quali segnali autorizzino a credere che Bohr si riferisse a quella porzione di competenza enciclopedica” [Ibid, p. 111]). Их отсутствие говорит об использовании текста в определенных целях (текстовом злоупотреблении).

Следующей проблемой, заинтересовавшей У. Эко, становится феномен гиперинтерпретации, к исследованию которой он обращается в книгах “I limiti dell’interpretazione” (1990) и “Interpretation and Overinterpretation” (1992). Процесс гиперинтерпретации (*overinterpretation* – «чрезмерная интерпретация», «сверхинтерпретации» [Усманова, 2000, с. 145]) понимается при этом как возможность неограниченной рамками самого текста интерпретации, как подмена смысла текста, когда он используется интерпретатором в собственных целях. Появление гиперинтерпретации обусловлено как идеологической предвзятостью интерпретатора, так и появлением (случайным или намеренным) логических ошибок и уловок: подменой понятий, основанных на наличии любого типа отношений между знаками, отождествлением временной и причинно-следственной связи и т.д.

У. Эко подвергает критике различные средневековые герметические практики, которые настаивали на необходимости интерпретации текста без обращения к историческим, социологическим или психологическим данным (современные методы анализа текстов, по мнению ученого, во многом повторяют герметические). В книге “*Interpretation and Overinterpretation*” У. Эко охарактеризовал основные черты методики, ведущей к гиперинтерпретации текста. В данной методике абсолютизируется роль идеологии читателя и роль слова-знака, которое полностью лишается взаимосвязи означаемого с означающим, уже не детерминируется реальностью, а становится неким символом, смысл которого не может быть найден, так как перед читателем открывается всегда лишь часть истинного знания. При этом важное свойство такого подхода составляет преклонение перед тайной Универсума, которая реализуется посредством языка в туманных намеках на единство и связь всех вещей [Eco, 1992c].

Идеологически окрашенная стратегия интерпретации, представляет собой вариант такого интерпретирования текста, при котором предпочтение отдается не просто поиску “*intentio lectoris*” в тексте (которое соответствует модели идеального читателя), но и самому тексту произвольно приписываются другие смыслы. Разница между интерпретацией, ориентированной на поиск “*intentio lectoris*”, и герметической стратегией состоит в том, что обращаясь к последней, интерпретатор использует текст в корыстных целях (для доказательства собственной правоты, демонстрации своего мнения, психологического давления и т.д.), забывая о главном – понимании текста. Одной из главных особенностей герметического понимания, препятствующей адекватной интерпретации, У. Эко называет веру в то, что «текст может иметь любой смысл», но при этом он не отказывается от того, что «текст может иметь много смыслов». (“*I accept the statement that a text can have many senses. I refuse the statement that a text can have every sense*” [Eco, 1992d, p. 141]). Релевантность того или иного смысла, открывающегося в процессе интерпретации, выявляется в процессе его соотношения с целым (“*intentio operis*”), которое игнорируется в герметическом понимании текста. Вместо этого в герметической стратегии на первый план выхо-

дит соответствие выявленного смысла идеологии интерпретатора, на основе предпочтений которого и строится интерпретация (зачастую, с нарушением принципа экономии и элементарных законов логики). Т.е., по мнению У. Эко, гиперинтерпретация, строящаяся на основе идеологических предпочтений интерпретатора, не просто игнорирует традиционный закон герменевтического круга (а значит, не может считаться интерпретацией), но и вовсе *исключает понимание текста как итог процесса его интерпретирования*.

Таким образом, в рассматриваемый период (конец 1960-х – начало 1990-х гг.) основными проблемами, занимавшими ученого, становятся: а) утверждение семиологии как науки о знаках, разработка теории «новой семиологии» – интерпретативной семиотики (основанной на воззрениях Ч.С. Пирса); б) эстетическое сообщение и его интерпретация, читательское сотворчество при чтении художественных текстов и идеология читателя; в) интерпретация и гиперинтерпретация. Наиболее полное художественное представление данные теоретические идеи получили во втором романе Эко «Маятник Фуко» (“Il pendolo di Foucault”, 1988), в котором подводится промежуточный итог его деятельности в качестве семиолога и впервые появляются идеи и гипотезы, теоретически обоснованные в работах конца XX и первого десятилетия XXI вв. [Усманова, 2000]. Перейдем к его краткой характеристике.

В романе «Маятник Фуко» иронично обыгрывается идея поиска истинного знания, а сам роман строится при помощи обнажения постмодернистского приема цитации. Его основная идея заключается в утверждении бесплодности попыток нахождения тайного порядка вещей в мире, переделывания истории и веры во всемирные заговоры. В книге дается описание процесса создания интерпретации одного текста, который, благодаря безудержной фантазии главных героев романа (редакторов миланского издательства) и их склонности к оккультизму, превращается в зашифрованный «План» по захвату власти в мире, и поверив которому, другие герои романа безуспешно пытаются разгадать его. У романа печальный финал – один из редакторов умирает от рака, виня себя в создании «Плана», второго умерщвляют разгневанные приверженцы оккульт-

ных течений, которые так и не смогли разгадать тайну несуществующего заговора, третьего ожидает та же участь – погибнуть от рук безумных фанатиков, поверивших в придуманную им фальшивку. По мнению критика С. Козлова, в романе «Маятник Фуко» У. Эко интересует теперь не процесс дешифровки зашифрованного сообщения, занимавший его на этапе написания первого романа «Имя розы» (“Il nome della rosa”, 1980), а раскрытие «болезни разума, которую представляет одержимость “скрытыми смыслами”» [Козлов, 1989, с. 49]. По его мнению, «в “Маятнике Фуко” все перевернулось: дешифровка скрытых значений оказывается общественно опасной болезнью, а ясность ума проявляется в способности признать ограниченность смысла или отсутствие смысла» [Там же, с. 49]. Эта же тенденция просматривается и в научных работах Эко, который вводит понятие гиперинтерпретации текста и в исследовании коммуникативного процесса обращает особое внимание на слушателя/читателя, структурирующего смысл текста в соответствии со своими идеологическими предпочтениями и вкусами.

Приведенный обзор научных текстов и романа «Маятник Фуко» У. Эко позволяет выделить основные концептуальные проблемы, которые в равной степени интересуют и Эко-ученого, и Эко-писателя, т.е. представлены как в его романе, так и в научных текстах. Объединение тематически схожих текстов на основании данных ключевых проблем по группам, в рамках которых формируются совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, производится следующим образом:

1) Онтологический статус семиологии. Сюда относится целый комплекс исследуемых У. Эко проблем, связанных с онтологизацией структуры объекта исследования, которая из его абстрактной модели превращается в реальность, изучается вместо данного объекта и обуславливает его наличие, с самоограничением возможностей семиологии, которая не может претендовать на статус всеобъемлющей науки, и установлением границ исследования. В эту группу включаются следующие произведения У. Эко: «Маятник Фуко», «Отсутствующий

щая структура», “*Semiotica e filosofia del linguaggio*”, “*Trattato di semiotica generale*”. Группа объединяет четыре текстовых совокупности.

2) Интерпретация семиологии Ч.С. Пирса. Проблема кода. Здесь анализируются тексты, имеющие отношение к проблемам, выдвинутым основателем семиологии Ч.С. Пирсом, на которые Эко обратил особое внимание в рамках его собственной интерпретации концепции Пирса (неограниченный семиозис, абдукция, интерпретант). Кроме того, здесь же рассматриваются различия между эстетическим и не-эстетическим сообщением, а также семантическое действие метафоры и метонимии. В эту группу включаются «Маятник Фуко», «Заметки на полях “Имени розы”», «Отсутствующая структура», «Роль читателя», “*I limiti dell’interpretazione*”, “*Semiotica e filosofia del linguaggio*”, “*Trattato di semiotica generale*”. Группа объединяет четыре текстовых совокупности.

3) Идеология читателя. Языковые помехи, которые сопровождают любой акт коммуникации, особенности упаковки сообщения и идеологические предпочтения читателя влияют на интерпретацию сообщения, а иногда приводят к его гиперинтерпретации. В эту группу включаются «Маятник Фуко», «Отсутствующая структура», «Роль читателя», “*Travels in Hyperreality*”, “*I limiti dell’interpretazione*”, “*Interpretation and Overinterpretation*”, “*Semiotica e filosofia del linguaggio*”, “*Trattato di semiotica generale*”. Группа объединяет две текстовых совокупности.

Таким образом, в данном параграфе были рассмотрены основные особенности исследуемых текстов и выделены важнейшие в контексте нашей работы проблемы, объединяющие научные и художественные произведения У. Эко периода конца 1960-х – начала 1990-х гг. Данная проблематика была разделена на три тематических общности, в рамках которых в дальнейшем и будут рассмотрены совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.

2.2. Интерпретанты взаимопроникающих текстов как результат процесса семиотического интерпретирования

В данном параграфе представлена семиотическая интерпретация текстовых совокупностей, основанных на отношениях взаимопроникновения текстов. Тексты, связанные отношениями взаимопроникновения, охватывают три проблемные области (группы), связанные с особенностями научных воззрений У. Эко, его семиотическими концепциями и особенностями представления в них процесса чтения и интерпретации текстов.

Группа №1. Онтологический статус семиологии. В конце 60-х гг. XX в. У. Эко занимает позиции непримиримого критика структурализма и его методов применительно к семиологии и философии. Рассмотрим важнейшее положение этой критики в научных работах Эко, которая, однако, не ограничивалась лишь его научным творчеством, но нашла свое отражение как в сюжетной части романа «Маятник Фуко», так и на уровне организации текста. Так, основная мысль научной монографии «Отсутствующая структура» (1968) – книги, в которой Эко наиболее полно изложил мнение по данному вопросу, – в том, что «структура существует лишь в качестве методологической предпосылки – в этом смысле она и есть “отсутствующая структура”, оперативная модель, но ни в коем случае не реально существующий объект анализа» [Эко, 2006б, с. 292]. Наличие Пра-Структуры, то есть некоей последней и обобщающей структуры, приводит к отрицанию структурализма как метода, так как под вопрос ставится само понятие языка. Как пишет У. Эко: «Метаморфозы философского порядка случаются тогда, когда лингвист или кто-то еще превращает инструмент объяснения <...> в философское понятие и принуждает инструментальный становиться причиной того самого явления, для исследования которого этот инструментальный и разработан» [Там же, с. 30]. Именно это и происходит с понятиями структуры и оппозиции, которые из методических конструкций стали принадлежностью реальности (особенно в поздних работах французского антрополога К. Леви-Строса). Основной ошибкой онтологизации структуры стало то, что «пресловутые константы [структуры. – К. Г.] полагаются единственным пред-

метом и последней целью исследования, его конечным, а не отправным пунктом» [Там же, с. 487]. И далее: «Располагать гипотезой *того же самого*, чтобы подступиться к тщательному изучению *различного*, это не означает онтологизировать структуру. Онтологизировать структуру – это значит, опустошая запасы *различного*, всегда, везде и с полной убежденностью в своей правоте открывать *то же самое*» [Там же, с. 487]. Разработка моделей структур в семиотическом исследовании является необходимым методологическим приемом (данные модели в процессе исследования уточняются и углубляются), но ставить углубление, уточнение этих моделей или же поиск структуры конечной целью исследования – означает делать структурный принцип онтологическим. Как пишет один из исследователей постмодернистских научных концепций: “For Eco, the analysis of signifying structures – insofar as it is transformed from a method to the search for the origin – descends into ideology” [Linstead, 2003, p. 159]. – «Как только анализ означающих структур превращается из метода в исследование их происхождения – для Эко, он снижается до уровня идеологии» (перевод мой. – К. Г.). А именно выявление идеологии и есть, по У. Эко, основная задача семиотики [Эко, 2006б, с. 34]. Поэтому онтологизированная структура, будучи идеологией, не может иметь объяснительную силу, но может лишь рассматриваться как одно из тех схоластических научных заблуждений, большое количество которых имело широкое распространение в средневековой европейской науке (поэтому У. Эко так часто в своей книге проводит аналогии со Средневековьем).

Перейдем к рассмотрению тех совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, семиотическая интерпретация которых проводится в рамках данной группы. Взаимопроникающие тексты, имеющие общую тему и схоже трактующие комплекс проблем, затрагивающих онтологический статус науки о знаках (семиологии) в текстах У. Эко, объединяются в четыре текстовых совокупности в соответствии с наличием между ними показателей интертекстуальных отношений (повторов, аллюзий, цитат, терминологической однородности, выделяемых смысловых инвариантов и т.д.). Анализ фрагмента

одной из совокупностей, посвященных данной проблематике, был приведен в п. 1.3, ниже представлен анализ фрагментов еще трех совокупностей, входящих в рассматриваемую группу.

Совокупность №2. Данную совокупность составляют фрагменты текстов романа «Маятник Фуко» (главы 5, 110), монографии «Отсутствующая структура» (глава «Отсутствующая структура. (Эпистемология структурных моделей)»), монографии “Trattato di semiotica generale” (главы “Introduzione. Verso una logica della cultura”), сборника эссе «Открытое произведение» (эссе «Дзэн и Запад»). Объединение в совокупность проводится на основе общей тематики, раскрытой в данных текстах (познание реальности через ее изменение и подчинение избранным методам), и ключевых слов, а также концептуальной схожести (наличия общего набора концептов «реальность», «изменение», «управление природой» и других, ассоциативно связанных с ними), что позволяет говорить об установлении между текстами отношений интертекстуальности. Ниже приводится сопоставительная таблица (таб. 2.1), в которой представлены наиболее показательные примеры из текстов, составляющих совокупность. Выделенные лексемы и словосочетания выполняют функцию сигналов взаимопроникновения между текстами благодаря тому, что их интерпретация в контексте происходит через актуализацию одних и тех же интерпретантов как в научном тексте, так и в тексте романа.

Таблица 2.1. Фрагмент совокупности текстов №2

научный текст	текст романа
<p>«Коль скоро реальность непознаваема, то единственный способ ее познать – это изменить ее; в таком случае структурные модели становятся орудием практики. А еще это утвержде-</p>	<p>«Диоталлеви не доверяет Абулафии. Он слышал, что компьютер может представлять буквы в произвольном порядке, выворачивать слова наизнанку, и всполошился, потому что предвидел самые дьявольские последствия подобных манипуляций» [Эко, 2005, с. 44].</p> <p>«Да, это правда, что Тора – я имею в виду, разуме-</p>

<p>ние может подразумевать, что коль скоро реальность непознаваема, то задачей познания будет манипулирование ее фиктивными образами, открывающее доступ к таинственным Источкам этой противоречивой реальности, которая от нас убегает. В таком случае структурные модели представляют собой орудия какой-то мистической инициации, ведущей к созерцанию Абсолюта» [Эко, 2006б, с. 17–18].</p>	<p>ется, видимую Тору – есть лишь одна из перестановок – пермутаций букв, составляющую вечную Тору, какую создал ее Творец и какой ее дал Адаму. Пермутируя столетие за столетием буквы в этой Торе, возможно, рано или поздно взойти к Торе изначальной. <...> Многие ученики Абулафии не сумели удержаться на тонкой грани, разделяющей созерцание имен Бога от магической практики, от манипуляций именами с целью составления талисманов, орудий управления природой. И они не ведали, как не знаешь ты и твоя машина, что всякая буква увязана с какой-либо частью организма и если ты сдвинешь с места одну согласную, не понимая ее силы, один из твоих органов сойдет со своего места, игра природы, и тебя всего перекорежит как снаружи, на всю жизнь, так и внутри, на вечные времена» [Там же, с. 44–45].</p>
--	---

Актуализированные интерпретанты представляют собой понятия/идеи, отсылающие рассматриваемые тексты к другим текстам, которые при интерпретировании объясняются через те же самые понятия/идеи. Они могут пересекаться с концептами, выделенными при анализе, но не ограничиваются ими. В данном случае, основными интерпретантами, которые составляют сеть актуализированных понятий, являются «реальность», «природа», «управление природой», «структура», «модель», «Абсолют», «истина», «созерцание», «изначальное», «манипуляция», «изменение», «бессмысленность».

В качестве смысловой доминанты текстовой совокупности, выведенной из найденных интерпретантов посредством установления смысловых связей между ними и с учетом негативного отношения автора к описываемому в научном тексте явлению (с модальным оттенком онтологической возможности про-

исходящего), выступает следующая идея: *«Познание реальности заключается или в ее созерцании, или в ее структурном изменении, которое может привести к необратимым последствиям»*. При этом смысловая доминанта не может быть выведена только на основе научного текста; при сопоставлении с художественным текстом она однозначно детерминирует идеи и деятельность одного из главных персонажей романа – Диоталлеви.

Обратимся к фрагменту научного текста. В главе «Саморазрушение структуры», откуда он взят, описывается процесс трансформации понятия структуры, к которому приводит ее онтологизация. Следствием онтологизации является невозможность применения структурного метода в качестве метода познания реальности («Если структурный метод опирается на Пра-Систему, тогда реальность, опознаваемая в качестве структуры, есть псевдореальность и никакие структурные модели Истине ни к чему» [Эко, 2006б, с. 17]). Однако структурные модели успешно применимы тогда, когда они понимаются как оперативные фикции, а не как принцип, объясняющий происхождение и функционирование всей реальности. Именно поэтому онтологизация структуры, по мнению У. Эко, является ненаучным принципом познания, ведущим к ложным заключениям.

Фрагменты из романа, находящиеся в составе рассматриваемой текстовой совокупности, представляют собой реплики каббалиста Диоталлеви и описание его отношения к компьютерным программам. Содержанием реплик являются рассуждения героя о пермутациях Торы («Тора (древнеевр. *Torah*) в иудаизме – первые пять книг Священного Писания (Пятикнижие). Согласно традиции, Бог создал Тору еще до сотворения мира. Во время исхода евреев из Египта Он передал Моисею на г. Синай письменную Тору (Пятикнижие) и “устную Тору” (Предание), которые легли в основу иудаизма» [Логош, 2007, с. 460]). Пермутации (перестановки) Торы – один из основных методов практической каббалы (создатель – еврейский философ-мистик А. Абулафия), заключающийся в перестановке букв для того, чтобы постичь Бога и раскрыть божественные тайны мироздания [Там же, с. 8, 200]. В каббале считается, что «в основе мироздания

находятся 10 первоначальных цифр (сефирот) и 22 буквы еврейского алфавита» и что «путем правильного произнесения священных имен можно обрести неограниченную власть над стихиями» [Там же, с. 200–201].

Каббалическое содержание реплик Диоталлеви идентифицируется с онтологическим структурализмом благодаря тому, что оба этих учения, по мнению У. Эко, во-первых, чрезмерно увлекаются комбинаторикой, которая вместо интеллектуального упражнения становится истинной моделью реальности, и, во-вторых, мыслительные операции превращают в законы природы (см. первую текстовую совокупность). Манипулирование и манипуляции не просто утверждаются в рассматриваемых текстах на уровне идеи, но и являются причиной появления негативных последствий. В итоге герой – носитель идеи онтологического структурализма (которая в романе соотносится с каббалой), погибает от рака («Мои клетки изобретают историю, необщую для всех. Мои клетки научились богохульствовать, анаграммируя Книгу и все Книги на свете. И то же они проделывают с моим телом. Переставляют, передвигают, меняют, пермутируют, создают клетки, не виданные никем и никогда, бессмысленные или со смыслами, противоположными правильному» [Эко, 2005, с. 671]). Гибель героя говорит о ложности идей, носителем которых он был, что доказывает неприемлемость онтологического структурализма для У. Эко.

Совокупность №3. В данную совокупность включаются фрагменты текстов романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 67–72, 74–76, 82–84, 86, 88–96, 99–100, 102–104, посвященные толкованию событий мировой истории), монографии «Отсутствующая структура» (глава «Отсутствующая структура. (Эпистемология структурных моделей)»), фрагменты разделов, посвященные анализу работ К. Леви-Строса), монографии «Роль читателя» (фрагменты «Части второй. Закрытое», в которых рассматриваются произведения Э. Сю и И. Флеминга) и статьи “Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics”.

Объединение текстов в совокупность производится на основе общей тематики, раскрытой в данных текстах (исторический процесс, его научная и

идеологическая интерпретация), и выделяемых из текстов концептуальных оппозиций (новое – тождественное; тождественное – различное; отрицание – утверждение). В таб. 2.2 даны в сопоставлении примеры из текстов, составляющих совокупность. Выделенные лексемы и словосочетания в данном случае почти полностью совпадают с актуализированными интерпретантами: «новое», «тождественное», «déjà vu», «различное», «история», «отрицание истории», «структура», «бесконечность», «борьба».

Таблица 2.2. Фрагмент совокупности текстов №3

научный текст	текст романа
<p>«Структуралистская методология, притязающая на открытие неких координат вечности внутри всякого текучего исторического процесса, должна уметь приглядываться к поворотам истории, чтобы выверять на них выявленные ею структуры, выясняя их пригодность анализу нового» [Эко, 2006б, с. 406].</p> <p>«И если вполне можно представить себе эту яростную схватку между структурой и историей, то не только потому, что структура, о которой идет речь, не является орудием синхронного исследования исторических в своей сути явлений, но потому, что с самого</p>	<p>«Не сбежишь от бесконечности, подумал я, удирая к другой бесконечности, не уберешься от встречи с тождественным, пытаюсь отыскать новое» [Эко, 2005, с. 15]</p> <p>«Может быть, действительно существует заговор, и вся история мира – это только результат борьбы за восстановление потерянного Известия?» [Там же, с. 463].</p> <p>«О, так мы поэтапно переоткрываем историю человечества, – сказал Диоталлеви. – Мы с вами переписываем Писание. Интересно, интересно!» [Там же, с. 481].</p> <p>«Меня удивляет вовсе не это, – перебил его Бельбо, – а ощущение déjà vu. Смак всей истории в том, что рассказывается тайная программа завоевания мира, а мы эту программу уже знаем. Попробуйте убрать указанные Диоталлеви отсылки на реалии прошлого века, заменить подземелья метро подземелья-</p>

<p>начала структура понимается как отрицание истории в той мере, в какой она претендует на обоснование Тожественного» [Там же, с. 469].</p>	<p>ми Провэна, и всякий раз вместо слова еврей пишите тамплиер, и всякий раз вместо Сионских Старичков пишите тридцать шесть Невидимок... Ребята, это вылитое Провэнское завещание» [Там же, с. 576].</p>
--	---

Значительную часть «Отсутствующей структуры» занимает критика работ структуралиста К. Леви-Строса, который, по мнению У. Эко, пытается выдвинуть ряд «изначальных и предустановленных структур для того, чтобы иметь соответствующую точку отсчета при оценке новых видов коммуникации, рождающихся как оппозиции к этим параметрам» [Эко, 2006б, с. 405]. Эко выступает против такого линейного и структурированного в бинарных оппозициях понимания исторического процесса, когда он становится не просто оперативной моделью, но превращается в поиск «универсальных констант истории», которые регулируют исторический процесс и к которым он может быть сведен. Здесь же может быть рассмотрена фундаментальная оппозиция «тождественное – различное», где «тождественное» становится характеристикой онтологического структурализма, а «различное» – характеристикой адекватной семиологической методологии. Тексты в составе совокупности объединяются смысловой доминантой, отражающей их преимущественно модальное значение деонтической необходимости, – *«поиск тождественных структур внутри исторического процесса не должен помешать открытию нового в данном процессе»*.

Как и в предыдущей совокупности текстов целесообразнее при интерпретации взять за основу научный текст. Взаимодействие текстов происходит за счет конкретизации понятия структурного метода (из научного текста), отвечающего за движение исторического процесса, в тексте романа. Главные персонажи «Маятника Фуко», изобретают план всемирного заговора, чтобы объяснить ход мировой истории (во втором фрагменте «потерянное Известие» – информация о том, где находится таинственное место, позволяющее захватить власть над миром). При этом они искажают многие исторические события для того, чтобы встроить их в данный план, прикрываясь поиском истины, которая

возможна только в том случае, если все вокруг подчиняется определенным неизбежным законам. В своих научных изысканиях они следуют логике «тождественного» (первый и последний фрагмент текста романа), открывая в вещах и событиях одну и ту же известную структуру. Бесплодность данного подхода к интерпретации исторических событий в реальных исследованиях становится наглядной благодаря сопоставлению с романом, где показаны последствия такой методологической установки.

Совокупность №4 (таб. 2.3). Данную совокупность составляют фрагменты текстов романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 3, 22, 29, 33,34, 63,64, 106, 111, 113, 119, 120, в которых через образ каббалического нисхождения по древу сефирот раскрывается структура романа), фрагменты монографии «Отсутствующая структура» (предисловие – эссе «Размышления 1971/1972»; глава «Отсутствующая структура. (Эпистемология структурных моделей)» – фрагменты разделов, посвященные анализу работ М. Хайдеггера) и монографии “Semiotica e filosofia del linguaggio” (глава “Il modo simbolico”). Объединение текстов в совокупность производится на основе общей темы, раскрытой в данных текстах (каббала как метод интерпретации событий и понимания бытия; интерпретация событий действительности через обращение к языку), и выделяемых из текстов концептов «откровение» и «истина». При этом рассуждения, приводимые в научном тексте, вводятся в реплики персонажа романа и соотносятся также с вне-текстовым пространством – названием глав и их распределением в соответствии с каббалической системой десяти сефирот. Основными интерпретантами, которые включаются в сеть понятий, актуализированных при интерпретировании, являются «каббала», «истолкование», «бытие», «смысл», «откровение», «истина», «язык».

Таблица 2.3. Фрагмент совокупности текстов №4

научный текст	текст романа
«То, что некоторые имеют “сигнификативной	«Я вспоминаю для того, чтобы ввести какой-то смысл в неразбериху нашего ошибочного творе-

цепью”, не может быть структурировано, поскольку она сама – исток всякой структуры. Человек “обитает в языке”. Всякое понимание бытия приходит через язык, и, стало быть, никакая наука не в состоянии объяснить, как функционирует язык, ибо только через язык мы можем постичь, как функционирует мир. Действительно, для Хайдеггера единственно возможное отношение к этому гласу бытия, каковым выступает язык, это “уметь вслушиваться”, внимать, вопрошать, не торопить время, хранить верность тому, что говорит в нас» [Эко, 2006б, с. 24].

«По Хайдеггеру, выходит, что есть только одна возможность вступить в отношения с бытием: это герменевтическая дея-

ния. <...> Первая сефира – это Кетер, Венец, исходная точка, первоначальная пустота. Сначала Он сотворил точку, которая стала Мыслью, где Он начертал все фигуры... Он был, и Он не был, заточенный в имени и убежавший имени, не имел иного имени, кроме “Кто?”» [Эко, 2005, с. 28].

«Я был введен во Дворец. Говорил же Диоталлеви: Бина есть Дворец, который вырастает из первоначального замысла, заложенного в сефире Хохма. <...> В сефире Бина уже заранее оформлены все формы» [Там же, с. 186].

«Я ведь прожил рождение этого Плана как момент Тиферета – а это сердце сефиротического тела, соитие правила и свободы. <...> Но каков есть Мальхут, – то есть Земное царствие, в его ослепительной простоте, – я понимаю только теперь. Успею понять еще, но, наверно, уже не успею пережить истину» [Там же, с. 640].

«Нецах для некоторых толкователей – сефира Соппротивляемости, Выносливости и любовного Терпения. И точно, впереди было Испытание. Но по другим толкователям, это сефира Победы. Победы кого? Полагаю, что в этой истории о проигравших, где Бельбо проиграл одержимцам, а одержимцы Бельбо, Диоталлеви проиграл собственным клеткам, я был единственным победителем. <...> Первая часть моего замысла развернулась точно по плану. Ну, а вторая? Она тоже

<p>тельность, никогда не полное, но всегда целостное истолкование, движение в лад бытию, поуждение его к разговору без какой бы то ни было надежды исчерпывать его тем, что сказано, умение видеть в слове “самораскрытие бытия”, а не словесное обозначение каких-то законов природы» [Там же, с. 441].</p>	<p>пройдет по моему плану ил же по Плану, который уже принадлежит не мне?» [Там же, с. 678].</p> <p>«Хотел бы я успеть записать все то, что я передумал от сегодняшнего обеда до сейчас. <...> Этому невозможно верить, скажут они, этот человек рассказывает о том, как он нас дурачил. Нет, возможно, он сам того не понимает, но Тайное посылает нам шифровки через его злостную небрежность. Написал я ли нет, неважно. Они все равно будут искать второй смысл, даже в моем молчании. Так уж они устроены. Они слепы к Откровению. Мальхут есть Мальхут и все тут» [Там же, с. 759].</p>
---	---

В анализируемом фрагменте совокупности (таб. 2.3) научный текст представляет собой рассуждения, связанные не столько с проблемами онтологизации структуры, сколько с проблемами онтологизации языка. Рассматривая понимание языка и процессов коммуникации в работах М. Хайдеггера, У. Эко указывает, что принятие положения о том, что язык обосновывает все остальное, дает возможность языку «не подлежать никаким “позитивным” исследованиям, которые могли бы выявить его законы» [Эко, 2006б, с. 24]. Язык, как и бытие, не может быть структурирован и возведен к некому Пра-источнику, так как в начале его лежит, по М. Хайдеггеру в интерпретации У. Эко, безосновность и отсутствие. Смысловой доминантой совокупности выступает идея о том, что *«единственная возможность познать реальность – это обратиться к языку, структурирующему бытие»*. Данная идея имеет модальное значение эпистемической возможности, отражающее авторскую позицию в вопросе о языке как проводнике Абсолюта, Высшего существа, Бога и пр.

В романе рассуждения Эко об онтологизации языка представлены в свернутом виде – как символ герменевтической ситуации «вопрошания языка», которая структурирует весь роман в целом. Структура романа соотносится с сис-

темой десяти иудейских цифр (сефирот): Кетер, Хохма, Бина, Хесед, Гевура, Тиферет, Нецах, Год, Йесод и Мальхут, каждая из которых имеет свое значение: Мудрость, Распознавание, Милость, Сила, Великолепие, Победа, Основание и Царство соответственно. Исходя из авторского понимания концепции М. Хайдеггера, когда «есть только одна возможность вступить в отношения с бытием: это герменевтическая деятельность, никогда не полное, но всегда целостное **истолкование**, движение в лад **бытию**» [Эко, 2006б, с. 441], все произошедшие с героями романа события занимают определенное место в одной из 10 сефирот и переосмысливаются исходя из значения каждой сефиры. Такая интерпретация произошедших событий подается через главного героя романа, который и является его автором (текст романа представляет собой записки Казобона, который вспоминает и соответственным образом интерпретирует события, произошедшие с ним и его знакомыми). Истолкование произошедших событий через их распределение по 10 сефирот в соответствии с каббалической трактовкой мира, опять же отсылает к каббале как примеру онтологической структуры (вторая анализируемая совокупность текстов).

Истолкование событий как заполнение десяти сефирот связано с иудейскими экзотерическими верованиями, где «Вселенная уподобляется гигантской висячей цепи, у которой движения нижнего звена (на земле) отзываются на звеньях, находящихся наверху, или древу, чьи корни образуют духовный мир сефирот; существование нитей между различными мирами позволяет воздействовать на любую из сефирот. Человеческая душа, будучи обительницей высшего мира, находится в связи со всеми сефирот и может воздействовать на любую из сефирот» [Аверинцев, 2003, с. 591]. При этом чтобы воздействовать на сефирот и постичь Истину, необходимо произвести определенную операцию, которую можно сравнить с попыткой обретения онтологической структуры реального мира посредством языка, а именно, «осуществить “тиккун”, то есть возвращение, реинкарнацию Адама Кадмона» [Эко, 2005, с. 257], тогда возможно «перестроить все в соразмерную структуру “партсуфим”, лиц, то есть форм, которые займут место сефирот» [Там же. – С. 257]. В каббале Исаака Лу-

рии «тиккун» представляет собой «процесс очищения мира, восстановления изначальной гармонии мироздания; <...> когда все божественные искры будут собраны и вознесены к своему источнику, новые “световые структуры” партсифим заменят сефирот и наступит преображение мира» [Логош, 2007, с. 456]. Можно сказать, что структурирование событий в романе по десяти сефирот и означает попытку «тиккуна» (в терминологии каббалы) или же попытку «самораскрытия бытия» в слове (в терминологии М. Хайдеггера).

Попытка «самораскрытия бытия» и обретения некой структуры реальности, в которую укладываются как произошедшие события, так и те, которые произойдут, терпит крах в соответствии с научными убеждениями У. Эко. На это, в частности, указывают последние строчки романа и его открытый финал. Герой романа Казобон находится в старом доме, куда он сбежал после кровавой расправы над его близким другом Бельбо, и ждет, когда и за ним придут, чтобы убить его. Бельбо, Диоталлеви и Казобон являются разработчиками вымышленного Плана, содержащего информацию о местонахождении подземных магнитных полей, с помощью которых якобы можно управлять всем миром. Об их выдумке узнает группа людей из оккультной тайной секты, мечтающей о захвате власти над всем миром. Члены этой секты верят в выдуманный План и, для того чтобы им завладеть, убивают Бельбо. В итоге в живых остается только Казобон, но и он понимает, что за ним придут, чтобы получить информацию о Плате («Они уже успели догадаться, где я укрываюсь. Скоро они будут здесь» [Эко, 2005, с. 759]). Последние строчки романа содержат отсылку к последней сефире – Мальхут, которая олицетворяет «Землю, Царство Израилево» [Логош, 2007, с. 275], то есть реальность. С одной стороны, завершение романа упоминанием о последней сефире указывает на окончание процесса «самораскрытия бытия», но с другой – появление в последних строчках образа холмов превращает Мальхут в метафорическое обозначение реальности. Вот как выглядит концовка романа:

«Написал я ли нет, неважно. Они все равно будут искать **второй смысл**, даже в моем молчании. Так уж они устроены. Они слепы к **Откровению**. Мальхут есть Мальхут и все тут.

Но попробуйте это им объяснить. У них нет веры.

Так уж лучше оставаться здесь, ждать, любоваться холмами.

Они очень красивы». [Эко, 2005, с. 759]

Таким образом, в конце романа происходит отказ от структурирования событий и обращение к реальности (символом которой являются холмы) в соответствии с научной позицией У. Эко о том, что «реальность богаче и противоречивее всего того, что о ней говорят структурные модели» [Эко, 2006б, с. 17].

Четыре проанализированные выше текстовые совокупности, раскрывающие темы онтологического статуса семиологии в исследованиях У. Эко, эпистемологии структурного подхода и отношение автора к иррациональным способам познания, позволяют установить ряд значимых для понимания научных и художественных текстов, связанных отношением взаимопроникновения, концептуальных оппозиций: присутствие/отсутствие, субъект/Другой, бытие/небытие, тождественное/различное, новое/тождественное, отрицание/утверждение. Значимость данных оппозиций для понимания смысла взаимодействующих текстов Эко раскрывается при обращении к ризоморфным сетям интерпретантов, смоделированным в третьей части данного исследования из следующих интерпретантов (являющихся центральными, доминирующими): отсутствие, смысл, смысловая пустота, бессмысленность, бытие, неполнота, онтологизация, структура, Другой, изначальное, реальность, природа, управление природой, модель, Абсолют, истина, созерцание, изменение, манипуляция, тождественное, *déjà vu*, различное, новое, история, бесконечность, борьба, каббала, истолкование, откровение, язык.

Группа №2. Интерпретация семиологии Ч.С. Пирса. Проблема кода.

У. Эко в семиотической теории Ч.С. Пирса интересуется, прежде всего, та ее часть, которая связана с интерпретантом – «ментальной репрезентацией, или

мыслью, которую он [дицисигнум или информационный знак] стремиться определить» [Пирс, 1983, с. 153]. Обращение к теории интерпретантов определяется выдвигаемой У. Эко гипотезой о том, что «семема сама по себе – это потенциальный (или зачаточный) текст, а текст – это развернутая семема [Эко, 2007в, с. 289]. Для доказательства этой гипотезы У. Эко и обращается к воззрениям Пирса на природу знака, который в теории Пирса является не двойственной сущностью, как у Ф. де Соссюра, а тройственной, состоящей из объекта, знака и интерпретанта. То есть, если рассматривать высказывание (или уже – слово, семему,..) как знак, имеющий своим референтом определенный объект в действительности, то его коррелятом в сознании интерпретатора как раз и будет являться интерпретант. Однако и интерпретант тоже является знаком, что в свою очередь приводит к возникновению новых отношений, а затем к появлению еще одних и так до бесконечности. Установление такой знаковой ситуации («тройственного отношения, или взаимодействия, в котором одно нечто выступает как знак другого нечто (объекта) для третьего нечто (интерпретанта)» [Эко, 2007в, с. 469]) обозначается как семиозис, а главным условием существования семиозиса является «отсылка от одного знака к другому, бесконечная регрессия» [Эко, 2007в, с. 315]. Именно поэтому и возникает выражение «неограниченный семиозис». Безусловно, между референтом обычного знака и референтом интерпретанта существуют определенные сущностные различия, но и они не могут остановить неограниченный семиозис. Окончательный интерпретант, по мнению У. Эко, следует искать в сфере прагматики, ведь «обмен знаками приводит к изменению опыта» [Эко, 2007в, с. 325], так как интерпретант, зачастую, представляет собой некую реакцию на знак, которую можно не интерпретировать дальше при условии ее кодифицированности. У. Эко пишет: «Окончательное значение (или *окончательный интерпретант*) знака можно представлять себе как общее правило, позволяющее нам создавать и/или подтверждать привычки (и наши, и природы). Поэтому привычка, созданная знаком, – это и поведенческая установка действовать неким определенным образом, и правило или предписание для данного действия» [Там же. – С. 325]. Тем

самым, последнее слово в ограничении (точнее, в приостановке) процесса неограниченного семиозиса все равно остается за интерпретатором, хотя сам этот процесс является принадлежностью языка.

Такое понимание пирсовского неограниченного семиозиса побуждает У. Эко обратиться к фигуре читателя (именно поэтому статья о семиотике Ч.С. Пирса включена в сборник, озаглавленный «Роль читателя»/“The Role of the Reader”). Как пишет J. Lechte: “Unlimited semiosis refers, in Eco’s hands, to the kind of middle position in relation to the position of the reader. Although unlimited semiosis is the result of the fact that signs in language always refer to other signs and that a text always offers the prospect of infinite interpretations. Eco wants to avoid the extremes of univocal meaning on the one hand opposing infinite meanings on the other” [Lechte, 1994, p. 128]. – «Неограниченный семиозис у Эко соотносится с некой срединной позицией по отношению к позиции, занимаемой читателем. Хотя неограниченный семиозис и является результатом того, что знаки в языке всегда отсылают к другим знакам и что текст всегда предполагает потенциальную множественность интерпретаций, Эко хочет избежать крайностей однозначности, с одной стороны, и сопротивляется многозначности – с другой» (перевод мой. – К. Г.). Таким образом, несмотря на всеохватность и независимость от интерпретатора, неограниченный семиозис не является главным фактором при интерпретации текста, и поэтому на первое место выходит читатель с целым комплексом знаний и умений (организованным в энциклопедическом формате, по У. Эко).

Перейдем к рассмотрению совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, семиотическая интерпретация которых проводится в рамках данной группы. Взаимопроникающие тексты, тематически связанные и схоже трактующие комплекс проблем интерпретации и трансформации идей семиолога Ч.С. Пирса в работах У. Эко, объединяются в две текстовых совокупности в соответствии с наличием между ними показателей интертекстуальных отношений (повторов, аллюзий, цитат, терминологической однородности, выделяемых смысловых инвариантов и т.д.). В данной группе пред-

ставлены еще две совокупности текстов, которые посвящены рассмотрению особенностей функционирования эстетического сообщения и креативной функции естественного языка (в семиологии – кода).

Совокупность №5. Данную совокупность составляют фрагменты текста романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 3, 19), фрагменты текстов эссе из сборника «Открытое произведение» (фрагменты эссе «Поэтика открытого произведения», «Открытое произведение в изобразительном искусстве»), фрагменты текста монографии «Роль читателя» (фрагменты глав «Введение», «Чарльз Пирс и семиотические основы открытости: знаки как тексты и тексты как знаки», «Lector in fabula: прагматическая стратегия в метанарративном тексте»), фрагменты эссе из сборника “I limiti dell’interpretazione” (эссе “Piccoli mondi”).

Тексты объединяются в совокупность (пример фрагмента совокупности в таб. 2.4) на основе общей темы и сходства их содержания. Рассматриваемый фрагмент из романа содержательно соотносится с научным текстом, но по смыслу он прямо противоположен: если в «Роли читателя» У. Эко при разборе условно-контрфактических высказываний говорит об их потенциальной возможности создавать повествование и о повышении читательского сотрудничества при их восприятии, то в романе попытки читателя, направленные на активизацию данного сотрудничества, пресекаются автором («Но в тот день я был не где-нибудь, а там, так что теперь я действительно здесь» [Эко, 2005, с. 154]), а потенциал условно-контрфактических высказываний остается нереализованным в тексте романа. Особенностью условно-контрфактических высказываний является то, что «благодаря самой своей природе контрфактические высказывания никогда не могут быть подвергнуты какой-либо непосредственной эмпирической проверке посредством реализации их антецедента» [Гудмен, 2001, с. 15]. То есть отсутствие эмпирической проверки таких высказываний, а значит возможность появления любых консеквентов, позволяет создавать все новые и новые выдуманные повествования.

Опираясь на выделенные в таб. 2.4 лексемы и словосочетания можно определить актуализированные в процессе истолкования интерпретанты взаимо-

проникающих текстов: «возможный мир», «реальность», «текст», «условное высказывание». Кроме того, из оставшейся части текстов совокупности, не представленной в таблице, выделяются следующие интерпретанты: «открытое», «закрытое», «многозначность». Смысловая доминанта текстовой совокупности формулируется следующим образом: «условные высказывания дают начало повествованию, создают вымышленный мир». Данная идея выведена из найденных интерпретантов посредством установления смысловых связей между ними и с учетом нейтрального отношения автора к описываемому в научном тексте механизму создания повествований, а также благодаря реализации данного механизма в тексте романа, который выступает в качестве иллюстрации теоретических положений из научного текста.

Таблица 2.4. Фрагмент совокупности текстов №5

исходный текст	текст романа
<p>«Несомненно, художественно-повествовательный текст гораздо сложнее, чем условные контрфактические высказывания разговорного характера, хотя в обоих случаях речь идет о возможном положении дел или о возможном ходе событий. <...> Контрфактические высказывания отличаются от отрывка искусственного повествования только тем, что в первом случае адресат приглашается к более активному сотрудничеству в деле актуализации предложенного ему текста – он должен сам придумать историю, которую ему подсказывает текст» [Эко, 2007в, с. 27–28].</p>	<p>«В тот день я мог бы оказаться в совершенно другом месте. Если бы в тот день я не встретился на улице с Бельбо, сейчас бы я мог... Мог продавать на базаре в Самарканде кунжутное семя. Готовить в печать издания классической литературы для слепых по Брайлю. Возглавлять филиал Ферст Нейшнл Бэнк на Земле Франца-Иосифа... Условно-противительные предложения с ирреальной посылкой всегда истинны, благодаря тому, что ирреальна предпосылка. Но в тот день я был не где-нибудь, а там, так что теперь я действительно здесь» [Эко, 2005, с. 154].</p>

У. Эко, безусловно, отдает предпочтение текстам, организованным по принципу условно-контрфактических высказываний, которые он сопоставляет с открытыми текстами, говоря о том, что «открытость <...> является залогом того удивительного и необычайно глубокого восприятия, к которому наша культура стремится как к одной из самых дорогих ценностей, потому что все в ней побуждает нас постигать, чувствовать и, следовательно, *видеть* мир в соответствии с категорией возможности» [Эко, 2006а, с. 232]). Однако в романе он полемизирует с идеей открытых фабул, конструируя «Маятник Фуко» как текст с жесткой закрытой структурой. Такое противоречие связано с тем, что, по мнению А.Р. Усмановой, У. Эко в период написания романа изменяет точку зрения на открытость текста как его главное достоинство [Усманова, 2000, с. 148–149]. От исследования открытости произведения и множественности его интерпретаций (в «Открытом произведении» и “Trattato di semiotica generale”) он переходит к установлению критериев, ограничивающих интерпретацию, и к исследованию феномена гиперинтерпретации (в сборниках “I limiti dell’interpretazione” и “Interpretation and overinterpretation”).

Совокупность №6 (фрагмент в таб. 2.5). Данная совокупность текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, является переходной: составляющие ее тексты рассматриваются в данной тематической группе, хотя содержательно могут быть отнесены и к другим совокупностям, раскрывающим тему идеологии читателя-интерпретатора. В данную совокупность включаются фрагменты текстов романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 7, 23, 48, 62, 63, 66, 67, 70, 85, 87, 106, 118, в которых описывается процесс интерпретации текстов с использованием абдукции), монографии «Роль читателя» (фрагменты «Введения», главы «Чарльз Пирс и семиотические основы открытости: знаки как тексты и тексты как знаки», Lector in fabula: прагматическая стратегия в метанарративном тексте»). Объединение текстов в совокупность производится на основе общей темы, раскрытой в них (интерпретация как создание гипотез и их дальнейшее подтверждение/опровержение), и выделяемых из текстов концептов «гипотеза», «истолкование», «откровение», «недоверие». В процессе ин-

терпретации текстов актуализируются следующие интерпретанты: «абдукция», «гипотеза», «истолкование», «подозрительность», «зашифрованное», «вера», «откровение», «поиск». Они частично совпадают с выделенными в таб. 2.5 лексемами, функцией которых является актуализация взаимопроникновения текстов при интерпретации, но не ограничиваются ими.

Таблица 2.5. Фрагмент совокупности текстов №6

научный текст	текст романа
<p>«Абдукцию, или ретродукцию, Пирс понимает как переход от множества высказываний, описывающих факты, к множеству гипотез (в частном случае – к одной гипотезе), объясняющих эти факты (т. е. из которых логически следуют эти факты)» [Эко, 2007в, с. 460].</p> <p>«Топик (как подразумеваемый вопрос) дает направление семантическим экспликациям, то есть выбору-предпочтению тех семантических свойств, которые могут и должны приниматься во внимание при чтении данного текста.</p> <p><...> Топик (как подразумеваемый вопрос) – это та абдуктивная схема, которая помогает читателю решать, какие семантические свойства следует актуализовать. Изотопии же – это актуальная</p>	<p>«Я приступил к чтению не для того, чтобы поверить в то, что в манифестах реально было сказано, а для того, что в них можно было вычитать между строк. Я понимал, чтобы заставить их означать не то, что написано, я должен буду проскакивать некоторые места, а другие почитать важнейшими, нежели прочие.</p> <p><...> Передвигаясь в тончайшем времени Откровения, никто не обязан подчиняться дотошным и тупым требованиям логики, перебирать скучные цепочки причин – следствий. <...></p> <p>Поэтому они [манифесты. – К. Г.] не могли означать то, что означали при первоочтении. Следовательно, они не являлись ни призывом к глубинной духовной перестройке, ни рассказом о жизни бедолаги Христиана Розенкрейца. А следовательно, они были зашифрованным текстом, который можно было читать, наложив определенную сетку. Сетка закрыва-</p>

<p>текстовая верификация, то есть проверка на рассматриваемом тексте выдвигаемых в процессе абдукции пробных гипотез» [Там же, с. 52–53].</p>	<p>ет одни пространства и оставляет на воле другие. <...> У меня сетки не было, но достаточно было вообразить ее. Вообразить сетку – значит просто читать с недоверием» [Эко, 2005, с. 467–468].</p>
---	---

Смысловую доминанту можно сформулировать следующим образом: «*направление интерпретации текста зависит от выбранного читателем способа чтения*» (с модальным оттенком обязательности, выражая деонтическую необходимость). В данной текстовой совокупности научный текст содержит описание процесса интерпретации с использованием абдукции (Ч.С. Пирс). По мнению У. Эко, абдукция помогает читателю: «а) выбрать верные фреймы; б) свести их к удобовоспринимаемому формату, “проявляя с увеличением»” или, напротив, “усыпляя” те или иные семантические свойства лексем <...>; с) установить ту текстовую изотопию, согласно которой он, читатель, решает интерпретировать линейную манифестацию текста, чтобы актуализировать структуру его дискурса» [Эко, 2007в, с. 53]. Абдукция, или составление гипотез/предположений о том, как лучше интерпретировать текст, исходя из данной в нем информации, является одним из первых приемов, применяемых читателем при столкновении с любым текстом. Она помогает актуализировать только нужные в данном контексте семемы и установить необходимую изотопию (по А.-Ж. Греймасу, «набор избыточных семантических категорий, которые делают возможным единообразное прочтение повествования» (Цит. по: [Эко, 2007в, с. 52])).

Научный текст подвергается в романе обобщению – вместо одной конкретной стратегии чтения, какой является использование абдуктивной схемы, в романе говорится о некоем общем принципе герметического чтения, направленного, однако, на актуализацию только одной гипотезы – наличия/отсутствия Откровения. Кроме того, можно заметить, что общая структура интерпретативной деятельности персонажей по расшифровке текста средневековой записки организована как цепь непрерывных абдукций. Приведем пример из текста:

«Первые едут в замок, потом соединяются с теми, кто ест хлеб. <...> ...Ну ...допустим, рыцари сенной телеги высадились потом в Шотландии ...но почему оказаться в Шотландии называется “у тех, кто ест хлеб”? <...> Шотландия – Горная страна – друидические обряды – ночь святого Иоанна – летнее солнцестояние – костры Ивана Купала – Золотая ветвь... Попробуем, но успех не гарантирован. Что-то я читал о кострах в “Золотой ветви” Фрэзера» [Эко, 2005, с. 454].

«Хлеб едят не на Ивана Купала, а первого мая, в ночь первомайских костров или ночь Белтейн. <...> Делают лепешки из пшеничной и овсяной муки и выпекают на угольях. <...> Эти лепешки называются бэннок – bannock» [Там же, с. 454–455].

«Секретное ядро ордена, согласно легенде, укрылось в Шотландии при короле Роберте Брюсе и храмовники помогли этому королю выиграть битву при Бэннок Берн. <...> Бэннок на средневековом английском (bannuc на древнесаксонском, bannach на гэльском) – это что-то вроде крекера, выпеченного на плите или гриле, из ячменя или любого другого зерна. Берн (burn) – это поток. <...> Те, кто при хлебе, – означало те, кто выиграл сражение на Хлебном ручье, то есть шотландская ветвь распавшегося ордена» [Там же, с. 455].

Приведенный выше пример – один из образцов абдукции, представленных в романе. Казабон, один из главных персонажей романа, интерпретирует строчку из записки тамплиеров: «Первые едут в замок, потом соединяются с теми, кто ест хлеб» [Там же, с. 454] (точнее, вторую часть – «соединяются с теми, кто ест хлеб»). Сначала он определяет топик «Шотландия» (исходя из текста легенды), затем по ассоциативной цепочке «Шотландия – Горная страна – друидические обряды – ночь святого Иоанна – летнее солнцестояние – костры Ивана Купала – Золотая ветвь» доходит до книги Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», где обнаруживает подтверждение своей гипотезы (второй отрывок в примере), и в итоге, ухватившись за лексему «bannock», актуализирует релевантную для контекста сему – «хлеб, хлебный», обратившись для этого к английскому толковому словарю («Я вытащил из шкафа Большой английский толковый словарь

и проверил свою догадку» [Там же, с. 455]). Таким образом, строчка «соединяются с теми, кто ест хлеб» получает следующее истолкование: «Соединяются с теми, кто выиграл сражение на Хлебном ручье, то есть шотландская ветвь распавшегося ордена тамплиеров» [Там же, с. 455].

Как утверждает М. Fenster в книге «Conspiracy Theories» («Теории заговоров») не только интерпретация Плана, но и его составление тоже является примером развернутой абдукции [Fenster, 2009, p. 112]. При этом абдукцию, применительно к данному случаю, он понимает следующим образом: “Abduction is the process of interpreting unexplained events or results by figuring out a law that can explain them, a process of figuring out that often, in the case of great scientific discoveries, requires imaginative or analogical steps” [Fenster, 2009, p. 113]. – «Абдукция – это процесс интерпретации необъяснимых явлений/последствий при помощи выявления закона, который может их объяснить, и этот процесс выявления, в случае больших научных открытий, часто требует предположений или аналогий» (перевод мой. – К. Г.). Следует учесть, что сама по себе абдукция не приводит к ошибочным интерпретациям, но выбранная в данном случае читательская установка на использование методов герметизма изменяет ее направление. Действительно, как мы выяснили, именно бесконтрольный процесс подбора аналогий и ассоциаций, позволяющий свободно следовать за процессом неограниченного семиозиса, приводит к ошибочным интерпретациям или гиперинтерпретациям.

Далее рассмотрим совокупности текстов, посвященные особенностям эстетического и не-эстетического сообщения, метафоре и метонимии. На протяжении 1970-х гг. У. Эко рассматривает семиотические особенности организации сообщения на естественном языке и эстетического сообщения в художественной коммуникации. В конце 1960-х гг. сфера его интересов включает массовую культуру и авангард, которые под влиянием мировых научных тенденций изучаются именно семиотическими методами (см. интервью: [Escudero-Chauvel, 1997, с. 245]). В это же время Эко рассматривает механизмы появления эстетического сообщения в художественной коммуникации исходя из об-

щего для массовой культуры и эстетики основания – направленности произведения на читателя/зрителя/потребителя, а также влияние авангарда на восприятие мира и формирование образа мира в соответствии с направлениями массовой культуры.

Совокупность №7. Данную совокупность составляют фрагменты текста романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 3, 8, 11, 16, 34, 36, 40, 64, 69, 73, 97, 105, 119), фрагменты текстов эссе из сборника «Открытое произведение» (фрагменты эссе «Поэтика открытого произведения», «О способе формообразования как отражении действительности»), фрагменты текста монографии «Роль читателя» (глава «О возможности создания эстетических сообщений на языке Эдема»), фрагменты текста монографии “Trattato di semiotica generale” (глава “Il testo estetico come esempio di invenzione”), фрагменты сборника эссе «Записки на полях “Имени розы”». Объединение в совокупность проводится на основе общей тематики, раскрытой в данных текстах и ключевых слов, а также концептуальной схожести (выделяются концепты «творчество», «норма», «порядок», «эстетическое»). В представленном в таб. 2.6 фрагменте отношения взаимопроникновения строятся на основе приема цитации строчек из стихотворения Б. Сандрара, общих для научного и художественного текста.

Таблица 2.6. Фрагмент совокупности текстов №7

научный текст	текст романа
<p>“Toutes les femmes que j’ai rencontrées se dressent aux horizons. Avec les gestes piteux et les regards tristes des sémaphores sous la pluie¹” [Эко, 2006а, с. 312].</p>	<p>«Здесь гораздо интереснее: здесь можно расщеплять мысли. Здесь галактика из тысяч тысяч астероидов, все выстроились по ранжиру, беленькие-зелененькие, на выбор, все созданы вами. Фиат Люкс, Биг Бэнг, семь дней, семь минут, семь секунд, и вот пожалуйста, сотворяется мир вековечной текуче-</p>

¹ «Тех женщин, что я знал, на горизонте тень:

Их жесты жалобны и взоры их печальны,

<p>«В таком случае у рассказчика остается только один выход: описывать своего персонажа так, как он проявляется в ситуации, рассказывать о нем в тех ракурсах, которые она предполагает, описывать всю сложность и неопределенность его отношений, говорить об отсутствии четких норм его поведения – и делать это путем нарушения принятых норм повествования» [Там же, с. 334].</p>	<p>сти, где не существует ни четких космологических линий, ни временных связей, здесь орднунг не мусс зайн и возможен поворот обратно, также и во времени, письмена рождаются и тонут, идут ко дну и снова вытекают невозмутимо, выйдут из небытия и спокойно канут туда же, и ты волен их вызывать, переставлять, тасовать, и стирать и тереть их» [Эко, 2005, с.36].</p> <p>«Вот так вот: toutes les femmes que j'ai rencontrées se dressent aux horizons avec les gestes piteux et les regards tristes des sémaphores sous la pluie...» [Там же, с.70].</p>
---	---

В сборнике научных эссе «Открытое произведение» У. Эко обращается к феномену существования эстетического сообщения и рассматривает механизмы его формирования и восприятия. В романе «Маятник Фуко» один из главных героев (Бельбо) также пытается найти ту грань, которая отличает литературу от не-литературы, гения – от посредственности. В рассматриваемой текстовой совокупности актуализируется смысловая доминанта *«эстетическое переосмысление действительности – это возможность понять ее, выйти за ее границы и подчинить себе»*. Она передает авторское мнение о существовании онтологической возможности совершить переосмысление собственной сущности в мире при помощи искусства (что, по сути, и делает сам автор). Основные интерпретанты образуют следующие оппозиции: «порядок»/«беспорядок», «норма/отклонение» (актуализированы также интерпретанты «авангард», «подчинение», «понимание», «игра»).

В научном тексте строфа становится основой для рассуждений У. Эко о феномене современного авангардного искусства и об использовании авангардом различных нелинейных и хаотичных систем. Одной из таких нелинейных систем в романе являются компьютерные файлы Бельбо, которые представляют собой 12 вставных текстов, отграниченных от основной части повествования при помощи изменения шрифта и размера букв. Эти тексты представляют собой поток сознания главного персонажа романа, который экспериментирует с литературными стилями, широко использует приемы аллюзии и цитации.

В таб. 2.6 представлен фрагмент одного из двенадцати файлов Бельбо (первый фрагмент из романа), в котором раскрывается причина выбора жанра потока сознания, позволяющего создать «открытые», то есть максимально неоднозначные, тексты, которые «могут быть подвержены бесчисленному числу различных интерпретаций, не посягающих на их неизменную самоидентифицируемость» [Эко, 2007в, с. 87]. По мнению У. Эко, основные особенности открытого текста можно сформулировать следующим образом (на примере романа Д. Джойса «Поминки по Финнегану», который является для Эко образцом открытого текста): «Каждый эпизод, каждое слово могут иметь множество различных **соотношений** со всеми другими эпизодами и словами в тексте. От того, какой семантический (смысловой) выбор мы делаем в случае одной единицы текста, зависит наша интерпретация всех остальных его единиц. <...> Главное средство для достижения этой всеобъемлющей **многозначности** – **игра слов**, каламбур» [Там же, с. 97]. Все эти особенности можно наблюдать и в приведенном выше фрагменте, где теория Большого Взрыва («Big Bang») соседствует со взаимоисключающей ее библейской теорией происхождения мира («семь дней, семь минут, семь секунд»), а мысль о текучести текстового пространства и о повышении энтропии в нем передается через трансформацию немецкого фразеологизма «*Ordnung muss sein*» («Порядок должен быть») в «орднунг не мусс зайн» («Порядка не должно быть»).

Кроме того, в научном эссе «О способах формообразования как отражении действительности», которое вошло во второе издание сборника «Opera

aperta»/«Открытое произведение», 1967 г.) и откуда взяты фрагменты научного текста, Эко, говоря о создании произведения современного искусства, вспоминает о двух формах отчуждения – «отчуждение от чего-либо» и «отчуждение на что-либо». Обе эти формы отчуждения присутствуют и в романе в компьютерных файлах Бельбо. Особое внимание Эко уделяет той форме отчуждения, которая сформулирована как «отчуждение на что-либо», представляющее собой попытку человека выжить в мире благодаря привязанности к определенным вещам. Однако конформизм отчуждения, по мнению Эко, должен быть преодолен, что, в частности, и происходит в современном искусстве. Так, в строфе авангардиста Сандрара упоминаются семафоры, и это упоминание «представляет собой поэтическую попытку очеловечить определенный элемент городского пейзажа, который мог остаться для нас чужим. <...> Речь идет о попытке распознать объект, понять его увидеть какое место он сможет занять в нашей, человеческой жизни, и, поняв это, постараться представить его в наше распоряжение как метафору, вместо того чтобы только **подчиняться** ему» [Эко, 2006а, с. 312–313]. «Представление объекта в наше распоряжение» и есть преодоление того отчуждения, которое возникает, например, между людьми и техникой. В искусстве наиболее показательной в этом смысле является попытка Дж. Джойса, написавшего роман о кризисе окружающего мира («Поминки по Финнегану»), который «не может судить, отстраняясь от ситуации, и поэтому **организует** ее, сводя к формальной структуре, таким образом, что она сама проявляет себя. Он отчуждается в эту ситуацию, принимая ее законы; но выявляя их, осознавая их как формообразующие, он выходит из этой ситуации и **главенствует** над ней» [Эко, 2006а, с. 335]. Данное рассуждение представляет собой фреймовую структуру, раскрывающуюся в романе «Маятник Фуко», где компьютерные откровения Бельбо, претендующие на эстетическое осмысление окружающего вымышленного мира, строятся в соответствии с законами этого мира (нелинейно, двусмысленно и обрывисто – «путем **нарушения** принятых **норм** повествования» (второй отрывок из научного текста)), и поэтому получают право именоваться художественными произведениями.

Однако, если в художественном творчестве «отчуждение на что-либо» преодолевается, и герой позволяет ситуации организовывать его эстетический дискурс, то его отношения с героинями в романе структурированы как такая форма отчуждения, которая разрушает человека и не дает ему возможности подняться над ситуацией. Обратимся к еще одному фрагменту из научного эссе, а именно к анализу фильма «Затмение» Антониони. Все, что пишет об этом фильме У. Эко в эссе («история двух людей, которые расстаются без причин, просто из скудости чувств»; «она встречает другого, их любовь тоже лишена страсти и страдает от еще большей скудости, от неясности в отношениях, от отсутствия слов и стимулов; каждый персонаж распадается на ряд внешних сил, воздействующих на него»; «единственный **порядком**, является именно тот порядок структурной организации, который своим **беспорядком** позволит человеку осознать ситуацию» [Эко, 2006а, с. 335–336]), реализуется на уровне сюжета, мотивов и фабулы в романе «Маятник Фуко», и научное эссе становится структурной и концептуальной основой сюжетной линии, связанной с героем Бельбо.

Совокупность №8. В данную совокупность включаются фрагменты текстов романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 15, 38, 39, 41, в которых представлено издательство «Мануций»), монографии «Роль читателя» (фрагменты главы «Семантика метафоры»), монографии “Semiotica e filosofia del linguaggio”/“Semiotics and the Philosophy of Language” (фрагменты главы “Metaphor”), статьи “Metaphor, Dictionary, and Encyclopedia”. Объединение текстов в совокупность производится на основе общей темы, раскрытой в них (метафора и метонимия), а также посредством повторяющихся номинаций и цитат. В процессе толкования текстов актуализируются следующие интерпретанты: «метафора», «подстановка», «энциклопедия», «связи», «ассоциации».

Во фрагменте текстовой совокупности из таб. 2.7 основой появления отношений взаимопроникновения текстов выступает номинация «Мандрейк». Научным текстом является фрагмент из эссе «Семантика метафоры» где дается анализ метафорных подстановок, используемых Дж. Джойсом в романе «По-

минки по Финнегану». Героя романа Джойса, Шона, в одной из глав называют «Минуцием Мандрэйком» как и героя известного комикса (авторы Ли Фолк, Фил Дэвис) начала XX в. – Волшебника Мандрейка. При этом основанием для метафорического переноса выступает необычная сила убеждения, которой обладает Шон и которая соотносится с умением Волшебника Мандрейка из комикса гипнотизировать людей, заставляя их делать то, что он хочет (первый анализируемый фрагмент из эссе). Без сомнения, такие способности героя можно назвать сверхъестественным, и именно это и становится основанием для появления интертекстуальной отсылки в романе У. Эко: вместо «алхимика» или «колдуна» в тексте «Маятника Фуко» возникает «Мандрейк».

Таблица 2.7. Фрагмент совокупности текстов №8

научный текст	текст романа
<p>«Мандрэйк из комиксов – искусный фокусник, гипнотизер и иллюзионист. Простым жестом (раз за разом повторяется формула “Мандрэйк делает жест”), вперив глаза в противника, Мандрэйк заставляет его видеть несуществующее, принимать пистолет в собственной руке за банан, слышать голоса вещей... Волшебник Мандрэйк – мастер убеждения, мастер дьявольских трюков» [Эко, 2007в, с. 123].</p> <p>«Поэтому резонно предположить, что, будь то Минуций или Мандрэйк, – это всего лишь метафорные подстановки вместо чего-то другого, а именно: всех достоинств и недостатков, которыми наделен Шон» [Там же, с. 125].</p>	<p>«Ну вот например, я вижу здесь господина в кальсонах с усами, такого Д’Артаньяна, вокруг него абракадабры и козероги, это кто, Мандрейк?» [Эко, 2005, с. 298].</p> <p>«Наука и магия развиваются рука об руку. Вы подумайте, а? Чем не идея? Ну, так давайте, разрабатывайте эту жилу, выкидывайте уродские, как их, динамо-машины и ставьте побольше Мандрейков. Какое-нибудь, не знаю, заклинание бесов, и на золотой подложке» [Там же, с. 298].</p>

Актуализация номинации «Мандрейк» позволяет обратиться во время чтения романа к научным рассуждениям о механизме образования метафор, которые раскрываются в научном тексте. В научном эссе анализируемая номинация представляет собой пример, иллюстрирующий рассуждения об образовании метафоры из метонимии у Дж. Джойса, а в романе – это материализованная в фигуре второстепенного персонажа г-на Гарамона метафора.

Анализируя механизм образования метафор, У. Эко выясняет, что «метафора может быть изобретена, потому что язык, в своем процессе неограниченного семиозиса (знакотворчества), образует многомерную сеть метонимий, каждая из которых объясняется не столько природным, естественным сходством составляющих ее элементов, сколько условностями (конвенциями) данной культуры» [Эко, 2007в, с. 135–136]. Механизм создания метафоры у Эко, по мнению К. О'Grady, по своей природе формален, а «создающий метафоры писатель не божество, а исследователь, перемещающийся по сложным тропинкам, установленным лингвистической системой» (перевод мой. – К. Г.). – “A metaphor-wielding artist is not a deity, creating new forms, but an explorer, traversing the intricate pathways inscribed in the linguistic system” [О'Grady, 1997, p. 99]. Механизм метафорных подстановок, идея которого актуализируется в данной совокупности, отсылает к рассуждениям Эко о возможностях сопрягать вещи, благодаря наличию между ними метонимических семантических цепочек (пример подобной цепочки из романа – «Сосиска – свинтус – щетина – кисть – маньеризм – идея – Платон» [Эко, 2005, с. 264]), которые могут и не отсылать к реальным связям между референтами, но которые могут быть потенциально объяснены через их интерпретанты. То есть смысловой доминантой данной совокупности выступает следующая идея: *«подстановка одного объекта вместо другого возможна при условии их близости»*.

В романе на основе сети метонимий переосмысливаются значения выражений не только в языковом плане, но и их референтов – в художественной реальности. И ассоциативная игра со значениями слов, которые не имеют связей между своими референтами в текстовой действительности, воплощается в ре-

альные связи между предметами художественного мира, что приводит к его краху, точнее к краху того мира, который выдумали персонажи романа («И все мы утрачивали тот интеллектуальный свет, который дает возможность отграничивать подобное от тождественного, метафору от вещи» [Эко, 2005, с. 555]).

Если рассматривать номинацию «Мандрейк» в качестве интертекстуальной отсылки, то в этом случае она направлена непосредственно на разбираемые в научном тексте примеры из произведений Д. Джойса, которые в романе интерпретируются следующим образом: «Мандрейк» – это не только алхимик, изображенный на картинке, которую рассматривает и комментирует герой, но и сам этот герой – г-н Гарамон. Действительно, образ г-на Гарамона, хитрого главы крупного издательства, имеет много общих черт с Мандрейком из комикса: его обходительность и тонкая лесть гипнотически действуют на посетителей, которые безоговорочно верят издателю и с радостью публикуются за собственный счет (подробное описание всех ухищрений г-на Гарамона дано в главах 38 и 39). И даже само название редакции г-на Гарамона – «Мануций» (место, где издатель проделывает свои фокусы над простодушными писателями), отсылает к «Минуцию» из научного текста.

Проанализированные текстовые совокупности раскрывают содержание основных понятий семиологии Ч.С. Пирса в интерпретации У. Эко, а также трансформацию идей американского семиолога в работах У. Эко. В частности, рассмотрение таких фундаментальных понятий семиологии Пирса, как неограниченный семиозис и абдукция, повлияло на развитие концепции Эко о гиперинтерпретации и подтолкнуло его к изучению герметических стратегий чтения современных текстов. Критерий открытости/закрытости текстов, разработанный Эко во время анализа произведений авангарда, был впоследствии перенесен в теорию о читательском сотрудничестве, дополняя идеи Пирса об интерпретации текста. Анализ данных совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, позволил установить следующие значимые для понимания текстов Эко оппозиции: порядок/беспорядок, норма/отклонение. Значимость данных оппозиций для понимания взаимодействующих текстов

Эко и их смысл раскрывается при обращении к сетям интерпретантов, смоделированным в третьей части данного исследования из следующих интерпретантов (являющихся центральными, доминирующими): метафора, подстановка, энциклопедия, связи, ассоциации, подчинение, понимание, абдукция, гипотеза, истолкование, подозрительность, вера, откровение, поиск, возможный мир, реальность, текст, открытое, закрытое, многозначность.

Группа №3. Идеология читателя. В рамках данной тематической общности нами рассмотрено две текстовых совокупности и ниже приводится их анализ. От культурологических и эстетических исследований в 1980-х гг. У. Эко переходит к исследованию фигуры адресата (читателя, слушателя и др.), от которого, в конечном счете, и зависит то, как будет воспринято и интерпретировано произведение. Несмотря на разнородность заявленных Эко проблем, все они могут быть объединены темой интерпретационного сотрудничества адресата, которое раскрывается Эко через исследование открытых/закрытых текстов и используемых для их прочтения читательских стратегий, особенностей метафорического механизма в языке и роли интерпретатора в их актуализации, особенностей читательской идеологии, приводящих к увеличению значимости одних частей текста и уменьшению (а иногда и полному забвению) значимости других. Список рассматриваемых им проблем можно продолжить и далее. Нас интересуют, прежде всего, те научные концепции ученого, которые позволили Эко перейти от «теории к практике» [Ребеккини, 2006; Чекалов, 1988; Eriksson, 2000, URL и др.], то есть от теоретических исследований – к практическому их воплощению в качестве художественных произведений.

Совокупность №9. Данную совокупность составляют фрагменты текста романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 1, 2, 34, 41, 51), фрагменты текста монографии «Роль читателя» (фрагменты глав «Семантика метафоры», «Чарльз Пирс и семиотические основы открытости: знаки как тексты и тексты как знаки»), фрагменты текста монографии “Trattato di semiotica generale” (глава “Teoria dei codici”), фрагменты текста монографии “Semiotica e filosofia del

linguaggio”/“Semiotics and the Philosophy of Language” (глава “Dictionary vs. Encyclopedia”), фрагменты статьи “ Greimassian Semantics and the Encyclopedia”. Тексты объединяются в совокупность на основе общей темы (устройство семантической системы значений в культуре), сходства их содержания и выделяемых из текстов фреймов, представляющих ситуацию «поиск связей между явлениями и событиями». Выделенные в таб. 2.8 лексемы и словосочетания в процессе интерпретирования актуализируют следующие интерпретанты: «связи», «ссылки», «библиотека», «каталог», «информация», «универсум», «знак», «поиск», «игра», «энциклопедия», «узел».

Таблица 2.8. Фрагмент совокупности текстов №9

научный текст	текст романа
<p>«Модель Квиллиана (Модель Q) – это множество узлов, связанных между собой различными ассоциативными связями. Значению (“означаемому”) каждой лексемы, хранимому в памяти, в модели соответствует некий узел, в котором термин, соответствующий данной лексеме, занимает положение “патриарха” и называется типом. Определить тип А – значит использовать в качестве его интерпретантов ряд других лексем (“означающих”»)» [Эко, 2007в, с. 153].</p> <p>«В рамках данной модели каждый знак определяется через свои взаимосвязи с универсумом всех других знаков, которые выступают как интерпретанты, но каждый из которых</p>	<p>«Я не располагал ничем, кроме кучи отрывочных познаний, разнонаправленных, но которые мне удавалось увязать между собой как угодно, ценой нескольких часов в библиотеке» [Эко, 2005, с. 261].</p> <p>«Но я накапливал знания и умения. Я ничего не выбрасывал. Составлял конспекты на все и вся. Я даже не помышлял о компьютерном банке данных, я имел в распоряжении традиционное оборудование и создавал свой банк памяти из хрупких картонных карточек с перекрестными отсылками» [Там же, с. 263].</p> <p>«Для меня любая жвачная рукопись означала возможность заполнить двадцать карточек для будущей игры в</p>

<p>готов стать знаком, интерпретируемым всеми остальными. Таким образом, модель как целое основана на процессе неограниченного семиозиса. Взяв за исходную точку какой-нибудь знак, который будет сочтен типом, можно обойти – от центра до самой дальней периферии – весь универсум элементов культуры» [Там же, с. 154].</p>	<p>пирамидку. Критерий был очень жесткий, я думаю, что этот же критерий применяется обычно спецслужбами: нет более лучших или более худших сведений, сведения нужны любые, а поиск связи между ними – дело техники. Связи существуют всегда, надо только захотеть их найти» [Там же, с. 264].</p>
---	---

Смысловой доминантой рассматриваемой текстовой совокупности (фрагмент которой представлен в таб. 2.8) выступает мысль о том, что *«любые две вещи в мире могут быть связаны в одну систему»*, которая предполагает, по мнению автора, онтологическую возможность существования подобной системы – энциклопедии (У. Эко утверждает, что существование данной системы не подвергается сомнению, но описать ее невозможно). Рассматриваемая текстовая совокупность связана с совокупностью №8, так в ней тоже идет речь о метонимических цепочках, позволяющих создать метафору. В качестве научного текста выступают рассуждения У. Эко о Глобальной Семантической Системе, построенной по Модель Q (модели М.Р. Квиллиана), принцип организации которой К. О’Grady отождествляет с принципом работы Всемирной Паутины (World Wide Web), где из одной произвольной точки сети за счет определенного количества переходов можно добраться до любых других точек (см. в: [О’Grady, 1997, р. 96]). Что касается фрагментов из художественного текста, то в них дается описание основного инструмента структурирования информации в культурно-информационном агентстве, хозяином которого является повествователь (Казабон).

В данном случае научный текст свертывается до фреймовой структуры, в соответствии с которой организуется художественный мир романа и мышление персонажа. Модель Q становится прообразом библиотечного каталога с перекрестными ссылками, а ее основной принцип («Взяв за исходную точку какой-

нибудь знак, который будет сочтен типом, можно обойти – от центра до самой дальней периферии – весь универсум элементов культуры» [Эко, 2007в, с. 154]) становится руководящим принципом познавательной деятельности персонажа романа («Связи существуют всегда, надо только захотеть их найти» [Эко, 2005, с. 264]). В итоге это приводит к образованию большого количества метонимических цепочек знаков, референты которых не связаны между собой в художественном мире (связи обнаруживаются лишь в дискурсе персонажей), а значит, надежда на то, что воплощение в романную действительность языковых связей сможет объяснить реальную взаимосвязь предметов, является ложной. Именно из-за такого научного заблуждения и онтологизации Модели Q (понимания ее как основного принципа существования связей между предметами действительности) убеждения повествователя терпят крах, а роман заканчивается признанием Казабона, в котором тот отказывается от своих убеждений и предлагает присмотреться к окружающей действительности (финал романа подробно рассмотрен ранее).

Совокупность №10. Данную совокупность составляют фрагменты текста романа «Маятник Фуко» (фрагменты глав 17–20, 41, 44–48, 65–68, 70–72, 74, 75, 78, 79, 81–96, 99, 100, 102–104, 117, 118), фрагменты текстов из сборников “Interpretation and overinterpretation” (фрагменты глав “Interpretation and history”, “Overinterpreting texts”, “Between author and text”) и “I limiti dell’interpretazione”/ “The Limits of Interpretation” (фрагменты глав “Intentio Lectoris: The State of the Art”, “Small Worlds”), фрагменты статьи “Unlimited Semeiosis and Drift: Pragmatism vs. ‘Pragmatism’”. Объединение в совокупность проводится на основе общей тематики, раскрытой в данных текстах, и одинакового набора ключевых слов, а также концептуальной схожести (выделяются концепты “tout se tient”, «общность», «совпадение», «мистическое», «герметизм», «интерпретация»). Актуализированные интерпретанты: «общность», «совпадение», «подобие», «тайное», «герметизм», «интерпретация», «гиперинтерпретация», «связи», «взаимосвязь». Фрагмент данной совокупности представлен в сравнительной таблице 2.9.

Таблица 2.9. Фрагмент совокупности текстов №10

научный текст	текст романа
<p>“Hermetic drift is the name I shall give the interpretative habit that dominated Renaissance Hermetism and is based on the principles of universal analogy and sympathy, according to which every item of the furniture of the world is linked to every other element (or to many) of this sublunar world and to every other element (or to many) of the superior world by means of similitudes or resemblances. It is through similitudes that the otherwise occult parenthood between things is manifested, and every sublunar body bears the traces of that parenthood impressed upon it as a signature. The basic principle is not only that the similar can be known through the similar but also that from similarity to similarity everything can be connected with everything else so that everything can be seen as a sign standing for something else and every thing is the sign of another²” [Eco, 1995,</p>	<p>«По сути дела правил было три. Во-первых, понятия сопрягаются по аналогии. Не существует критериев, чтобы знать с самого начала, хороша аналогия или плоха, ибо любая вещь напоминает любую другую вещь под определенным углом зрения. Картофель перекликается с яблоком, потому что оба растительные и круглые. Яблоко со змеем – по библейской ассоциации <...> одеколон со спиртом, спирт с алкоголем, алкоголь с наркотиками, те со шприцем, шприц с дыркой, дырка с ямкой, ямка с грядкой, грядка с картошкой – и круг замкнулся.</p> <p>Второе правило об этом и говорит: если в конце концов, tout se tient [все связано между собой. – К. Г.], все сходится, значит игра засчитывается. От картошки к картошке мы проследили путь истины <...>.</p> <p>И мы действовали по правилам. Ничего не изобретали, только сопоставля-</p>

² «Герметическое смещение – это номинация, которую я дам интерпретативной **привычке**, доминировавшей в ренессансном **герметизме** и базирующейся на принципах **всеобщей аналогии** и **общности**, в соответствии с которыми каждый предмет в мировой обстановке **свя-**

с. 206].

ли имеющиеся кусочки» [Эко, 2005, с. 731–732].

Рассматриваемая текстовая совокупность имеет схожую с совокупностью №9 смысловую доминанту. Тексты в составе совокупности объединяются следующей смысловой доминантой, отражающей онтологическую возможность того, о чем в ней говорится: *«между любыми двумя вещами можно найти нечто общее или подобное»*. Однако в отличие от предыдущей текстовой совокупности, где фрагменты из романа характеризуют деятельность одного персонажа, в данном случае основная идея всего романа может быть выражена посредством научного текста. Рассмотрение совокупности целесообразнее начинать с художественного текста, выражающего основной свод правил, которыми руководствовались персонажи в течение всего романа при расшифровке и интерпретации текстов.

Во фрагменте из романа дается описание той интерпретативной стратегии, которая использована персонажами для разгадки зашифрованного текста и создания на его основе Плана по захвату власти в мире. По сюжету к персонажам романа попадает таинственная зашифрованная записка, которая на самом деле представляет собой средневековую товарную квитанцию, и они, проникнувшись идеями герметизма, интерпретируют данную записку в духе современных оккультистов (тех, кто верит в различные экзотерические учения и практикует их), используя разнообразные средства, предлагаемые герметизмом. Так на страницах романа приводится сотни псевдодоказательств существования секретного ордена тамплиеров даже после того, как это ордено было официально

зан с любым другим элементом (или элементами) в земном мире и с любым другой элементом (или элементами) в **потустороннем** мире при помощи **подобий** и **сходств**. Через **подобия** обнаруживается иное **мистическое родство** между вещами, и каждое земное тело несет в себе следы этого **родства**, запечатленные в виде некой характерной черты. Основной принцип заключается в том, что не только подобное может быть опознано через подобное, но и в том, что от **подобия** к **подобию** все может быть **связано** с чем угодно, так что все, что угодно, может рассматриваться как знак, **замещающий** нечто другое, и каждая вещь, в этом случае, становится знаком другой вещи» (перевод мой. – К. Г.).

распущен французским королем, видные его члены были сожжены и многие его рядовые представители заключены в тюрьмы (1307 г.) [Логош, 2007, с. 447]. Более того, по мнению персонажей романа, все последующие тайные сообщества (розенкрейцеры, масоны, баварские иллюминаты и др.) были связаны с тамплиерами и продолжали начатое ими дело – поиск таинственной карты, открывающей местонахождение магических точек управления Землей. Именно в том Плате, который был расшифрован главными персонажами романа, и указано местонахождение карты, открывающей дорогу к всемирному могуществу.

Герметическое прочтение записки становится возможным, по Эко, благодаря использованию герметического «смещения» смыслов, которое обеспечивается способностью знаков к воспроизводству в процессе неограниченного семиозиса (подробнее данное понятие, предложенное впервые Ч.С. Пирсом, рассматривается ниже). Неконтролируемое смещение смыслов, подобное описанной во фрагменте метонимической цепочке, является обычным лингвистическим упражнением, но лишь до тех пор, пока не претендует на открытие реальных (внедискурсивных) связей между предметами. Однако если это происходит, то такая интерпретативная стратегия становится уже идеологией, которая занимается целенаправленным отбором определенных значений, подразумевающих, что «тексты имеют несколько потенциалов значений, которые могут противоречить друг другу и могут быть открыты для нескольких различных интерпретаций» [Филлипс, 2004, с. 121]. А выявлением идеологии как раз и занимается семиотика, что объясняет интерес У. Эко к этой проблеме.

По мнению В. Czarniawska [Czarniawska, 2004] и А.Р. Усмановой, «интерпретация, основанная на неограниченном смещении смыслов, оказывается социально опасным занятием» [Усманова, 2000, с. 147], печальные результаты которого У. Эко описал в своем романе. Сам Эко в нескольких интервью [Маятник, 1989; Сороков, 1995; Escudero-Chauvel, 1997] и в книге «Interpretation and overinterpretation» [Eco, 1992d] указывает, что роман направлен против такого подхода к чтению текстов, как гиперинтерпретация или чтение с недоверием (“suspicious reading”), и иллюстрирует последствия подобного обращения с тек-

стом. При этом У. Эко не дает четких критериев отличия адекватной интерпретации от гиперинтерпретации, он лишь в соответствии с принципом К. Поппера (“If there are no rules that help to ascertain which interpretations are the ‘best’ ones, there is at least a rule for ascertaining which ones are ‘bad’” [Eco, 1992c, p. 52]. – «Если не существует правил, которые помогут установить, какие интерпретации являются “лучшими”, то, по крайней мере, есть правило, которое устанавливает те, которые являются “худшими”». – Перевод мой. – К. Г.), приводит в своих работах многочисленные примеры неадекватных (не отвечающих критерию простоты и экономии) гиперинтерпретаций, среди которых роман «Маятник Фуко» становится самым впечатляющим примером.

Две проанализированные текстовые совокупности, раскрывающие тему идеологии читателя в исследованиях У. Эко, семиотических особенностей гиперинтерпретации и герметической стратегии чтения текста, позволяют установить ряд значимых для понимания научных и художественных текстов интерпретантов: связи, ссылки, библиотека, каталог, информация, универсум, знак, поиск, игра, энциклопедия, узел, общность, совпадение, подобие, тайное, герметизм, интерпретация, гиперинтерпретация, связи, взаимосвязь. Выделенные интерпретанты составляют сеть взаимосвязанных понятий, использование которой при интерпретации герменевтических воззрений Эко позволяет объяснить их появление и эволюцию через обращение к его семиотической теории.

Таким образом, при рассмотрении трех групп совокупностей текстов (тематических общностей), посвященных основным концептуальным проблемам, выявленным в научном и художественном творчестве У. Эко, была дана семиотическая интерпретация результатов действия явления взаимопроникновения текстов, выделены значимые для понимания текстов интерпретанты, сформулированы основные смысловые доминанты совокупностей (с учетом авторской модальности, выражающей необходимость или возможность) и показан потенциал данного явления, позволяющий интерпретировать тексты одного автора (У. Эко) посредством нахождения общих интерпретантов в рамках его творчества, но в текстах разных жанров (научных и художественного). Представлен-

ный выше анализ фрагментов совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, которые являются наиболее репрезентативными, стал основой для построения модели сети интерпретантов данных текстов. Такая модель позволит составить адекватную стратегию понимания взаимопроникающих текстов.

Выводы

1) Рассматриваемые тексты работ У. Эко объединяются на основе общих тем и концептуальных идей в совокупности, далее проводится их интертекстуальный анализ для выделения эксплицитных показателей интертекстуальности (цитат, повторений, аллюзий) и имплицитных содержательных инвариантов, которые по-разному раскрываются в каждом конкретном случае. Установление интертекстуальных связей проводится одновременно с инференциальным выводением общих для всех входящих в совокупность текстов интерпретантов, которые позволяют истолковать смысл текстов.

2) В исследуемый период (конец 1960-х – начало 1990-х гг.) основными проблемами, на решение которых направлены научные исследования У. Эко, становятся: а) утверждение новой парадигмы семиологии как науки о знаках, разработка теории интерпретативной семиотики; б) разграничение эстетического и неэстетического сообщения, значимость читательское сотворчества при чтении и интерпретации художественных текстов; в) влияние идеологии читателя на процесс интерпретирования текста и появление гиперинтерпретации. Наиболее полное художественное представление данные теоретические идеи получили во втором романе Эко «Маятник Фуко», в котором подводится промежуточный итог его деятельности в качестве семиолога и впервые появляются идеи и гипотезы, теоретически обоснованные в работах конца XX и первого десятилетия XXI вв.

3) Совокупности исследуемых текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, объединяются в три группы, обладающие тематической общностью, которые соответствуют трем основным проблемным областям, выде-

ляемым в работах У. Эко рассматриваемого периода. Первая группа «Онтологический статус семиологии», объединяющая четыре совокупности текстов, включает тексты работ, в которых исследуется процесс онтологизации структуры объекта исследования и возможности ограничения объектов рассмотрения семиологии, которая не может претендовать на статус всеобъемлющей науки. Вторая группа «Интерпретация семиологии Ч.С. Пирса. Проблема кода» объединяет четыре совокупности текстов, в которых рассматриваются проблемы и понятия, выдвинутым основателем семиологии Ч.С. Пирсом и по-новому истолкованные в работах Эко (неограниченный семиозис, абдукция, интерпретант); здесь же рассматриваются различия между эстетическим и не-эстетическим сообщением, а также семантический механизм метафоры и метонимии. Третья группа «Идеология читателя» объединяет две совокупности текстов работ, посвященных феномену гиперинтерпретации текстов как результату идеологических предпочтений читателя-интерпретатора.

4) Результатом анализа совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, стало установление ряда значимых для понимания научных и художественных текстов У. Эко концептуальных оппозиций: присутствие/отсутствие, субъект/Другой, бытие/не-бытие, тождественное/различное, новое/тождественное, отрицание/утверждение, открытое/закрытое, порядок/беспорядок, норма/отклонение, интерпретация/гиперинтерпретация. Значимость данных оппозиций для понимания смысла взаимодействующих текстов Эко раскрывается при обращении к сетям интерпретантов, смоделированным из следующих центральных, доминирующих в сети понятий: абдукция, Абсолют, ассоциации, бесконечность, бессмысленность, библиотека, борьба, бытие, вера, взаимосвязь, возможный мир, герметизм, гиперинтерпретация, гипотеза, Другой, закрытое, знак, игра, изменение, изначальное, информация, истина, истолкование, история, каббала, каталог, манипуляция, метафора, многозначность, модель, неполнота, новое, общность, онтологизация, откровение, открытое, отсутствие, подобие, подозрительность, подстановка, подчинение, поиск, понимание, природа, различное, реальность, связи, смысл, смысловая пус-

тота, совпадение, созерцание, ссылки, структура, тайное, текст, тождественное, узел, универсум, управление природой, энциклопедия, язык.

5) Интерпретанты и смысловые доминанты, выделяемые в процессе анализа текстовых совокупностей, являются основой для построения семиотической интерпретативной стратегии понимания текстов разных типов дискурса (научного и художественного), связанных отношениями взаимопроникновения. Семиотическая интерпретация результатов текстового взаимопроникновения проясняет основные концептуальные проблемы теории У. Эко, раскрывает смысл художественного романа «Маятник Фуко» и определяет характер связи художественного и научного творчества рассматриваемого автора.

ГЛАВА III. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ ЧЕРЕЗ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРПРЕТАНТОВ

В данной главе представлены ризоморфные сети интерпретантов, которые являются базой для построения интерпретативной стратегии понимания текстов исследуемого автора, связанных отношениями взаимопроникновения. Интерпретативная стратегия представлена в виде моделей сетей интерпретантов и описания их использования с указанием на особенности выражения авторского мнения в научных и художественных текстах У. Эко.

3.1. Сеть интерпретантов как основа для создания интерпретативной стратегии понимания текстов

В данном параграфе описываются основные свойства и особенности моделирования ризоморфной сети интерпретантов, выделенных из текстовых совокупностей. Данная модель представляет собой исследовательский конструкт, необходимые для описания конфигурации сети и соотношений между составляющими ее понятиями (интерпретантами) с целью интерпретации взаимопроникающих текстов. Использование ризом позволит построить такую интерпретативную стратегию понимания взаимопроникающих текстов, которая соответствует интенции текста (т.е. логике развертывания повествования и организации смыслов как внутри текста, так и при взаимодействии с другими текстами в рамках творчества исследуемого автора) и учитывает эволюцию концепций У. Эко на протяжении рассматриваемого периода за счет раскрытия особенностей авторской идеологии (понимаемой в семиотическом смысле).

Введение понятия ризомы применительно к рассматриваемым множествам интерпретантов соответствует поставленной цели исследования – построить стратегию интерпретации текста, опирающуюся на выделенные интерпре-

танты, – благодаря тем свойствам, которые были описаны ее создателями, французскими исследователями Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Более того, многие исследователи, работающие в русле синергетического подхода, сходятся в том, что ризоморфность характерна как для современных текстов, так и для современной эпохи [Олизько, 2009; Осокина, 2015; Трунова, 2013]. В данной работе, выполненной в рамках семиотического подхода к исследованию текстов, понятие ризомы трактуется в соответствии с концепцией интерпретативной семиотики, которая не противоречит синергетическому подходу, а сопрягается с ним (см. п. 3.2). Ризома, понимаемая как децентрирующая, фрактальная и нелинейная модель организации информации [Ильин, 1996; Массуми, URL; Можейко, 2001; Эко, 2000a; Massumi, 1992], может быть применима для моделирования открытых систем, которыми и являются тексты, связанные отношениями взаимопроникновения.

Обратимся к основным особенностям организации ризомы, которые были выделены Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Во-первых, *принцип соединения и неоднородности* («Любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой ее точке» [Делёз, 2010, с. 12]) и *принцип множественности* («У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу. <...> В ризоме нет точек или позиций, какие мы находим в структуре – дереве или корне. Есть только линии» [Там же, с. 14]). Данные принципы позволяют отойти от традиционной иерархической структуры организации данных, где большое внимание уделяется тому, как соотносятся друг с другом элементы, и представить «сеть» связей между ними, то есть визуализировать их наличие или отсутствие. Интерпретанты, располагающиеся в узлах сети-ризомы, определяют наличие связей-переходов от одного знака к другому в семиозисе. Конфигурация узлов и количество связей обусловлены актуализацией данных интерпретантов при взаимопроникновении текстов. Однако само перемещение между узлами и выбор направления перемещения в рамках данной модели отражает процесс интерпретации текстов. В частности, P. Violi указывает на то,

что интерпретация является “uno dei modi di produzione di senso, attraverso la costruzione di interpretanti e quindi di segni e di semiosi” [Violi, 2007, p. 186] – «одним из способов производства смысла посредством создания интерпретантов, а значит, и знаков, и семиозиса» (перевод мой. – К. Г.). И далее, продолжает: “L’interpretazione è certamente una pratica ‘di riconoscimento’, di tipo inferenziale e abduittivo, in cui il senso viene costruito via nuovi interpretanti” [Ibid, p. 186]. – «Интерпретация, разумеется, является деятельностью по “узнаванию” при помощи инференции и абдукции, во время которого смысл создается посредством новых интерпретантов» (перевод мой. – К. Г.). При этом направление перемещения задается самим субъектом-интерпретатором, что и позволяет построить интерпретативную стратегию понимания текстов, включенных в данную сеть.

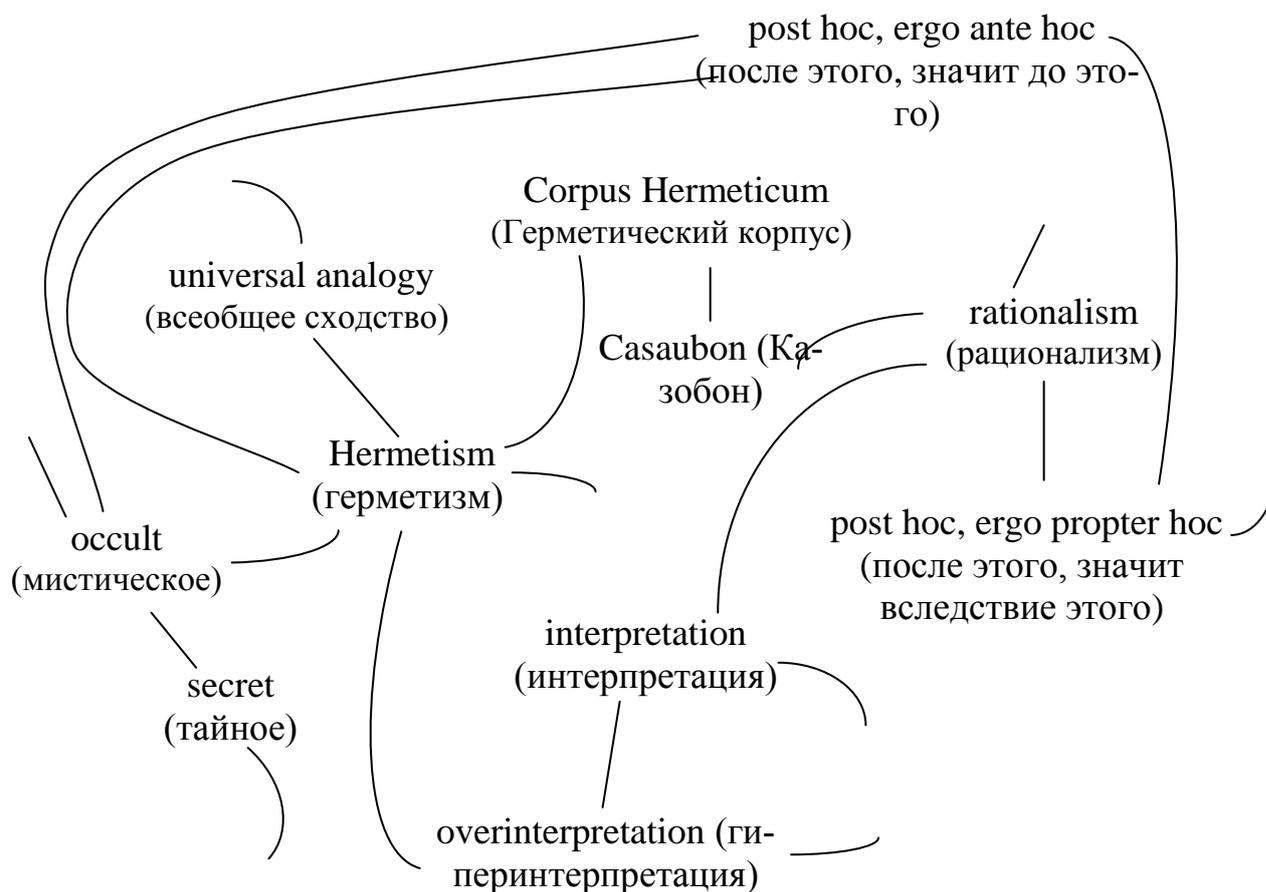
Далее, обратимся к *принципу а-означающего разрыва* («Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям. <...> Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, територизована, организована, означена, атрибутирована и т.д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает» [Делёз, 2010, с. 16]) и *принципу картографии и декалькомании* (в отличие от древовидной структуры ризомная структура – «карта, а не калька» [Там же, с. 21], и далее – «Карта не воспроизводит замкнутое на себя бессознательное, она его конструирует. Она способствует соединению полей, разблокированию тел без органов, их максимальному раскрытию на плане консистенции. <...> Карта обладает множественными входами в противоположность кальке, всегда отсылающей к “тому же самому”» [Там же, с. 21–22]). Данные свойства обуславливают большой прогностический потенциал ризомы, заключающийся в ее *разрывности* (и переходу затем к новой конфигурации) и *способности к дальнейшему росту* [Массуми, URL]. Организация интерпретантов в ризоморфные множества обеспечивает постоянный прирост и появление новых связей, что ведет к непрерывности процесса производства знаков за счет активности сознания интер-

претатора, а переход к новому состоянию становится возможным при обращении к новым текстам, подлежащим интерпретации. Изменение конфигурации ризомы и ее перенастройка происходит за счет актуализации того или иного интерпретанта, который является актуальным в каждый конкретный момент процесса толкования текста. При этом процесс интерпретации не является чем-то заданным (не идет по одному заранее запрограммированному пути), но постоянно подвергается корректировке как со стороны интерпретатора, так и со стороны системы.

Для примера рассмотрим представленную ниже ризому (рис. 3.1), включающую следующие интерпретанты: Hermetism (герметизм), Corpus Hermeticum (Герметический корпус), Casaubon (Казабон), post hoc ergo propter hoc (после этого, значит вследствие этого), post hoc ergo ante hoc (после этого, значит до этого), rationalism (рационализм), occult (мистическое), universal analogy (всеобщее сходство), secret (тайное), interpretation (интерпретация), overinterpretation (гиперинтерпретация). Данные интерпретанты выделяются из совокупности текстов, состоящей из фрагментов 57 главы романа «Маятник Фуко» [Эко, 2005, с. 397–406], фрагмента эссе “The Return of the Middle Ages” («Возвращение Средних веков») [Eco, 1986b, p. 59–72] из сборника “Travels in Hyperreality” («Путешествие в гиперреальности») и фрагмента эссе “Interpretation and History” («Интерпретация и история») [Eco, 1992b, p. 23–43] из сборника “Interpretation and Overinterpretation”. При конструировании сети в виде ризомы (на представленных ниже рисунках-схемах) в ее узлах были расположены интерпретанты, составляющие основу процесса взаимопроникновения текстов, а линии между интерпретантами представляют собой ближайшие связи, актуализирующиеся в процессе интерпретирования. Отсутствие линий не говорит об отсутствии связей между конкретными интерпретантами, которые потенциально могут быть связанными между собой, но в рассматриваемый момент интерпретирования, при данных конкретных условиях (процесс взаимопроникновения текстов) и при определенных ограничениях данного исследования (период конца 1960-х – начала 1990-х гг., творчество только У. Эко), наличие линий гово-

рит о тех связях, которые устанавливаются прежде всего. Каждая описанная ризома сопровождается расширенным комментарием, в котором представлено толкование схем и при необходимости раскрыты особенности идеологии У. Эко.

Рисунок 3.1. Ризома №1

Рассматриваемая ризома отражает взаимосвязь между ключевыми интерпретантами, необходимыми для понимания концепции интерпретации У. Эко. Для исследователя герметизм (средневековое религиозное течение в толковании текста) является синонимом гиперинтерпретации и, как и рационализм (в котором он находит положительные стороны), связывается с неверным пониманием текста. Появление интерпретанта «герметизм» всегда связано с некой мистической, таинственной силой, которая заставляет вычитывать из обычного текста некие таинственные сообщения, изменяющие логику вещей (post hoc ergo ante hoc). Наиболее яркий пример, который Эко часто приводит в своих работах, связан с судьбой средневекового текста "Corpus Hermeticum", датировка

которого являлась предметом споров: многие думали, что данный свод, отражающий идеи платонизма и раннего христианства, был написан до Платона некими египетскими жрецами [Йейтс, 2000, с. 10] (в книге: [Йейтс, 2000] содержится опровержение данной версии и подробный комментарий).

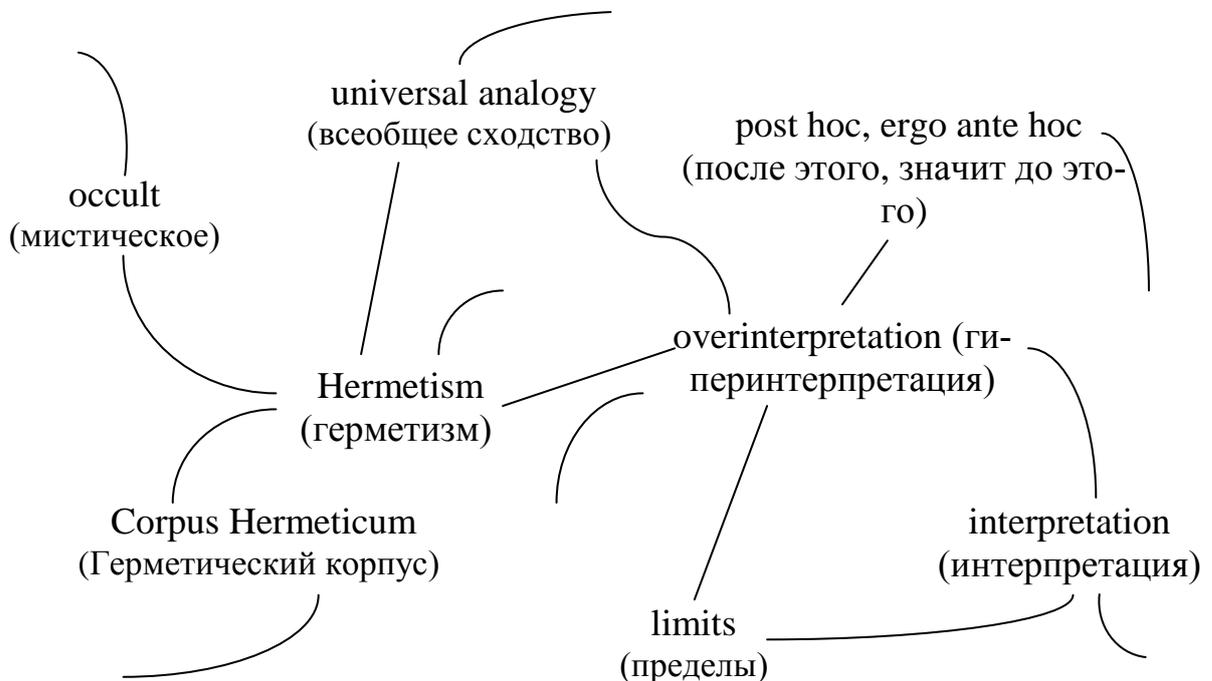
Однако Эко выступает против этой версии, и “*Corpus Hermeticum*” становится для него примером абсурдного логического принципа “*post hoc ergo ante hoc*” (после этого, значит до этого), открывающего возможность магического произвола в интерпретации текстов и событий. В “*Interpretation and History*” он пишет: “If there is no longer temporal linearity ordered in causal links, then the effect may act on its own causes. This actually happens in Theurgical magic but it also happens in philology. The rationalist principle of *post hoc, ergo propter hoc* is replaced with *post hoc, ergo ante hoc*. An example of this type of attitude is the way in which Renaissance thinkers demonstrated that the *Corpus Hermeticum* was not a product of Greek culture but had been written before Plato: the fact that the *Corpus* contains ideas that were obviously in circulation at the time of Plato both means and proves that it appeared before Plato” [Еко, 1992b, p. 33]. – «Если прямолинейность времени больше не регулирует причинно-следственные отношения, то следствие может воздействовать на свои собственные причины. Это происходит в случае с теургической магией, и это же происходит в филологии. Рационалистический принцип *post hoc, ergo propter hoc* заменяется на *post hoc, ergo ante hoc*. Примером подобной установки является способ, которым ренессансные мыслители демонстрировали тот факт, что *Corpus Hermeticum* не являлся плодом греческой культуры, а был написан до Платона: наличие в *Corpus* тех идей, который, без сомнения, были распространены во времена Платона, подразумевает и доказывает то, что он появился до Платона» (перевод мой. – К. Г.).

Таким образом, логическое заблуждение “*post hoc, ergo ante hoc*”, являющееся производным от “*post hoc, ergo propter hoc*”, актуализирует другие интерпретанты, связанные с проблемой герметического понимания текста (а эти интерпретанты, в свою очередь, актуализируют данные логические уловки), в том числе – имя первого филолога, доказавшего более позднее раннехристиан-

ское происхождение “Corpus Hermeticum”, Исаака Казобона [Логош, 2007, с. 203]. Это же имя (Казобон) носит один из главных героев романа «Маятник Фуко», который, зная о неверности логического рассуждения “post hoc, ergo propter hoc” (после этого, значит вследствие этого), использовал его для создания доказательства существования тайных групп людей, желающих захватить власть в мире. Исходящий из неверных рационалистических посылок герой был обречен автором на провал, что соответствует концепции Эко.

Представленная выше модель визуализирует те связи, которые наблюдаются между интерпретантами понятия «герметизм» (в текстах У. Эко). Перенастройка данной модели и изменение ее конфигурации возможны в случае, если мы обращаемся к интерпретантам другого понятия, которое становится временным центром модели и актуализирует больше всего связей. Например, возможна следующая перенастройка модели (временный центр – «гиперинтерпретация») (рис. 3.2).

Рисунок 3.2. Ризома №2

В любом случае рассматриваемые конфигурации модели отображают ее статическое состояние, которое является искусственной остановкой процесса семиозиса, необходимой для исследовательских целей. В каждый конкретный момент, по мнению У. Эко, такая остановка возможна благодаря соотнесению с

универсумом дискурса (в ситуации толкования событий окружающего мира, см. в: [Эко, 2007в, с. 316–317]), а при интерпретации письменных и устных текстов – с контекстом [Эко, 2007в, с. 38–39; Есо, 1995, р. 216]. Важным становится также соотнесение с дискурсом автора (творчеством), в рамках которого находится то или иное речевое произведение [Бутакова, 2001; Шелестюк, 2008]. Именно поэтому основаниями для построения моделей являются совокупности текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, которые были рассмотрены во второй главе: каждая совокупность создает ближайший контекст, ограничивающий выбор значений интерпретантов и направление семиозиса.

Таким образом, мы рассмотрели основной способ организации сети интерпретантов, выделенных из взаимопроникающих текстов У. Эко, представляющих собой сложную, открытую и динамичную систему, – ризому. Свойствами ризом, представляющих сеть интерпретантов, признаются гетерогенность, множественность, децентрализованность, разрывность (с переходом в новую конфигурацию), способность к дальнейшему росту. В составе ризомы объективируются интерпретанты, необходимые для построения интерпретативной стратегии, следование которой облегчает понимание сложных текстов, связанных отношениями взаимопроникновения.

3.2. Стратегическое использование ризоморфных сетей интерпретантов для понимания текстов

В данном параграфе рассматриваются модели ризоморфных структур, построенных на основе проанализированных в п. 2.2 совокупностей текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, и раскрыт поэтапный процесс их интерпретирования, результатом которого является возможность достичь понимания целого корпуса текстов У. Эко конца 1960-х – начала 1990-х гг. Дается последовательное описание ризом, которые объединяются между собой в одну большую сеть понятий, представляющих концептуальную энциклопедию, необходимую для понимания текстов У. Эко рассматриваемого периода.

Вначале рассматриваются ризомы, включающие в себя интерпретанты, являющиеся основой для понимания онтологии и эпистемологии теорий У. Эко, далее детальное представление получают две наиболее разработанные теории исследователя (интерпретативная семиотика и герменевтика), и в завершении рассматриваются ризомы, отражающие особенности представлений Эко об эстетике произведения искусств и социокультурной детерминированности мышления интерпретатора.

Ризома №3. Рассматриваемая на рис. 3.3 ризома образована интерпретантами, выделенными при анализе совокупности текстов №2.

Рисунок 3.3. Ризома №3

Данная ризома раскрывает связи между интерпретантами, возникающими в рамках концепции структуры как утилитарного орудия для изменения реальности. У. Эко, выступающий против такого подхода к пониманию структуры, отождествляет данный подход с магическим, который располагает ненаучными методами для исследования мира и воздействия на него. В его работах выделяется два вида «магии»: «магия созерцания» и «магия изменения».

Созерцание реальности во всей ее сложности с целью открытия ее истоков и надежда посредством данного метода на внезапное постижение ее законов уподобляются в работах Эко методам онтологического структурализма, который позволяет представить созданные исследователем модели реальности в качестве самой реальности, тем самым упрощенно структурировав ее. В одном из ранних эссе Эко «Дзэн и Запад» (1959) приводятся рассуждения о моде на дзен-буддизм, суть которого заключается в том, что «Божество присутствует в живом многообразии всего сущего и что блаженство заключается <...> в том, чтобы принять все сущее, чтобы увидеть в каждой вещи безмерность целого, чтобы проникнуться счастьем мира, который живет и изобилует событиями» [Эко, 2006а, с. 266], и далее «западный человек увидел в дзэнской философии призыв совершить это принятие, отказавшись от логических моделей и стремясь только к непосредственному соприкосновению с жизнью» [Там же, с. 266]. Данное описание дзэн-буддизма будет характеризовать и онтологический структурализм в более поздних эссе Эко, посвященных ошибочному и нерациональному подходу к семиотическому исследованию. Созерцательность, которая приводит к тому, что некая изначальная структура становится основополагающей для исследования разнообразных процессов (преимущественно, коммуникативных) и при этом не может быть определена, но должна быть лишь «принята на веру», ведет к бесплодному философствованию, которое ничего не дает в практическом плане (в плане описания реальности). Именно «принятие на веру» суждений, гипотез и фактов, по Эко, является идеологией и противоречит основным постулатам семиологии.

«Магия изменения», или магия в ее чистом виде (окультизм, чудесное и тайное), как и «магия созерцания», являются иллюстрациями онтологического структурализма. Для Эко магия заключается, главным образом, в воздействии на реальность (как в романе, так и в научных произведениях) или в ее изменении. Примеры магических манипуляций становятся общим местом в его работах и используются для доказательства несостоятельности рассуждений о логически необоснованных связях между разнородными явлениями и о символиче-

ских интерпретациях событий окружающей действительности. Так в одной из его публицистических статей – «Наука, технология и магия» (2002), где рассматриваются особенности восприятия науки и технологий в современном обществе, дается следующее определение магии: «Магия означает веру, будто можно перескочить в быстром темпе с причины на результат, опустив промежуточный процесс. Ткнуть булавкой в изображение врага – и враг погибнет. <...> Магия – это когда не показывают длинную цепь следствий и причин и в особенности когда не пытаются проверить эту цепь методом повторяемых экспериментов» [Эко, 2007б, с. 194–195]. Именно логические ошибки, подмены и риторические уловки представляют, по мнению У. Эко, угрозу для получения качественного и верифицируемого результата в семиотическом исследовании.

Исследование идеи о структуре и онтологическом структурализме в научном и художественном творчестве У. Эко основывается на базовом противопоставлении, которое представляет собой два актуальных для данного этапа исследования центра ризомы – это находящиеся в отношениях взаимоисключения интерпретанты «природа» и «культура» (в работах Эко используется также схоластические термины «*Natura Naturans*» и «*Natura Naturata*» для обозначения «природы» и «культуры» соответственно). По мнению бельгийского исследователя Н. Verdru, такое соотношение между культурой и природой в работах Эко сближает его с русскими исследователями (в частности, с Ю.М. Лотманом). Н. Verdru утверждает: “*Il distacco tra cultura e natura (che per Eco vale quello tra semiosi e realtà) è la condizione sine qua non per l’esistenza di sistemi d’occultamento (le ideologie)*” [Verdru, 1987, p. 93]. – «Разрыв между культурой и природой (который для Эко соответствует разрыву между семиозисом и реальностью) – это *необходимое* условие для существования систем сокрытия (идеологий)» (перевод мой. – К. Г.). Напомним, что для Эко главной целью семиотического исследования является именно выявление идеологии («В мире знаков, упорядоченных в коды и лексикоды, семиология выявляет идеологии, которые так или иначе отражаются в устоявшихся формах и способах общения» [Эко, 2006б, с. 138]).

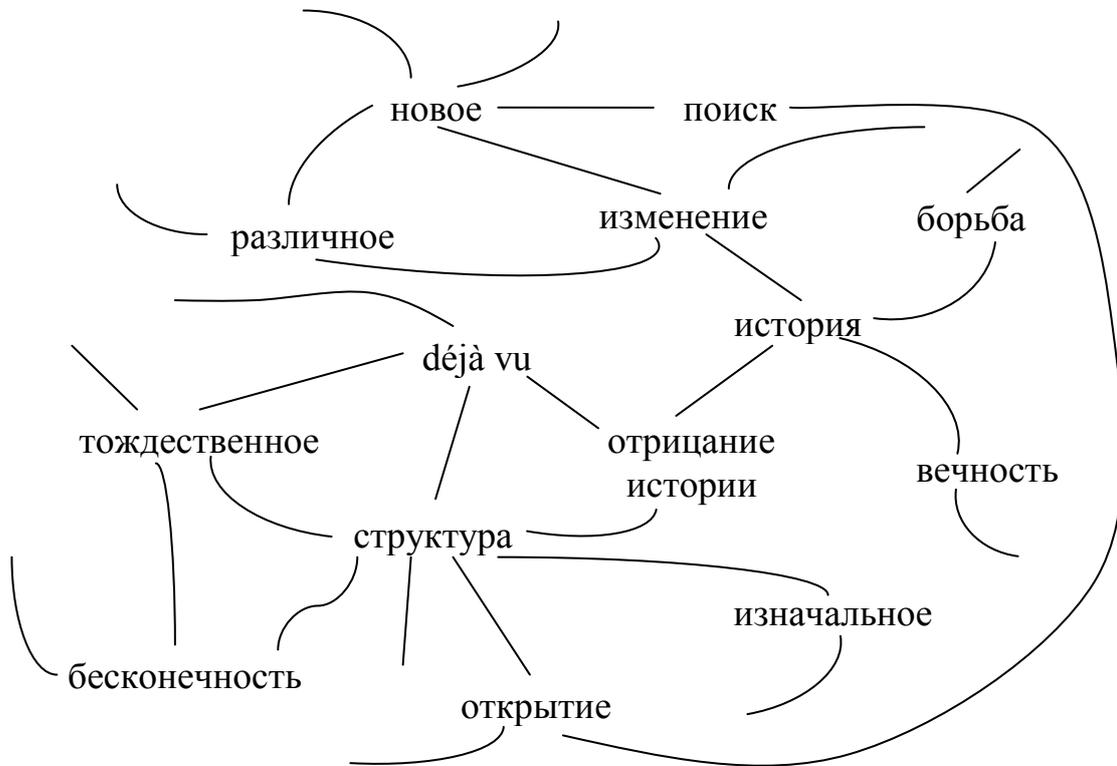
Если главной целью семиологии является выявление идеологии, то разрыв между кодами и текстами, образующими культуру, и реальностью (между “Natura Naturans” и “Natura Naturata”) дает возможность для исследования такого коммуникативного феномена, как ложь. Как пишет Эко: “La semiotica, in principio, è la disciplina che studia tutto ciò che può essere usato per mentire <...> La definizione di ‘teoria della menzogna’ potrebbe rappresentare un programma soddisfacente per una semiotica generale” [Eco, 1998, p.17]. – «Семиотика, в своей основе, является дисциплиной, которая изучает все то, что может быть использовано для того, чтобы лгать. <...> Определение “теория лжи” могло бы удовлетворить требованиям общей семиотики» (перевод мой. – К. Г.). Такая направленность семиологии Эко обусловила его интерес к интерпретированию текстов и отсутствие интереса к проблемам референции и означивания.

Обратимся к той части ризомы, которая связана с интерпретантом «природа». Природа представляет собой ту внедискурсивную реальность, которая является изначально заданной и может выступать в качестве референта знака. Возможности ее исследования находятся за пределами компетенций семиологии, предметом исследования которой является культурно обусловленные знаки. Именно обращение к реальности становится для У. Эко критерием для верификации истинности теорий, предположений и гипотез, а реальность понимается как истина/истинное знание. В романе «Маятник Фуко» показывается, как попытка управлять вымышленной реальностью приводит к потере смысла и в дальнейшем к бессмысленности за счет поиска некоего изначально закона и некой единой структуры, которые проявляются во всем многообразии происходящих в романе событий (примером может служить также обращении персонажей к каббале).

Ризома №4. Ризома, рассматриваемая на рис. 3.4, тесно связана с предыдущей (рис. 3.3). Основными интерпретантами, вокруг которых она строится, являются “déjà vu”, «история», «структура», а также два связанных с предыдущими интерпретанта, которые находятся на периферии (но потенциально могут

оказаться в центре), – «тождественное» и «различное» (интерпретанты были выделены при анализе текстовой совокупности №3).

Рисунок 3.4. Ризома №4

В основе данной ризомы лежит фундаментальное противопоставление «тождественного» и «различного», характерное для большинства научных и художественных работ Эко исследуемого периода. Метод обнаружения тождественного используется в онтологическом структурализме, а выявление различий соответствует поиску нового, созданию инноваций. Тожественное связано с повторениями, тогда как различия, в данном случае, образуют возможность для положительных изменений (понятие «изменение» имеет амбивалентный характер в работах Эко).

Применение методов онтологического структурализма, по Эко, является отрицанием исторического процесса, так как эти методы направлены не на выявление и объяснение его закономерностей, а на выявление некой универсальной схемы, к которой он сводится и которая его организует. Для У. Эко интерпретация и понимание исторического процесса строится на тех же основаниях, что и интерпретация и понимание текста. Именно поэтому способы организа-

ции текстов художественной литературы и методы их исследования, описанные в «Роли читателя», используются Эко для рассуждений о механизмах исторического процесса (например, мысль о возврате к средневековому мышлению в статье «Средние века уже начались» [Эко, 1994]).

С категорией тождественного в семиотической теории Эко тесно связано понятие “*déjà vu*”. В эссе 1966 г. «Повествовательные структуры в произведениях Иэна Флеминга» [Эко, 2007в, с. 237–286], включенном в русское и английское издание сборника статей «Роль читателя», он рассматривает нарративную структуру романов о Д. Бонде, указывая на решающую роль описания хорошо знакомой вещи (эффект *déjà vu*) для массового читателя. У. Эко пишет: «Флеминг не жалеет времени на фотографически точные изображения хорошо знакомого (*déjà vu*), потому что именно с помощью *déjà vu* он может задействовать нашу способность к (само)идентификации, (само)отождествлению. Мы отождествляем себя не с тем, кто крадет атомную бомбу, а с тем, кто ведет роскошную автомашину; не с тем, кто взрывает ракету, а с тем, кто спускается на лыжах по горному склону <...>. Наш интерес привлекается и направляется к вещам возможным и желательным. В этих случаях повествование реалистично, внимание автора сосредоточено на деталях. <...> Удовольствие читателю доставляет не новое и невероятное, а привычное и очевидное» [Эко, 2007в, с. 276]. По мнению Эко, именно это отличает массовую литературу, направленную на усредненного читателя, от интеллектуальной художественной поэзии и прозы, требующей интерпретации. Факт притягательности текста (на этот раз нехудожественного) за счет эффекта *déjà vu* обыгрывается и в романе «Маятник Фуко», герои которого переписывают всемирную историю и сочиняют «правдоподобный» план по захвату власти над миром, используя традиционные нарративные схемы и шаблоны и комбинируя между собой куски уже известной ранее информации, которая преподносится в качестве новой теории.

Еще одной стороной «тождественного» является такой прием, как повторение. Повторение известной информации противопоставляется открытию новой информации и в процессе коммуникации является избыточным по отноше-

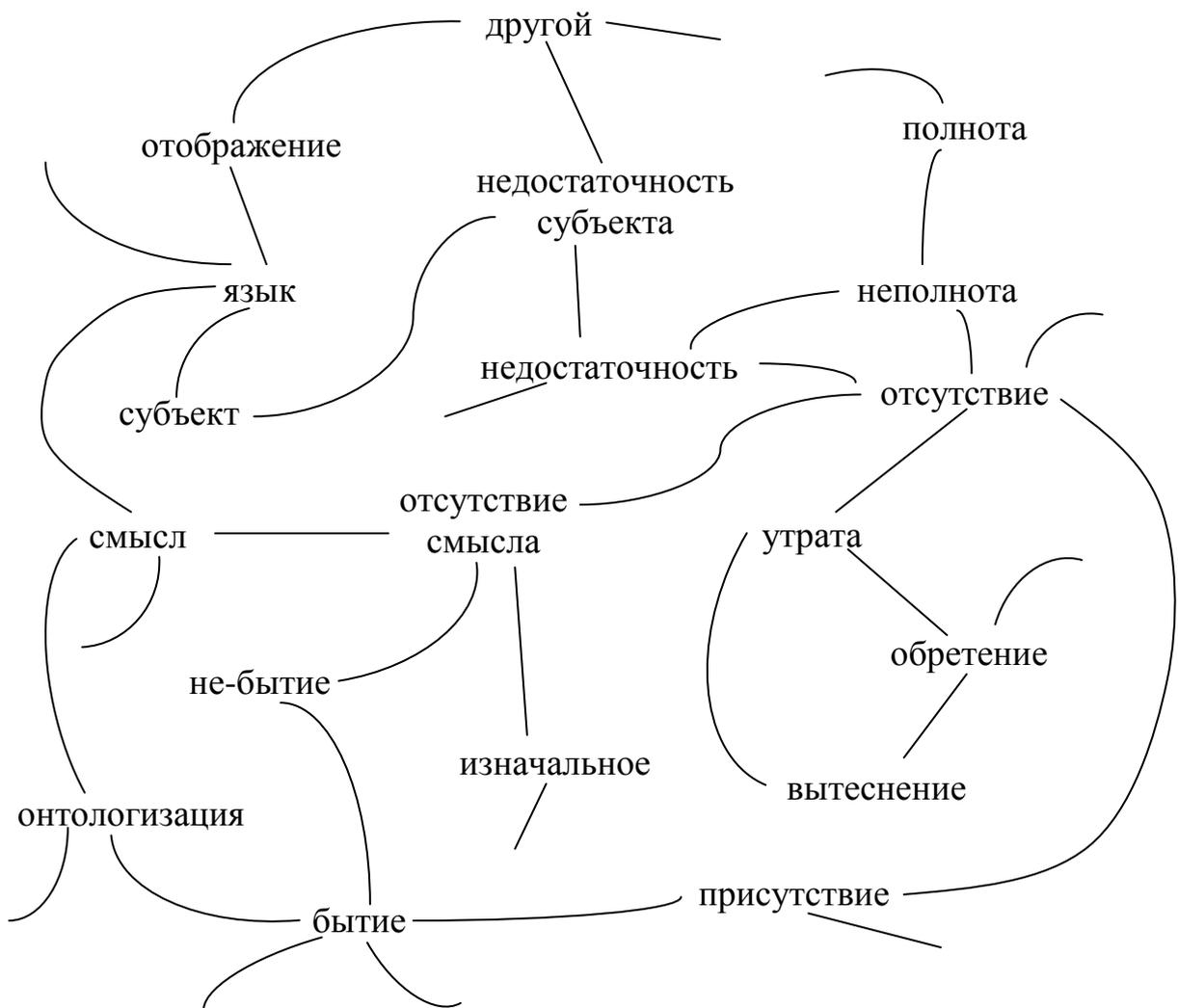
нию к ней. Если рассматривать оппозиции «тождественное/различное» и «повторение/инновация», которые выделяются в работах Эко исследуемого периода, то можно заметить, что большое внимание уделяется именно первым членам оппозиций, которые наиболее часто анализируются не только в семиологии, но и в других науках (лингвистике, литературоведении, философии, герменевтике). Такой односторонний подход обусловлен не только общенаучными тенденциями, но и направлением исследований самого Эко, который создавал свою семиотическую теорию в противовес господствующему структурализму.

В статье 1985 г. «Инновация и повторение: между модернистской и постмодернистской эстетикой» (“*Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics*”) Эко размышляет о соотношении тождественного и нового, эстетического и неэстетического в современном искусстве и массмедиа, рассматривая повторяемость и производную от нее серийность в качестве базового принципа коммуникации (в том числе эстетической). После эпохи модернизма именно повторение, вариация на тему уже сказанного, выходит на первый план и дает адресату любого уровня подготовки возможность насладиться произведением искусства: “*The same type of repetitive procedure can produce either excellence or banality; it can put the addressees into conflict with themselves and with the intertextual tradition as a whole; thus it can provide them with easy consolations, projections, identifications: it can establish an agreement exclusively with the naive addressee, or exclusively with the smart one, or with both <...>*” [Eco, 1985, p. 178]. – «Один и тот же вид повторения может создать как совершенство, так и банальность; он может поставить адресатов в ситуацию конфликта с самими собой и с интертекстуальной традицией в целом, так он может беспрепятственно дать им утешение, проецирование, отождествление – может заключить соглашение только с наивным адресатом, или только с умным, или с обоими <...>» (перевод мой. – К. Г.). Однако благодаря усилению важности приема повторения в современном постмодернистском искусстве граница между искусством и массовой продукцией стирается, а массмедиа претендуют на то, чтобы иметь большую эстетическую ценность. Соответственно исчезает и разница в

объекте исследования: эстетическое сообщение приравнивается к неэстетическому, а серийность и шаблонность, присущие телевизионным сообщениям, оказывают влияние на восприятие художественных произведений.

Ризома №5. Обратимся к описанию следующей ризомы, изображенной на рис. 3.5. Эта ризома строится вокруг трех основных интерпретантов – «отсутствие», «смысл», «субъект», и отображает то, каким образом данные понятия формируют философские основания семиологии У. Эко и что в них входит. Интерпретанты были выделены при анализе текстовой совокупности №1 (п. 1.3).

Рисунок 3.5. Ризома №5

Понятие «отсутствие», рассмотренное нами ранее в связи с вопросом об онтологическом структурализме, не ограничивается только удачной метафорой о «структуре, которая отсутствует, так как ее нельзя обнаружить в реальности» из книги «Отсутствующая структура», а охватывает большой круг явлений. В

частности отсутствие может быть связано как с утратой того, что имелось, так и с неполнотой, недостаточностью того, что имеется на данный момент.

При рассмотрении текстовых совокупностей мы уже обращали внимание на критику психоанализа Ж. Лакана (см. также [Гайер, 2012б]), где, по мнению Эко, «всякая представленная вещь имеет смысл только постольку, поскольку выявляет само Отсутствие, что роковым образом обесмысливает то, что наличествует» [Эко, 2006б, с. 433]. И хотя сам У. Эко позже признавался в предвзятости своего прочтения работ Лакана и в недопонимании его концепций в 1960-х гг., многие идеи, на которые опиралась его критика, раскрываются более подробно и оформляются во вполне определенные концепции в работах 1980-х и 1990-х гг. (“Se il lacanismo stava inserendosi nei discorsi della linguistica e della filosofia, io volevo capire che cosa esso significasse per questi discorsi. <...> In seguito abbia capito che la mia critica andava riformulata in termini più rigorosi, individuando con maggiore precisione i problemi filosofici e lasciando cadere certi aspetti della mia lettura che potevano ancora essere intesi come un ‘metter becco’ in questioni che non erano di mia competenza” [Eco, 1991, URL]. – «Если лаканианство проникало в рассуждения о лингвистике и философии, то я хотел понять, что значило это для таких рассуждений. <...> В дальнейшем я понял, что моя критика должна была быть выражена в более строгих терминах, обнаруживая философские проблемы с большей точностью и опуская те аспекты моего прочтения, которые могли бы восприниматься как “сование носа” в вопросы, находившиеся вне моей компетенции». – Перевод мой. – К. Г.).

Так, раскрывая онтологический смысл отсутствия в психоанализе Лакана, Эко обращает внимание и на критику художественной литературы в лаканианстве. Подвергая разбору критические заметки представителей данного течения, он говорит об особенностях такого отношения к литературному произведению, которое позже будет обозначено как гиперинтерпретация, и размышляет о недопустимости бессмысленности/отсутствия смысла в коммуникации. Действительно, следующая мысль, взятая из «Отсутствующей структуры» (1968), повторяется в более поздних работах “I limiti dell’interpretazione” (1990) и

“Interpretation and Overinterpretation” (1992): «Книга как произведение искусства вовсе не представляет собой какую-то вязь непреложных значений, но впервые открывается всякому прочтению как единственно возможному, представая разомкнутым пространством с неопределенными границами, “пространством, в котором, строго говоря, ничто еще не наделено значением и к которому все то, что наделено значением, восходит как к своему первоначалу”» [Эко, 2006б, с. 430]. Подобное отношение к литературному произведению неизбежно ведет к его недопониманию за счет отсутствия ограничений в выборе значений, поэтому Эко предлагает создать некие правила, ограничивающие свободное толкование текстов, – границы для интерпретации (итал. *i limiti dell'interpretazione*).

Невозможность найти конкретный смысл текста и его открытость различным прочтениям ведут к обесцениванию самого текста, который является важным лишь в контексте деятельности субъекта-интерпретатора. Однако и сам субъект в концепции Лакана является несвободным и подчиняется Другому, управляющему им посредством языка. Художественным воплощением этой идеи является персонаж Бельбо из романа «Маятник Фуко», который осознанно создает тексты, представляющие собой компиляцию из аллюзий и заимствованных цитат в стиле литературы потока сознания, и в поисках своей идентичности стремится к тому, что он уже потерял (посредством воскрешения воспоминаний и пережитого опыта).

Помимо воплощения идей Ж. Лакана (в интерпретации У. Эко) в образе главного персонажа, в романе присутствует и другой второстепенный персонаж, доктор Вагнер, в котором исследователи творчества Эко обнаружили сходство с Ж. Лаканом (например: [Hutcheon, 1994; Phiddian, 1997]). Сам Эко лишь частично подтверждает эту гипотезу: “Il dottor Wagner non è Lacan. <...> Ma c'è una storia che, dovutamente romanzata, deformata, piegata alle esigenze del mio racconto, riguarda Lacan. È quando il dottor Wagner psicoanalizza, forse senza saperlo e senza volerlo (e gratis!!!) Jacopo Belbo. La storia è vera, almeno nelle sue linee essenziali” [Eco, 1991, URL]. – «Доктор Вагнер – это не Лакан. <...> Но есть

один случай, который должным образом романизированный, искаженный и подчиненный требованиям моего повествования касается Лакана. Это тот момент, когда доктор Вагнер, возможно даже сам того не ведая и не желая (бесплатно!!!), подвергает психоанализу Якопо Бельбо. Описанный случай правдив, по крайней мере в основных своих чертах» (перевод мой. – К. Г.). В данном случае речь идет об ужине в ресторане, описанном в 15 и 36 главах романа «Маятника Фуко». Более того, если мы обратимся к вставному тексту-файлу Бельбо из 36 главы романа и сравним ее со статьей Эко, опубликованной в газете «La Repubblica» в 1991 г. в память о Ж. Лакане и описывающей историю их взаимоотношений, то обнаружим множественные параллели с текстом романа.

Таблица 3.1. Фрагмент совокупности текстов №11

текст романа	текст статьи
<p>«Во время обсуждения я выступил с замечанием. Сатанический старец раздражился, но не выказал. Отвечал, наоборот, обольстительно. <...> Гений не выносит нелюбимости. Он должен обольстить нелюбящего, влюбить его. Сделано: я полюбил Вагнера. Но вероятно, Вагнер меня не простил, потому что в день вечера по разводу нанес мне смертельный удар. Не сознавая, инстинктивно: не сознавая обольщал, не сознавая решил меня покарать. <...> Так же поступил со мною доктор Вагнер, я горжусь его дружбой, он убил ме-</p>	<p>Я отправился на конференцию. Ближе к концу, в разгар обсуждения, я поднял руку, чтобы задать вопрос. <...> Лакан мне сердечно ответил, сказав в присутствии всех, что нам необходимо встретиться, и пригласил на ужин. <...> У меня было странное впечатление, как будто он хотел мне понравиться, но потом я все понял. Кто-то сказал ему, что я был его врагом, и он захотел обольстить меня. Никогда раньше обольщение не имело такого большого успеха. Я был прельщен. <...>. Он обронил фразу, благодаря которой мне открылся с другой стороны тот опыт, который я проживал. <...> Моя жизнь изменилась. Лакан никогда не узнал об этом. <...> То, что он сделал, не было осознанно, инстинкт заставил сказать его то, что было</p>

<p>ня, одарив меня истиной <...>³» [Эко, 2005, с. 270–271]. (Перевод Е. Костюкович).</p>	<p>сказано. Это было его проклятое чутье, он среагировал не подумав, но удар его был меток⁴. (Перевод мой. – К. Г.)</p>
--	---

В обоих фрагментах выделяются ключевые слова, формирующие интерпретанты «обольщение» (итал. *seduzione*) и «бессознательное, инстинктивное» (итал. *incosciente, d'istinto*). Появление данных интерпретантов в контексте описания фигуры Ж. Лакана можно объяснить влиянием его работ, их пародированием или интертекстуальной иронией, которая часто присутствует в работах У. Эко [Кнабе, 2002; Усманова, 2000; Bondanella, 2005; Eriksson, 2000, URL; Fabbri, 2010; Hutcheon, 1994, 1997; Scurani, 1997 и др.]. Впоследствии все, что будет касаться темы психоанализа и бессознательного, будет переосмыслено Эко и исключено из достоверных методов исследования и понимания текста.

Критика психоаналитического метода Лакана была связана, прежде всего, с недооценкой в нем роли субъекта в коммуникации (который является «недостаточным», «неполным» и требующим для своего понимания присутствия «Другого») и направленностью на поиск изначальных и повторяющихся схем,

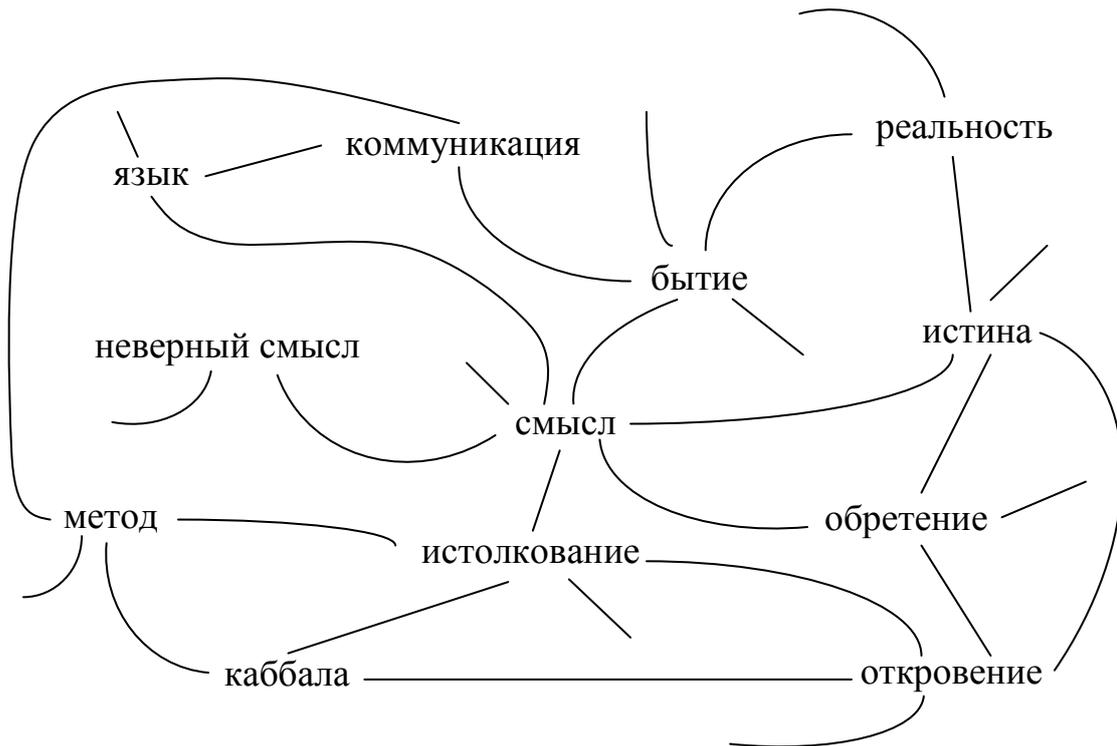
³ “Al dibattito gli avevo mosso **un’obiezione**. Il satanico vegliardo ne fu certo irritato ma non lo diede a dividere. Anzi **rispose come se avesse voluto sedurmi**. <...> Un genio non sopporta di non essere amato e **deve sedurre subito chi dissente, in modo che dopo lo ami**. Ci è riuscito, l’ho **amato**. Ma non doveva avermi perdonato, perché quella sera del divorzio **mi ha vibrato un colpo mortale. Senza saperlo, d’istinto**: senza saperlo aveva cercato di sedurmi e **senza saperlo ha deciso di punirmi**. <...> E così fece con me il dottor Wagner, **mi onorò della sua amicizia, e mi uccise donandomi la verità** <...>” [Eco, 2007, p. 245–246].

⁴ “Mi ero recato alla conferenza. Verso la fine, mentre si infittiva la discussione, ho alzato la mano per fare **una domanda**. <...> Lacan **mi rispose con cordialità** e, di fronte a tutti, disse che bisognava che ci vedessimo e mi invitò a cena. <...> Ebbi l’impressione strana che **lui volesse piacermi**, e poi compresi. **Qualcuno gli aveva detto che gli ero nemico, e lui voleva sedurmi. Mai seduzione ebbe maggior successo. Mi sedusse**. <...>. Ha lasciato cadere **una parola che mi ha fatto vedere in modo diverso una esperienza che stavo vivendo**. <...> **La mia vita è cambiata**. Lacan non l’ha mai saputo. <...> **Non lo ha fatto coscientemente, era il suo istinto che lo portava** a dire quello che ha detto. Era il suo fiuto dannato, **reagiva senza riflettere, ma colpiva giusto**” [Eco, 1991, URL].

нахождение которых раскрывало смысл действий и событий (онтологический структурализм). Сам Эко в своей семиологии, по мнению P. Violi, отказывается от трансцендентального субъекта в пользу субъекта энциклопедии, который представляет собой “il risultato dei processi di continua segmentazione e risegmentazione del contenuto” [Violi, 2007, p. 186–187] («результат процессов постоянного деления и объединения содержания [знака. – К. Г.]»). – Перевод мой. – К. Г.). И далее: “Nel momento in cui il segno si apre al movimento inferenziale non vi è più alcun codice, né alcuna regola prefissata a poter garantire la connessione; ciò che consentirà allora di suturare e tenere insieme significante e significato, espressione e contenuto, cioè di fare agire la semiosi, sarà solo il soggetto” [Ibid, p. 186–187]. («В тот момент, когда знак открывается для инференциального сдвига, никакой код, никакое установленное заранее правило не смогут больше обеспечить связь; в этом случае то единственное, что позволит соединить и сохранить вместе означающее и означаемое, форму и содержание, т.е. запустить процесс семиозиса, будет субъект»). – Перевод мой. – К. Г.). Для субъекта энциклопедии не требуется наличия Другого, и хотя он тоже находит свое выражение посредством языка, однако это выражение не восходит к единому источнику, а представляет собой непрерывное утверждение субъекта через умножение связей в рамках некоего коллективного целого (культуры).

Ризома №6. Следующая ризома (рис. 3.6) строится на основе интерпретантов «смысл», «истолкование», «метод», выделенных при анализе текстовой совокупности №4. Рассматриваемый фрагмент тесно связан с предыдущим, так как в качестве смысловой доминанты здесь также выступают рассуждения об онтологизации структуры. Перечисленные выше ризомы помогли определить философские основания семиотического исследования У. Эко и важнейшие для понимания его теории оппозиции, найти истоки интерпретативной семиотики. Далее рассматривается понятие «метод» и методологические особенности семиотического исследования в теории Эко.

Рисунок 3.6. Ризома №6

Как мы уже упоминали, У. Эко заложил основы новой концепции интерпретативной семиотики, опирающейся на теории Ч.С. Пирса, Л. Ельмслева, А.-Ж. Греймаса, Ю.М. Лотмана, фокусирующей на процессе производства знаков (семиозисе) и уделяющей особое внимание отношениям внутри знака и между знаками в семиосфере (теоретическое обоснование – в книгах “Trattato di semiotica generale” [Eco, 1998] и “Semiotica e filosofia del linguaggio” [Eco, 1997]). При этом знаки рассматриваются не только в рамках их традиционной среды обитания – семиосферы, или в каталоге кодов, но главным образом, в соотношении с субъектами, манипулирующими данными знаками в процессе коммуникации. Понимание значений знаков становится невозможным без обращения к другим знакам, выступающим в качестве интерпретантов, а сама коммуникация превращается в деятельность адресата (получателя, читателя...) по истолкованию (интерпретации) знаков. Фигура адресата является важной для концепции У. Эко, который вводит понятие сотрудничества (интерпретационное сотрудничество, текстовое сотрудничество), подразумевающего как активную роль и желание адресата-интерпретатора понять знак, так и определенную установку отправителя на успешную «доставку» знака (о сотрудничестве

подробнее – в книгах «Роль читателя» [Эко, 2007в] и «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» [Эко, 2015]).

Основным методом интерпретативной семиотики, применительно к текстам, является их истолкование, направленное на постижение смысла. Несмотря на большой интерес к языку и признанию его конституирующей роли для построения смысла, Эко отрицает возможность обретения откровения и истины посредством «вопрошания» языка, так как это ведет к невозможности понимания тех законов, на которых строится язык. Именно поэтому он подробно рассматривает феномен каббалы, представляющей собой экзотерическую методику постижения истины (= смысла).

По мнению У. Эко, каббала представляет собой крайнее выражение идеи о неограниченном семиозисе, когда знаки теряют свое реальное значение, превращаясь в некие символы (постигнув которые можно приблизиться к пониманию Божественной истины), а основной методикой прочтения священных текстов становится их взрыв (blow up) или деконструкция. Эко пишет: “<...> The text must be (with a more radically Kabalistic option) *deconstructed*, until fracturing its own expressive texture. Thus the text does not speak any longer of its own ‘outside’; it does not even speak of itself; it speaks of our own experience in reading (deconstructively) it. There is no more a dialectics of *here* and *there*, of *signans* and *signatum*. Everything happens *here* – and the dialectics takes place, at most, as a *further-and-further* movement, from *signans* to *signans*” [Eco, 1986a, p. 154]. – «<...> Текст должен (в полном соответствии с каббалическим мнением) подвергаться деконструкции до тех пор, пока не раздробится его выражающая структура. Так текст не говорит больше о своей “наружности”, он вообще не говорит о себе; он говорит о нашем собственном опыте его (деконструктивного) прочтения. Здесь уже нет больше места для диалектики *здесь* и *там*, *означающего* и *означаемого*. Все происходит *здесь* – и диалектика предстает, по большей части, в качестве движения *все дальше и дальше*, от *означающего* к *означающему*» (перевод с англ. мой. – К. Г.; перевод с лат. *signans*, *signans* в: [Shapiro, 2008, p. 12–13]). И далее: “The text as symbol is no longer read in order to find in it a truth that lies *out-*

side: the only truth (that is, the old Kabalistic God) is the very play of deconstruction. The ultimate truth is that the text is a mere play of differences and displacements” [Ibid, p. 155]. – «Текст как символ больше не прочитывается с целью обнаружить в нем истину, которая находится *вне* него: единственная истина (которая и есть тот старый Каббалический Бог) является той самой игрой деконструкции. Окончательная истина заключается в том, что текст – всего лишь игра различий и перестановок» (перевод мой. – К. Г.). Такая методологическая установка на поиск скрытых значений и полное пренебрежение референтами знаков указывает на наличие у интерпретатора определенной цели (в данном случае – постижение Божественной Истины), которая не позволяет получить комплексную интерпретацию текста и связана с утилитарным отношением к нему (текст как средство, а не как феномен, требующий интерпретации и понимания).

Рассмотренный ранее подход к истолкованию текста в каббале, безусловно, отвечает своей религиозной цели. Однако использование методики поиска символов (*symbolic mode*) для интерпретации обычных текстов открывает путь к их гиперинтерпретации. В книге “*Semiotics and the Philosophy of Language*”/ “*Semiotica e filosofia del linguaggio*” источником символического подхода к интерпретации текстов, помимо деконструктивизма, признается герменевтика М. Хайдеггера: “Such a disposition to interrogate a text according to a symbolic mode still rules many contemporary hermeneutic practices <...>. Language can be the place where things come authentically to begin: in Heidegger’s hermeneutics the word is not ‘sign’ (*Zeichen*) but ‘to show’ (*Zeigen*), and what is shown is the true voice of Being. In such a line of thought, texts can be indefinitely questioned, but they do not speak only of themselves; they reveal something else and something more” [Eco, 1986a, p.154]. – «Подобное желание вопрошать текст в соответствии с символическим подходом все еще управляет множеством современных герменевтических практик <...>. Язык может быть тем местом, где все вещи имеют свое подлинное начало: в герменевтике Хайдеггера слово не является “знаком”, но оно “обнаруживает”, и то, что обнаруживается, является истинным голосом Бытия. В соответствии с этой мыслью тексты могут быть вопро-

шаемы бесконечно, однако они будут говорить не только о себе самих, они будут обнаруживать нечто гораздо большее» (перевод мой. – К. Г.). То есть в отличие от методов деконструктивизма, в которых интерпретация текста позволяет найти смысл (неверный смысл, откровение) за счет игнорирования реального значения составляющий текст знаков, герменевтика М. Хайдеггера видит смысл в самом языке, который открывает не только смысл интерпретируемого текста, но и смысл существования.

Две крайние методологические позиции, актуализированные благодаря исследуемой ризоме, нашли свое отражение и в тексте романа (сюжетная линия, деятельность персонажей), о чем говорилось на этапе построения текстовых совокупностей. Они же стали основой герменевтической концепции У. Эко, которая логическим образом вытекает из его интерпретативной семиотики. Именно поэтому на данном этапе мы обратимся к рассмотрению оппозиции интерпретация/гиперинтерпретация в творчестве Эко.

Ризома №7. Рассматриваемая далее ризома образована следующими основными интерпретантами – «герметизм», «интерпретация», «связи», выделенными при анализе текстовой совокупности №10. Эти интерпретанты выделяются, преимущественно, из работ конца 1980-х – начала 1990-х гг., в которых развивается концепция гиперинтерпретации как отрицательной, чрезмерной интерпретации. В п. 1.3. первой главы были подробно представлены герменевтические воззрения У. Эко и объяснены основные понятия, используемые в его теории. Здесь же в рамках исследования объема представленных ранее понятий рассматриваются отношения, устанавливающиеся между ними в процессе истолкования текстов Эко, и даются общие рекомендации, необходимые для понимания его текстов.

Достаточно широким понятием, встречающимся в текстах Эко как в контексте размышлений о семиологии, так и в рассуждениях об интерпретации, является понятие «связи». Связи и связность как основное свойство языковой системы возникают в текстах Эко при описании теорий Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и др. лингвистов, а также при рассмотрении моделей коммуника-

себе этот принцип является нейтральным утверждением связности внутри некой рассматриваемой системы, контексты его употребления так или иначе связаны с герметизмом или гиперинтерпретацией (по сути, для семиолога-медиевиста эти два явления равны). Например, в “Interpretation and Overinterpretation” Эко пишет: “Hermetic thought states that our language, the more ambiguous and multivalent it is, and the more it uses symbols and metaphors, the more it is particularly appropriate for naming a Oneness in which the coincidence of opposites occurs. But where the coincidence of opposites triumphs, the principle of identity collapses. *Tout se tient*” [Eco, 1992b, p. 32]. – «Герметическое мышление констатирует, что чем сильнее двусмысленность и многозначность нашего языка, чем больше символов и метафор он использует, тем больше он подходит для обозначения некой Искключительности, в которой случается совпадение противоположностей. Но там, где торжествует совпадение противоположностей, терпит крах принцип идентичности. *Все связано между собой*» (перевод мой. – К. Г.). Или же в романе «Маятник Фуко» один из апологетов герметизма утверждает: «Я твердо верю, верю в то, что мир – это восхитительная переключка нумерологических соотношений. И что прочтение числа, купно с его символической интерпретацией, есть привилегированный путь познания. Но если весь мир, как низменный, так и верховный, являет собой систему соотношений, где переключается все, **tout se tient**, вполне естественно, что и киоск и пирамида, оба представляющие собой плоды рук человека, подсознательно отображают в своем устройстве гармонию космоса» [Эко, 2005, с. 340].

Связность сама по себе еще не является признаком герметизма, тогда как общность противоположных вещей и событий, подобие разнородных феноменов или всеобщее сходство, которые определяют стиль мышления интерпретатора и организуют его интерпретацию, являются признаками герметической интерпретации (к ней же относится и символический метод интерпретации, *symbolic mode*). Такой подход к интерпретированию текстов господствовал в Средневековье, когда интерпретации подвергались сакральные тексты (отсюда и связь с мистическим и божественным). Однако Эко усматривает в интерпре-

тациях более современных профанных текстов отголоски герметических практик, которые и подвергает критике (об интерпретации *Corpus Hermeticum* – в начале данного параграфа, об интерпретации современных текстов – в п. 2.2. данной работы). Он даже предлагает некий ироничный свод правил герметической интерпретации текстов:

«Текст – это открытый универсум, в котором интерпретатор может раскрыть бесконечные взаимосвязи.

Язык не способен уловить уникальный и всегда существовавший смысл: напротив, функция языка состоит в том, чтобы показать, что то, о чем мы можем говорить, является всего лишь совпадением противоположностей. <...>

Любой текст, претендующий на утверждение чего-то однозначного – это универсум в миниатюре, то есть произведение хитроумного Демииурга.

Современный текстуальный гностицизм, тем не менее, весьма щедр: всякий, кто в состоянии навязать намерения читателя непостижимым намерениям автора, может стать *Übermensch* [сверхчеловеком. – К. Г.], который знает истину, а именно то, что автор не знал, что он хотел этим сказать, ибо вместо него говорит язык.

Спасая текст – то есть переходя от иллюзии наличествующего в нем якобы смысла к осознанию бесконечности значений, читатель должен подозревать, что каждая строчка заключает иной, тайный смысл; слова, вместо того чтобы сообщать, скрывают в себе невысказываемое; честь и хвала читателю, который в состоянии понять, что текст может сказать что угодно, исключая то, что имел в виду его автор <...>.

Подлинный читатель – это тот, кто осознает, что единственная тайна текста – это пустота⁵» [Усманова, 2000, с. 156–157]. (Перевод А.С. Усмановой).

⁵ “A text is an open-ended universe where the interpreter can discover infinite interconnections. Language is unable to grasp a unique and pre-existing meaning: on the contrary, language’s duty is to show that what we can speak of is only the coincidence of the opposites. <...>
Any text, pretending to assert something univocal, is a miscarried universe, that is, the work of a muddle-headed Demiurge. <...>

Данные правила включают в себя в обобщенном виде все те аргументы, которые У. Эко выдвигал против теорий онтологического структурализма, деконструктивизма и герметизма: ограничение семиозиса субъектом интерпретации; свойство языковых знаков иметь референт в реальной действительности и указывать на него, а не говорить лишь только о своей системе; наличие буквального значения у языковых единиц, которое необходимо учитывать наряду с переносным значением; авторство текста и необходимость учета авторской позиции для ограничения произвола интерпретатора (введение категории *intentio auctoris*); десакрализация слов. Стратегия интерпретации текста, построенная с соблюдением всех вышеперечисленных правил, является, по мнению Эко, ошибочной и ведет к полному непониманию смысла текста.

Однако чрезмерное стремления к поиску иного, невысказанного (= тайного) смысла в процессе интерпретирования может привести к гиперинтерпретации. Наиболее яркие примеры таких интерпретаций собраны в романе «Маятник Фуко». Вообще наличие переносного, тайного смысла является особенностью, прежде всего, религиозных или философских текстов, насыщенных многочисленными метафорами и аллегориями и требующих использования специальных герменевтических практик (для Эко Бог и Бытие уравниваются). Но при интерпретации художественных и, тем более, нехудожественных текстов постоянный поиск скрытых мистических смыслов становится похожим на болезнь

Contemporary textual Gnosticism is very generous, however: everybody, provided one is eager to impose the intention of the reader upon the unattainable intention of the author, can become the *Übermensch* [курсив автора. – К. Г.] who really realizes the truth, namely, that the author did not know what he or she was really saying, because language spoke in his or her place.

To salvage the text – that is, to transform it from an illusion of meaning to the awareness that meaning is infinite – the reader must suspect that every line of it conceals another secret meaning; words, instead of saying, hide the untold; the glory of the reader is to discover that texts can say everything, except what their author wanted them to mean <...>.

The Real Reader is the one who understands that the secret of a text is its emptiness” [Eco, 1992b, p. 39–40].

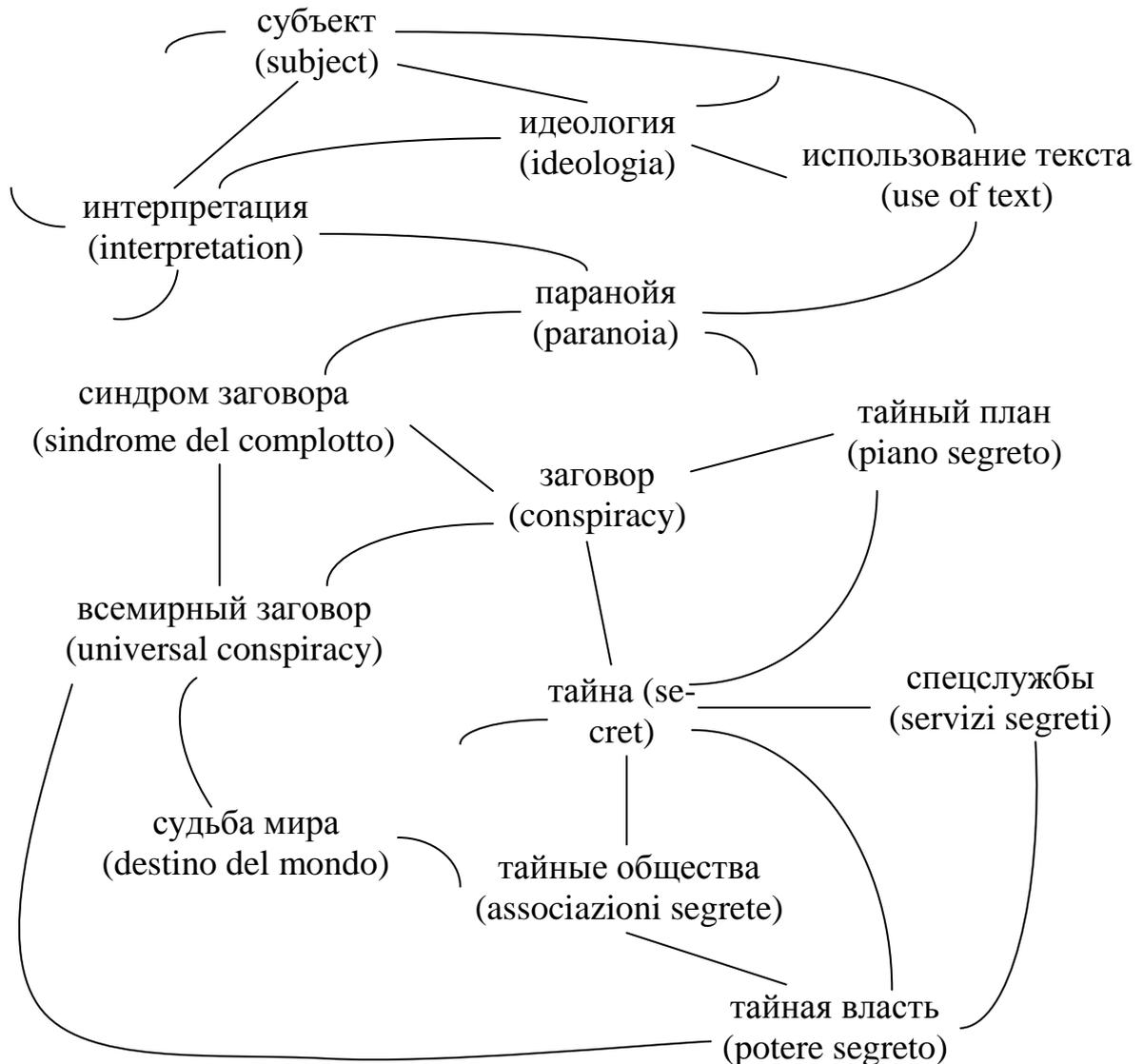
(подробнее об этом – при рассмотрении следующей ризомы, а также в [Гайер, 2013а; Bondanella, 2005; Caesar, 1994; Vernon, 1992]).

Для того чтобы не заразиться болезненным желанием искать в текстах «невыраженное», по мнению Эко, нужно обратиться к трем *intentio*, которые представляют собой выделяемые из текста намерения автора – *intentio auctoris*, намерения читателя – *intentio lectoris*, и *intentio operis* – намерения текста, «результат догадки со стороны читателя» (перевод мой. – К. Г.) (“the result of *conjecture* on the part of the reader” [Eco, 1994, p. 58]), которая возникает при выявлении модели идеального читателя, заложенной в тексте. Применительно к нехудожественным текстам *intentio operis* представляет собой, по мнению В. Czarniawska, “a frequent reading of a given text in a given place at a given time” [Czarniawska, 2004, p. 68]. («Часто встречающееся прочтение данного текста в данном месте и в данное время». – Перевод мой. – К. Г.). Т.е. важным становится критерий частотности появления данного прочтения и его распространенность в одной культуре и в одном временном периоде. Выделение рассмотренных *intentio* позволит как ограничить потенциально бесконечное количество интерпретаций, так и остановить процесс неограниченного семиозиса (перемещения от знака к его интерпретанту в рамках семиосферы).

Ризома №8. Ризома на рис. 3.8 включает в себя интерпретанты, частью значений которых выступают интерпретация, секретность, болезненность. Центральным интерпретантом ризомы является интерпретант «заговор», а основным источником выступает роман «Маятник Фуко», в котором обыгрывается теория мирового тайного сговора (что отмечалось в первой и второй главе данной работы). При этом сам роман, являющийся «художественной» версией научных исследований Эко, иллюстрацией к его семиотической и герменевтической теории, по мнению исследователя S. Воум, прочитывается как аллегорическое руководство к действию в реальной деятельности (“While Eco would like us to examine *Foucault’s Pendulum* as a cautionary tale against what he called ‘unlimited semiosis’, the novel reads more like a 1980s version of the allegory of temptation, where the representation of temptation appears much more seductive than its an-

tidote” [Boym, 1999, p. 114]. – «В то время как Эко хотел бы, чтобы мы рассматривали *Маятник Фуко* как рассказ-предостережение от того, что он называет “безграничным семиозисом”, роман читается скорее как версия аллегории соблазна, в которой изображение соблазна более притягательно, нежели чем противоядие» – Перевод мой. – К. Г.).

Рисунок 3.8. Ризома №8

Обращение к феномену веры во всемирный заговор, который Эко называет синдромом заговора, и правдоподобное описание мыслей и колебаний героев, раскрывающих несуществующую сеть заговорщиков, неслучайно. Так М. Caesar говорит об особенностях исторического периода написания романа (70-е – 80-е гг. XX в.), которые обуславливают его основную идею: “Readers had no difficulty in recognizing here the plotting and paranoia of the 1970s, a decade

which for many Italians was stretched out between the threat and reality of political violence and a pervasive, not to say invasive, suspicion of conspiracy at all levels of public life: the so-called ‘strategy of tension’, the alleged complicity of the secret services in terrorist outrages, the ideological miscegenation of neo-fascist right and the armed left, and the labyrinthine ramifications of the P2 Masonic lodge at the highest levels of the State. People were living the ‘syndrome of the secret’ every time they opened their newspapers or switched on their television” [Caesar, 1999, p. 146]. – «Читателям не составит труда узнать здесь заговор и паранойю 1970-х гг. – десятилетия, которое для многих итальянцев проходило между угрозой и реальностью политического насилия и проникшим везде, можно сказать захватившим все, подозрением о наличии тайных сговоров во всех сферах общественной жизни: так называемая “стратегия напряженности”, предполагаемое соучастие спецслужб в террористических актах, смешение идеологий правых-неофашистов и вооруженных левых, а также запутанные ответвления масонской ложи P2 в верхах правительства. Люди, открывающие раз за разом газету или включающие телевизор, жили с “синдромом секрета”» (перевод мой. – К. Г.). Подобная описанной М. Caesar атмосфера напряженности и секретности господствует и в романе Эко.

Понятие «тайна» и такое ее свойство, как «секретность», раскрываются в текстах Эко, посвященных теории о пределах интерпретации. В художественной литературе наличие некой недосказанности и тайны может способствовать развитию сюжета, подогревает интерес читателя и повышает уровень читательского сотрудничества. Однако поиск скрытой информации и связи с тайными обществами/спецслужбами/окультурными кругами в нехудожественных текстах приводит к забвению их буквального значения ради символического, а значит, тексты перестают исполнять свои прямые функции, становясь отправной точкой для удовлетворения потребностей интерпретатора в создании собственного возможного мира и в осознании собственной значимости (в особенности это касается профессиональных интерпретаторов – критиков, филологов, журналистов и пр.). Об этом же говорит М. Fenster: “Interpreting the world to unveil con-

spiracy's secrets, the theorist gains a sense of exception and privilege" [Fenster, 2008, p. 115]. – «Толкование мира с целью раскрыть секреты заговора дает теоретику чувство исключительности и привилегированности» (перевод мой. – К. Г.). Именно на профессиональных интерпретаторов и теоретиков направлена критика Эко, который выделяет два типа интерпретации текста (или два типа модели читателя) – *семантическую (наивную)* и *критическую*. В отличие, например, от Г.И. Богина, выделившего 3 уровня понимания текста (семантизирующее, когнитивное и распредмечивающее) [Богин, 2001, URL], У. Эко, рассматривающий в качестве субъекта интерпретации читателя-интерпретатора, заранее предполагает наличие у него определенных навыков, необходимых для понимания текста, что позволяет ему отказаться от трехчленной классификации в пользу двухчленной.

О семантической интерпретации Эко говорит следующее: "Semantic interpretation is the result of the process by which the reader, facing a Linear Text Manifestation, fills it up with a given meaning" [Eco, 1994, p. 77]. – «Семантическая интерпретация является результатом того процесса, во время которого читатель, столкнувшись с Линейной Манифестацией Текста, заполняет ее данным значением» (перевод мой. – К. Г.). Тогда как критическая интерпретация представляет собой "a metalinguistic activity which aims at describing and explaining for which formal reasons a given text produces a given response" [Ibid, p. 77] – «металингвистическую деятельность, целью которой является описание и объяснение формальных причин, по которым данный текст производит данную ответную реакцию» (перевод мой. – К. Г.). Исходя из теоретических посылок Эко становится очевидным, что «наивный» читатель должен обладать способностью соотносить знаки, встречающиеся в «линейной манифестации текста», с их содержанием; выбирать нужное значение лексемы и соотносить его с окружающим контекстом; воспринимать текст как некое целостное и когерентное единство и отличать основные виды дискурсов/жанров; обладать определенной «энциклопедической компетенцией» (минимальным набором знаний, необходимых индивиду для существования в определенной культуре), позволяющей

создавать и восстанавливать инференциальные связи между знаками и т.д. Все это предполагает наличие большого читательского опыта, а на долю критического читателя остается все то, что связано с металингвистикой: функционированием и строением текста, отношениями между текстом и читателем, между текстом и другими текстами, между текстом и его автором.

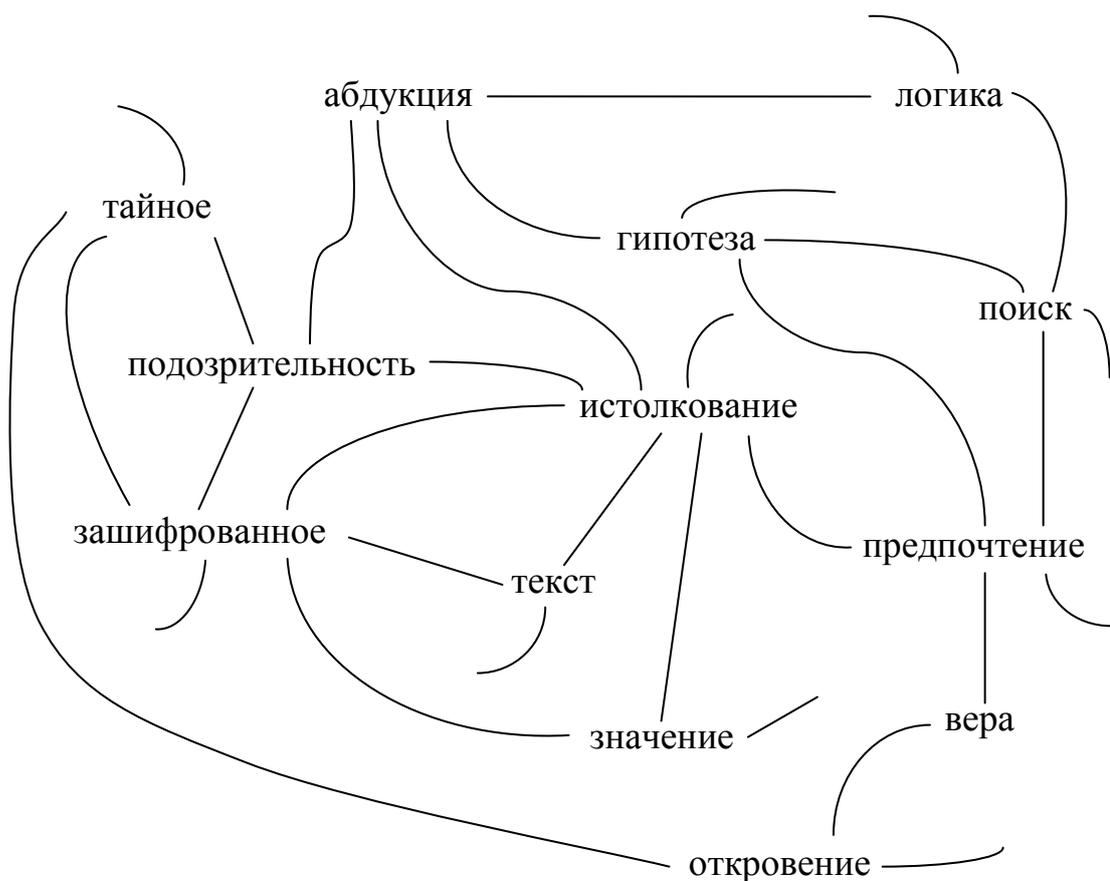
У. Эко в своих работах ориентируется, прежде всего, на читателя-критика, который успешно проходит уровень семантической интерпретации, но на уровне критической интерпретации под влиянием субъективных факторов (идеологии в семиотическом смысле) приписывает тексту несуществующие смыслы или же использует его в собственных целях. Ранее уже говорилось о семиотических различиях между собственно интерпретацией и использованием текста, здесь же представлены последствия такого отношения к текстам. Если «использовать текст» означает “to start from it in order to get something else, even accepting the risk of misinterpreting it from the semantic point of view” [Eco, 1994, p. 57] («отталкиваться от него с целью получить что-то еще, даже соглашаясь на риск его неверного истолкования с точки зрения семантики»). – Перевод мой. – К. Г.), то мы оказываемся вовлеченными в очередной процесс «перехода» (англ. *drift*), который подобен процессу семиозиса (производства знаков) или процессу выбора значения знака. Отсюда происходят многочисленные аналогии, которые У. Эко выстраивает между герменевтическим процессом толкования текста и семиотическим процессом производства знаков. Все это позволяет ему говорить об интерпретативном направлении в семиотике и о важной роли субъекта не только в процессах означивания, но и в процессах развития знаковых систем, одной из которых является естественный язык (здесь же кроится причина отрицания Эко постулатов о влиянии языка на его носителей).

Выбор стратегии использования текста происходит под влиянием идеологических предпочтений читателя (общих для определенной группы людей прагматических установок на выбор определенных значений знаков и игнорирования других; подробнее об идеологии в работах [ван Дейк, 2013; Гайер 2012а; Eco, 1998]). При этом становится важным определить цель данного тек-

стового злоупотребления при помощи методов семиологии, которая вскрывает механизмы смыслообразования.

Ризома №9. Рассматриваемые далее ризомы (рис. 3.9, рис. 3.10, рис. 3.11) раскрывают отношения, обнаруженные между семиологией и герменевтикой У. Эко и семиологией Ч.С. Пирса. В частности, интерпретанты, образующие ризому на рис. 3.9, выделены из совокупности текстов №6.

Рисунок 3.9. Ризома №9

Интерпретация теории Пирса, представленная в научных работах Эко, стала отправной точкой для развития его собственной доктрины интерпретативной семиотики, а многие понятия и механизмы семиологического исследования, встречающиеся впервые у Пирса, были перенесены в работы итальянского семиолога и модифицированы им.

Центральным понятием семиологии Эко является абдукция, которая представляет собой, наряду с индукцией и дедукцией определенный способ рассуждения, заключающийся в переходе от гипотез к законам, их утверждаю-

щих (по В.К. Финну, абдукция – «познавательная процедура принятия гипотез» [Финн, 2010, URL]). Применение абдуктивных рассуждений позволяет читателю истолковать текст. Абдукция неотделимо связана с креативной функцией языка [Финн, 2010, URL; Эко, 2007в; Bertilsson, 2004; Eco, 1986a, 1997; EP, 1998; Magnani, 1998, URL; Petrilli, 2010], что позволяет Эко рассматривать интерпретацию текста, несмотря на попытку ее формализации, как открытый и творческий процесс поиска значения текстовых единиц для дальнейшего понимания общего смысла текста.

На практике поиск значений ограничивается как самим текстом (*intentio operis*), так и предпочтениями интерпретатора, что, как мы видели, может привести к гиперинтерпретации текста. При этом самыми опасными для беспристрастной интерпретации являются те предпочтения, которые связаны с верой интерпретатора в возможность раскрытия некоего откровения в тексте. Понятие «откровение» наделяется негативными коннотациями в текстах Эко, которые относятся и к понятию «вера». Наиболее ярко это выражается в его работах, посвященных проблемам интерпретации текстов (“*Interpretation and Overinterpretation*”, “*The Limits of Interpretation*”), и в публицистике (например, собрание статей под говорящим заголовком «Те, кто больше не верят в Бога, верят во все подряд»). Так в “*Interpretation and Overinterpretation*” можно увидеть следующее типичное для работ У. Эко высказывание, отсылающее к рассмотренной ранее герметической стратегии прочтения текстов: “*In order to be able to understand the mysterious message contained in books, it was necessary to look for a revelation beyond human utterances, one which would come announced by divinity itself, using the vehicle of vision, dream, or oracle*” (курсив мой. – К. Г.) [Eco, 1992b, p. 30]. – «Для того чтобы быть способным понять таинственное сообщение, содержащееся в книгах, необходимо было искать откровение за пределами людских высказываний – откровение, которое сообщалось бы самим божеством, посредством видения, мечты или оракула» (перевод мой. – К. Г.). И хотя эта фраза характеризует средневековый способ истолкования сакральных текстов, она в разных вариациях повторяется в работах Эко при описании ин-

терпретативной деятельности персонажей романа «Маятник Фуко», в главах, посвященных критике деконструктивизма Ж. Деррида и структурализма К. Леви-Стросса, в ответах на вопросы и возражения интервьюеров и критиков его творчества и пр.

Поиск таинственных сообщений в сакральных книгах приравнивается к поиску секретных сообщений в зашифрованных посланиях. Так же, как и в случае со средневековым герметизмом, расшифровка сообщений для получения скрытой информации необходима лишь в определенных случаях и не может распространяться на все виды текстов. В романе У. Эко дается пример такого ошибочного подхода к интерпретации, ведущего к использованию текста: средневековая товарная квитанция с адресами для доставки товаров прочитывается как план-руководство тайного тамплиерского ордена по поиску тайника с сокровищем (источником древней силы). Выбор интерпретатором подобных стратегий зависит не только от его идеологических предпочтений, но и от его особого состояния, которое обозначается как подозрительность (англ. *suspect*, итал. *sospetto*). По мнению исследователя S. Collini, именно подозрительность становится основой для выбора герметических стратегий (“A common psychological element in these traditions of interpretation lies in the attitude of suspicion or disdain towards apparent meaning, its very accessibility and seeming concordance with common sense fatally damning its status” [Collini, 1992, p. 9]. – «Общим психологическим элементом этих традиций интерпретации является отношение подозрительности или пренебрежения к буквальному значению, а его доступность и кажущееся соответствие здравому смыслу неизбежно компрометирует его статус». – Перевод мой. – К. Г.). Эко также говорил об этом чувстве в одном из интервью 1988 г., посвященных выходу романа: «Есть болезнь, овладевшая и культурой и политикой нашего времени. Я написал “Маятник”, чтобы выявить эту болезнь. <...> Имя ее – Синдром подозрительности. Методология ее – “копание глубже”. Предполагается, что за каждым явлением таится еще одно, более сложное, а за тем – еще одно и так далее... <...> Синдром подозрительности – не поиск скрытого смысла вещей, а неограниченное

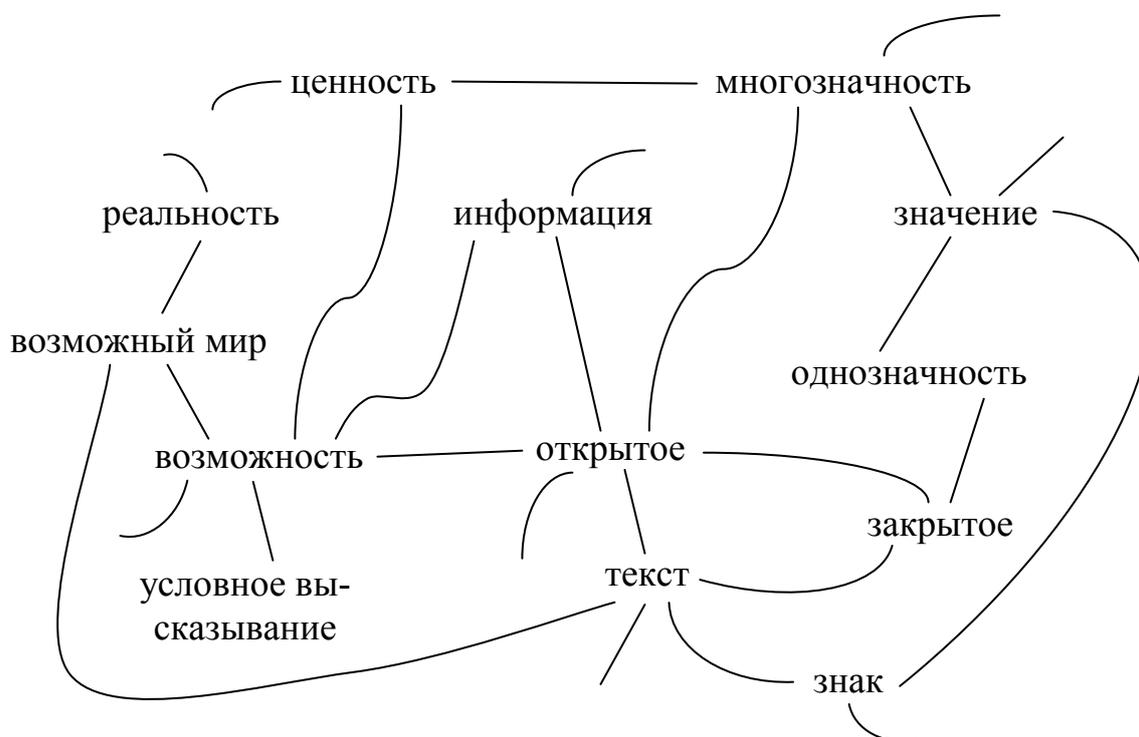
смещение смыслов» [Маятник Фуко, 1989, с. 224]. Смещение смыслов, которое выступает следствием интерпретации с подозрением, не позволит адекватно интерпретировать текст, так как преследует иную, нежели чем толкование, цель.

В работах У. Эко понятие «подозрительность» амбивалентно: кроме «болезненной» подозрительности герметистов существует и «здоровая» исследовательская подозрительность, в ходе которой подозрение получает свое обоснование (механизм «здорового» подозрения сходен с абдукцией). Так в книге «Роль читателя» стратегия по выявлению идеального читателя текста предполагает, что эмпирический читатель должен постоянно подозревать наличие той или иной информации в тексте, того или иного смысла и т.д. Рассматривая особенности читательского сотрудничества при интерпретации «Вполне парижской драмы» А. Алье Эко описывает действия эмпирического читателя следующим образом (курсив мой. – К. Г.): «в конце четвертой главы такой наивный читатель должен *заподозрить*, что Рауль и Маргарита решили пойти на бал <...>» [Эко, 2007в, с. 349], «во время чтения пятой главы наивный читатель должен *заподозрить*, что две маски на балу – это Рауль и Маргарита <...>» [Там же, с. 349], «текст не отказывается и от того, чтобы вызвать у возможного критического читателя *подозрения* относительно своей (т. е. текста) подлинной стратегии» [Там же, с. 354], «возникает *подозрение*, что Рауль и Маргарита собираются на бал» [Там же, с. 367]. Анализируемый Эко текст представляет собой рассказ-парадокс, построенный на опровержении литературных шаблонов и приемов. Рассматривая использованные в тексте приемы и вскрывая причину обманутого читательского ожидания, Эко моделирует интерпретативный процесс наивного и критического читателя, который на начальных этапах представляет собой совокупность неких подозрений о дальнейшем развитии сюжета. По сути дела, подозрение выступает в данном случае синонимом предположения (или гипотезы), которое является основой абдуктивных рассуждений. Граница между подозрением, которое приводит к гиперинтерпретации, и по-

дозрением-предположением в процессе разумного интерпретирования обеспечивается за счет самого текста (*его intentio operis*).

Ризома №10. С обеспечением текстом своих прав связана следующая ризома, раскрывающая отношения между двумя фундаментальными понятиями семиологии Эко – открытостью и закрытостью. Рассматриваемая на рис. 3.10 ризома образована на основе интерпретантов, выделенных при анализе текстовой совокупности №5.

Рисунок 3.10. Ризома №10

Противопоставление открытого и закрытого в работах У. Эко, наряду с отрицанием классического структуралистического подхода к исследованию, соответствует современным представлениям об открытости и закрытости в системном подходе, и синергетики в частности [Paolucci, 2007; Valle, 2007]. Однако в отличие от отечественных работ, где лингвосинергетический подход активно используется в когнитивистике и психолингвистике [Герман, 1999; Москальчук, 2003 и др.] (особняком стоит работа В.В. Тарасенко, посвященная фрактальной семиотике [Тарасенко, 2012]), в работах Эко идеи синергетики рассматриваются в рамках лингвoseмиотики, теории коммуникации и концепций Ч.С. Пирса. При этом основными свойствами знаковых систем, опреде-

ляющими ход исследования и позволяющими говорить о синергетическом подходе, являются их открытость, нелинейность, динамичность, способность к самоорганизации (например, при представлении системы знаний индивида в виде энциклопедии – ризомного образования с узлами-знаками).

Более того, в теории Эко рассматриваются неустойчивые состояния систем в точках их бифуркации. Как пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов о бифуркации в гуманитарной синергетике, «ситуация бифуркации путей эволюции или состояния неустойчивости нелинейной среды, чувствительности ее к малым воздействиям, связана с неопределенностью и возможностью выбора» [Князева, 1997, с. 70], и далее – «осуществляя выбор дальнейшего пути, субъект ориентируется на один из собственных, определяемых внутренними свойствами среды путей эволюции и вместе с тем на свои ценностные предпочтения» [Там же, с. 70]. В «Открытом произведении» Эко рассматривает интерпретацию как процесс встречи двух открытых систем: произведения искусства (произведения в бахтинском смысле) и системы знаний и идеологии интерпретатора (читателя, критика, исполнителя и т.д.). Именно взаимодействие произведения и интерпретатора, который дополняет и завершает его, является той кризисной точкой бифуркации, преодоление которой ведет к появлению смысла. Для Эко является ценной возможность выбора из множества путей интерпретации, которые открываются субъекту при взаимодействии с открытым текстом.

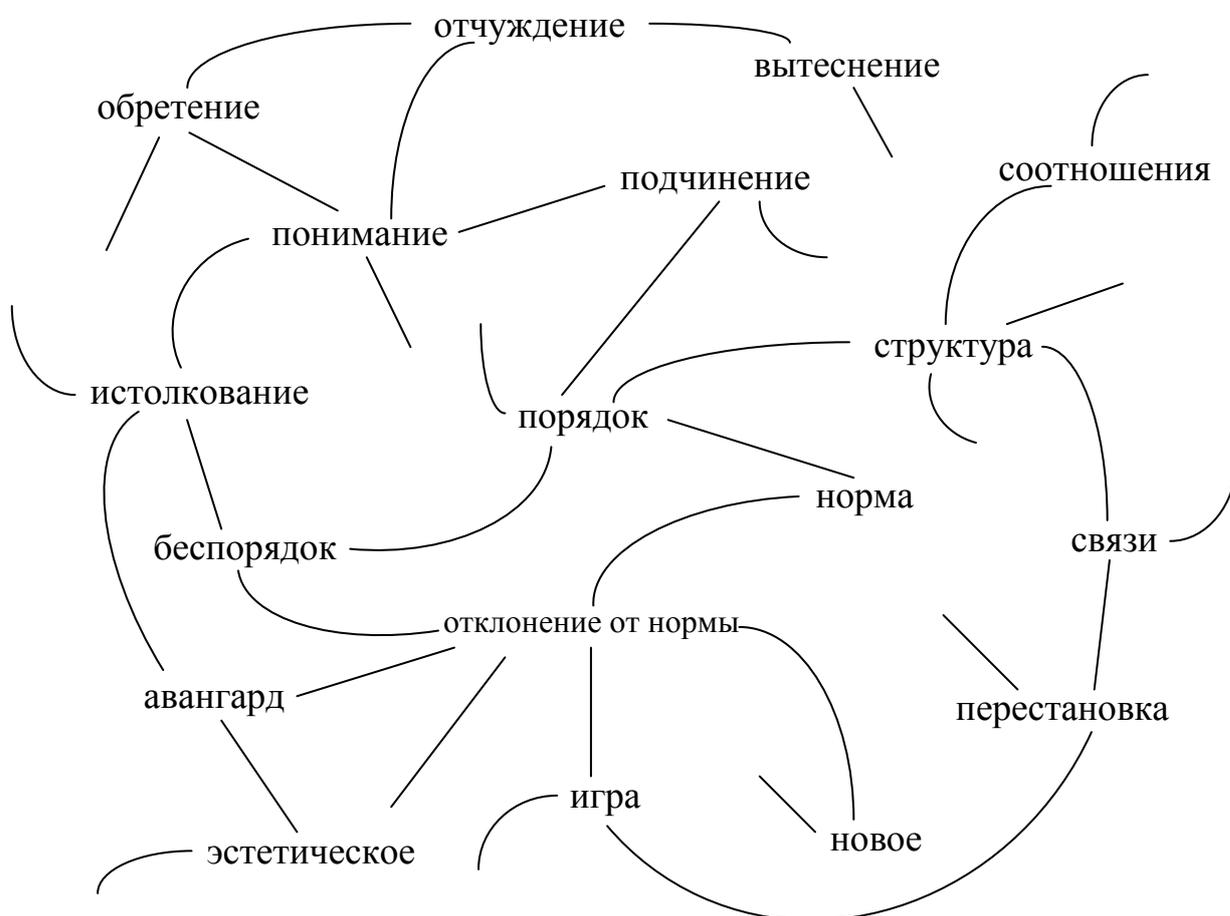
Рассматривая открытость и закрытость в произведениях искусства, У. Эко указывает на то, что не стремится «разделить произведения искусства на значительные (“открытые”) и незначительные, устаревшие, плохие (“закрытые”)» [Эко, 2006а, с. 53], так как «открытость, понимаемая как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерна для любого произведения в любое время» [Там же, с. 53]. Несмотря на это заявление, открытость, как положительное свойство рассматриваемого объекта, и тяготение к исследованию открытых произведений, требующих активного сотворчества интерпретатора, в его работах находятся в приоритете.

В отношении письменных текстов можно сказать, что аксиологическое значение открытости текста для У. Эко связано не только с отсутствием догматизма и однозначности, которые присущи закрытым текстам (поэтому Эко часто обращается к произведениям авангарда, романам Джойса и пр.), но и с увеличением количества допустимых интерпретаций и возможностью творческой самореализации (открытые тексты порождают больше повествований). В этом смысле становится понятным стремление персонажей Эко, да и самого Эко, к созданию повествований, представляющих некие «возможные текстовые миры» (возможный мир – «это *возможное положение дел*, выраженное (описанное) некоторым множеством релевантных (относящихся к делу) высказываний, так что для каждого высказывания справедливо или *p*, или *~p*» [Эко, 2007в, с. 375]). Их создание, помимо удовлетворения потребности в написании текстов, позволяет в исследовательских или пропагандистских целях привлекать внимание читателя/интерпретатора прежде всего к тем особенностям вымышленного мира, которые эксплицируются самим автором, и не называть, опускать те его свойства, которые представляются очевидными и известными из реального опыта (У. Эко пишет: «Текст адресует нас (за отсутствием других указаний) к *энциклопедии*, которая соответствует нашему “реальному” миру. <...> Мир повествования, нарративный мир заимствует готовые комплексы свойств в качестве *индивидов* (с учетом обозначенных поправок) у мира “реального”, который для читателя остается миром референции» [Эко, 2007в, с. 375]). Поэтому постулируемая открытыми текстами многозначность, как это ни парадоксально, является ограниченной как самим автором, так и установленными в возможном мире правилами. Рассмотрение того, как соотносятся реальный мир (референциальный план повествования) и возможный мир (нарратив) в художественных текстах, логически продолжается в работах Эко необходимостью ограничения интерпретативного произвола.

Ризома №11. Открытые тексты, преобладающие в современном искусстве, бросают вызов понятию эстетического, которое понимается как нечто гармоничное и упорядоченное. Соотношение искусства и семиотики раскрывается

в ризоме на рис. 3.11, центральными интерпретантами которой являются понятия «порядок», «беспорядок», «отклонение от нормы», «понимание» (выделены из совокупности текстов №7).

Рисунок 3.11. Ризома №11

Понятие «порядок» связывается в работах Эко с наличием структуры, которая, как было отмечено выше, наделяется негативными коннотациями. При рассмотрении оппозиции «порядок/беспорядок» в данной части ризомы, можно сказать, что понятие «порядок» выступает как нейтральный, немаркированный член оппозиции, тогда как «беспорядок» является положительно окрашенным, маркированным членом (и связывается с такими характеристиками, как креативность и эволюционность). Что же касается той части ризомы, которая связана с понятием «понимание», то она подробно рассмотрена в п. 2.2 второй главы данной работы (в частности, исследуется соотношение понятий «отчуждение» и «понимание»). Здесь же мы остановимся подробнее на комплексе понятий,

используемых Эко при рассмотрении эстетического сообщения методами семиологии.

В эссе «О способе формообразования как отражении действительности» У. Эко при рассмотрении особенностей произведений неоавангарда переосмысливает понятия «порядок» и «беспорядок» (или «хаос») применительно к организации эстетического сообщения. Описывая новаторские выразительные приемы, используемые неоавангардистами, он говорит о постоянном отклонении от формальных норм, которое ставит под сомнение сложившийся стиль и порядок, но является новым этапом эволюции искусства, которое, в свою очередь, пытается выразить мироощущение современного человека. Эко утверждает, что «подлинным *содержанием* произведения становится *способ восприятия этого мира* и его оценки, ставшей способом формотворчества, и на этом уровне будет вестись разговор об отношениях между искусством и миром» [Эко, 2006а, с. 328]. При обращении к неоавангарду он ссылается на исследования в русле информационно-коммуникационных теорий для того, чтобы определить отличия эстетического сообщения от неэстетического и бессмысленного. Избыточность и неоднозначность посылаемой в эстетическом сообщении информации приводят к значимому беспорядку, который переключает внимание получателя на код, требуя дополнительных усилий по интерпретации подобного сообщения. И эта же неоднозначность влияет на то, что «сообщение обретает творческий потенциал, выходящий за рамки обычных возможностей кода» [Эко, 2006а, с. 351; Эко, 2007в, с. 155], тем самым указывая на дальнейшие пути его развития.

В “Trattato di semiotica generale” У. Эко формулирует пять основных причин интереса семиологии к эстетическому сообщению, которые обобщают его рассуждения о семиотических особенностях неоавангардных текстов: “(i) un testo estetico implica un lavoro particolare, vale a dire una *manipolazione dell’espressione*; (ii) questa manipolazione provoca (ed è provocata da) un *riassestamento del contenuto*; (iii) questa doppia operazione, producendo un genere di funzione segnica altamente idiosincratICA e *originale*, viene in certo qual modo a

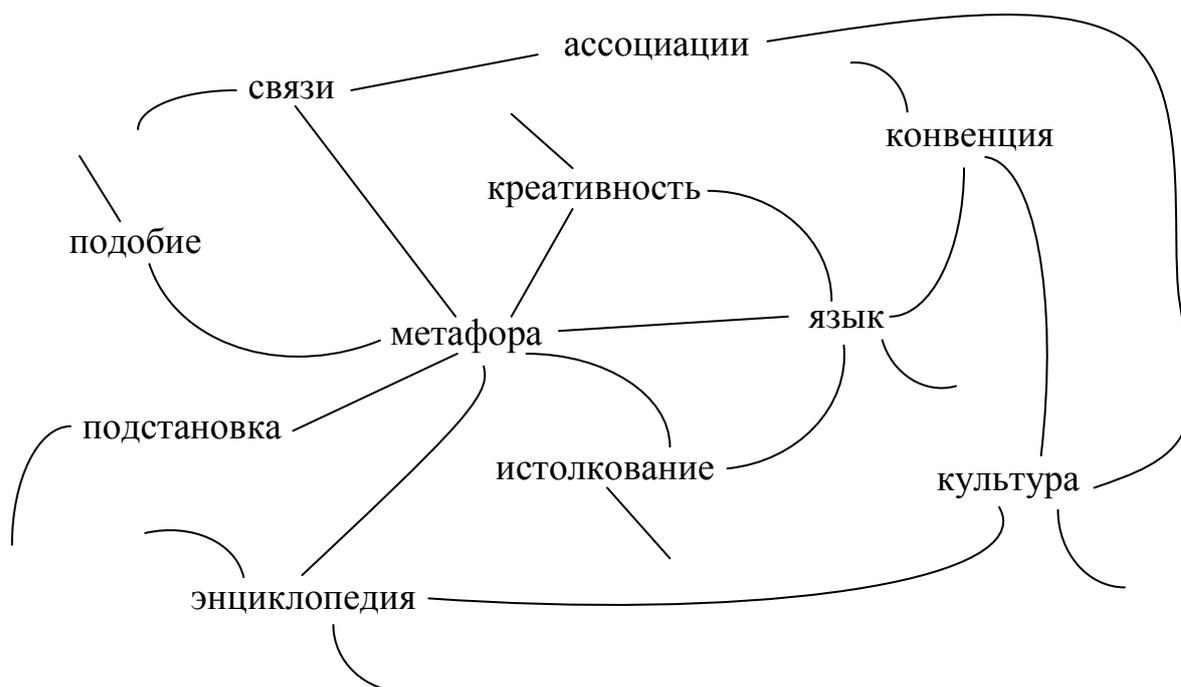
riflettersi sui codici che servono di base all'operazione estetica, provocando un processo di *mutamento di codice*; (iv) l'intera operazione, anche se mira alla natura dei codici, produce di frequente un nuovo tipo di *visione del mondo*; (v) in quanto mira a stimolare un complesso lavoro interpretativo nel destinatario, il mittente di un testo estetico focalizza la propria attenzione sulle sue possibili reazioni, così che tale testo rappresenta un reticolo di *atti locutivi*, o *comunicativi*, che mirano a sollecitare risposte originali" [Eco, 1998, p. 328]. – «1) Эстетическое сообщение предполагает особое действие – *манипуляцию над содержанием*; 2) эта манипуляция вызывает *перестройку плана содержания* (и сама вызвана ею); 3) эта двойная операция, производящая идиосинкразическую и высоко *оригинальную* знаковую функцию [знак, рассматриваемый в совокупности связей между его планом содержания и планом выражения. – К. Г.], проходит определенным образом отражаясь на тех кодах, которые служат базой для эстетического знака, вызывая *изменения в коде*; 4) вся эта операция, хотя и направлена на код, однако зачастую создает новый тип *видения мира*; 5) поскольку целью является вовлечение получателя в комплексное интерпретирование эстетического сообщения, то его отправитель концентрирует свое внимание на возможных реакциях получателя, поэтому подобное сообщение представляет собой сеть *локутивных*, или *коммуникативных*, актов, направленных на стимулирование оригинальных откликов» (перевод мой. – К. Г.).

Если перейти от семиотических особенностей эстетического сообщения к философским основаниям эстетики, то и здесь будет видно влияние современных учений о коммуникации и информации. Так У. Эко утверждает, что «порядок как таковой не существует, порядок – это все лишь одно из бесконечного числа возможных состояний покоя, к которым время от времени приходит беспорядок» [Эко, 2006а, с. 372; Эко, 2007в, с. 173]. Эта же синергетическая мысль развивается в романе «Маятник Фуко», сюжетные повороты которого зависят от количества вброшенной в текст романа информации: чем больше сведений получают и высказывают герои (о судьбе тамплиеров, каббале, тайных обществах, бразильских религиозных ритуалах и пр.), тем динамичнее начинает разви-

ваться сюжетная линия романа (система, находящаяся в покое, приходит в движение). Кроме того, то псевдотворчество, которым занимается герой романа Бельбо, компилируя фрагменты из разных произведений в компьютерной программе в надежде найти смысл своего существования и свое предназначение, также является попыткой обрести покой и порядок. Однако тексты Бельбо являются именно псевдотворчеством, пародией на настоящие произведения, так как представляют собой пастись, игру слов, которые не обогащают язык и не раскрывают его возможностей (т.е. не ставят код в ситуацию кризиса, для того чтобы раскрыть его потенциал; не изобретают нечто новое).

Ризома №12. Рассмотрим приведенную на рис. 3.12 ризому.

Рисунок 3.12. Ризома №12

Она состоит из выделенных при анализе совокупности №8 интерпретантов, соотносится с предыдущей, так как раскрывает соотношение между такими важными понятиями семиологии У. Эко, как «метафора», «язык» (или более обобщенный термин «код») и «культура» (или синонимичные ей понятия «семиосфера», «культурный универсум»).

Метафора в работах Эко предстает не как риторическая фигура, а как некий механизм, реализующий креативную и познавательную функцию языка. Рассматривая способы образования и существования метафоры в языке, Эко

утверждает, что «всякая метафора может быть сведена к лежащей в ее основе цепочке метонимических связей, которые составляют каркас кода и служат опорами всякого семантического поля – частичного или (в теории, в идеале) глобального» [Эко, 2007в, с. 118]. Как уже было сказано выше при анализе совокупности текстов №8, данные цепочки представляют собой семантические связанные (на интенциональном и экстенциональном уровне) интерпретанты языковых знаков, составляющих метафорическое выражение. Объединение несколько лексем в рамках одной метафоры обеспечивается системой культурных связей-ассоциаций, которые известны как производящим метафоры, так и их потребителям. Ассоциации появляются при подобии (англ. *similarity*) семем или семантических признаков, на что указывает У. Эко, рассматривая, например, библейскую метафору «зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни» (Песн. 4:2): “In a given system of content those [semantic. – К. Г.] properties are named by the same interpretant <...> and independently of the fact that the objects or things for the designation of which that interpretant is customarily used may manifest perceptual ‘similarities’. In other words, the teeth of the maiden in the Song of Solomon are *like* the sheep if, and only if, in that given culture the interpretant *white* is used to designate both the color of teeth and that of sheep’s fleece” [Эко, 1986а, р. 113]. («В данном плане содержания эти [семантические. – К. Г.] признаки названы посредством одного и того же интерпретанта <...> вне зависимости от того, могут ли объекты или вещи, для указания на которые обычно используется этот интерпретант, проявлять воспринимаемые нами “сходства”. Другими словами, зубы девицы из Песни Песней Соломона могут быть *как* овцы лишь только в том случае, если в данной культуре интерпретант *белое* используется для обозначения цвета как зубов, так и овечьей шерсти». – Перевод мой. – К. Г.).

В данном случае Эко предлагает рассматривать метафору как удачный пример использования ее автором сети интерпретантов для поиска подобия между знаками. Однако в отличие от рассматриваемого выше герметизма, для которого использование одного и того же интерпретанта ведет к установлению

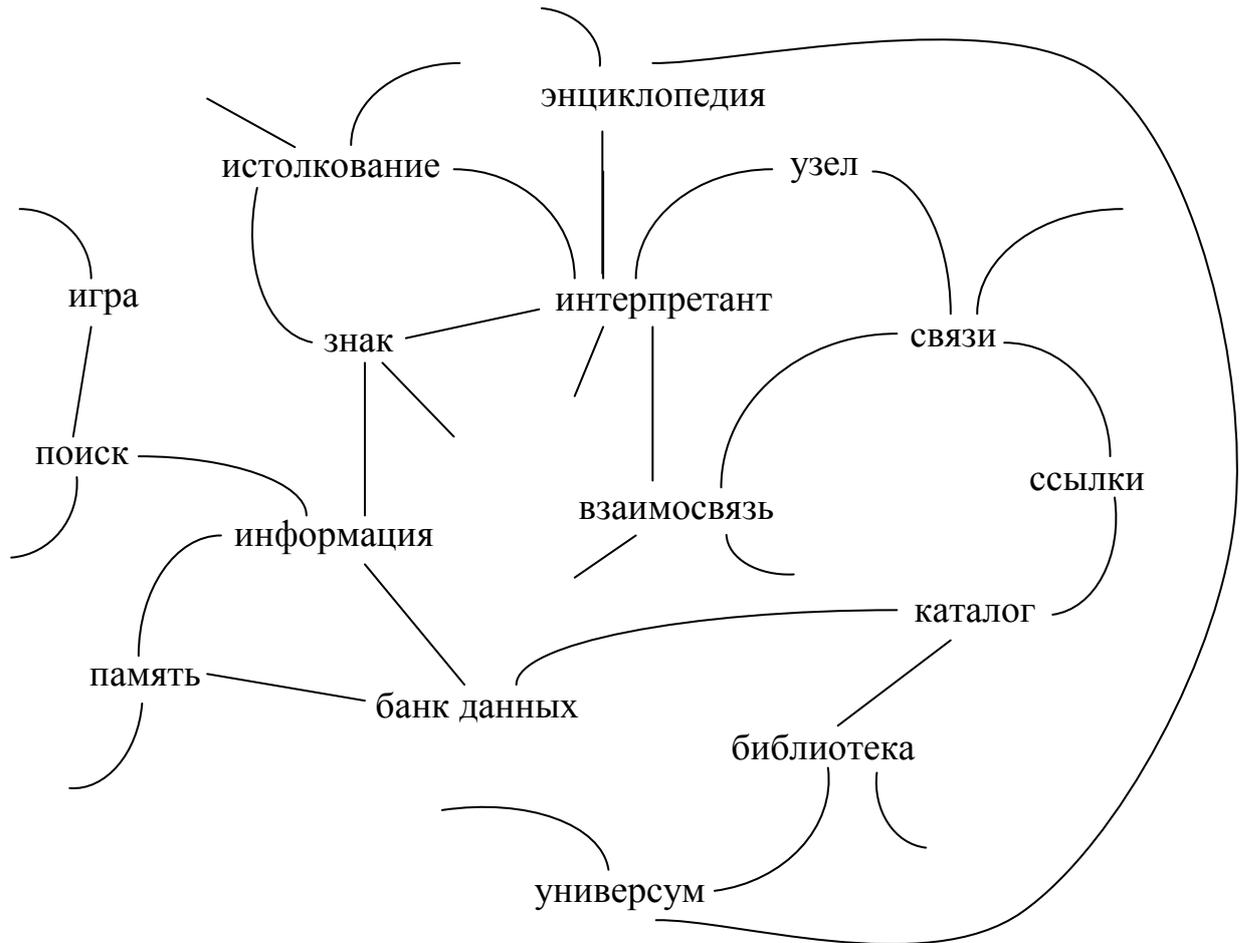
связей между референтами и их сопряжению, толкование метафоры является лишь раскрытием языкового приема. Именно поэтому метафора как языковой прием является удобным предметом для исследования процессов, происходящих во время семиозиса, конструирования частей семиосферы (которая предстает как «энциклопедия», см. следующую ризому), визуализации инференциальных связей – при раскрытии механизма образования метафоры вопросы референции не являются больше актуальными, а сама метафора лишается своей выразительной силы [Culler, 2005, p. 223], достигается необходимый для разработки теоретической модели уровень абстрагирования от реальности.

Для Эко метафора подтверждает онтологический статус сети интерпретантов (энциклопедии), благодаря которым эта фигура речи и становится возможной: ее образование происходит с опорой на существующую *априори* культурно обусловленную сеть понятий, в которой возможна свобода передвижений, свобода выбора и сочетания компонентов между собой. Данная сеть понятий представлена в текстах Эко по-разному (см. также следующую ризому): при помощи метафор – банк данных [Эко, 2005], библиотека [Эко, 2000б; Eco, 1981a, 2006a], каталог [Эко, 2005], семантическая энциклопедия [Эко, 2007в; Eco, 1976, 1981b, 1984, 1986a, 1989, 1992a, 1992c, 1997, 1998 и пр.], ризоматический лабиринт [Эко, 2000б; Eco, 1986a], и при помощи моделей – универсум элементов культуры [Эко, 2007в; Eco, 1986a, 1997, 1998 и пр.], Глобальная Семантическая Система/Универсум [Эко, 2007в; Eco, 1986a, 1997, 1998], семантическая память (модель Квиллиана, модель Q) [Эко, 2007в; Eco, 1986a, 1997, 1998]. При этом принцип образования, лежащий в основе всех этих структур, заключается в особом свойстве языка, не позволяющем провести четкое разграничение между единицами естественного языка, которым написаны исследуемые тексты, и единицами метаязыка самого исследования. Эко пишет: «*Fatalmente ogni unità semantica posta per analizzare un semema è a propria volta un semema che deve essere analizzato*» [Eco, 1998, p. 173]. – «Роковым образом каждая семантическая единица, предложенная для анализа

семемы, в свою очередь является семемой, которая должна быть проанализирована» (перевод мой. – К. Г.). Разумеется, данная идея об углублении уровней исследования содержания языкового знака развивается в русле интерпретационного подхода и может быть сравнима с более общей идеей о знакообразовании в культуре (неограниченном семиозисе). При этом важная роль и в том, и в другом случае отдается интерпретанту как той стороне знака, которая является конвенционально обусловленной и приемлемой для представителей данной культуры, а также обладает наибольшей порождающей силой (опять же в рамках интерпретационной семиотики). Интерпретанты, рассматриваемые в совокупности, представляют собой семантическую энциклопедию – «запас знаний об используемом языке (системе образующих его кодов и субкодов)» [Эко, 2007в, с. 474]. Сюда входят не только знания о кодах, но и об их использовании в тексте (маркеры фреймов, скриптов, инструкций и стратегий понимания текстов).

Ризома №13. Обратимся к следующей ризоме на рис. 3.13, которая тесно связана с описанным выше понятием «энциклопедия» (составляющие ее интерпретанты выделены при анализе текстовой совокупности №9). Эта ризома показывает те отношения, которые строятся между разными вариантами представления семантической энциклопедии. Если наличие «интерпретанта» подразумевает появление «энциклопедии», «знака», «толкования» в соответствии с интерпретативным направлением семиологии Эко, то обращение к понятиям «библиотека», «каталог», «ссылки» обусловлено влиянием произведений Х.Л. Борхеса [Есо, 2006б, р. 124], которое проявилось не только в романах Эко (в особенности в романе «Имя розы»), но и в его научных текстах.

Рисунок 3.13. Ризома №13

Действительно, использование таких терминов, как «словарь» и «энциклопедия» применительно к форматам семантических описаний значения лексемы (и к форматам семантической компетенции), создает определенное метафорическое представление о семантике, как о библиотеке значений, в которой в роли библиотекаря выступает некий пользователь – говорящий, слушающий, автор, интерпретатор и пр.

В соответствии с «энциклопедией» значение понятия организуется в некую децентрированную и разветвленную сеть (за счет охвата как можно большего числа сем, иногда противоречащих друг другу, но сосуществующих в одной культуре), а в соответствии со «словарем» – в однонаправленную родовидовую иерархию, характерную для компонентного анализа. Так Эко приводит пример разбора понятия «кит», утверждая, что «для зоолога “кит” является иерархично и недвусмысленно организованной семемой, в которой второсте-

пенные свойства зависят от более общих и специфицирующих свойств, создающих древовидную структуру, напоминающую своей формой рисунок 18:

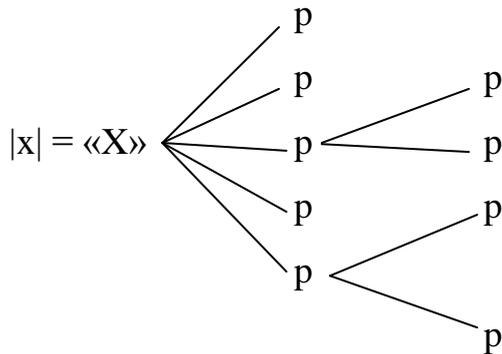

Рисунок 18» (перевод мой. – К. Г.). – “Per uno zoologo, ‘balena’ è una semema gerarchicamente e univocamente organizzato in modo che le proprietà secondarie dipendano da quelle più generali e caratterizzanti, producendo un albero dalla forma simile a quello in figura 18.” [Eco, 1998, p. 161]. Данный пример организации семемы в формате словаря учитывает лишь основные семы, составляющие значение, тогда как энциклопедия представляет целый семантический универсум, в который семема включена.

В рассмотренной ранее текстовой совокупности, посвященной реализации в романе «Маятник Фуко» модели семантической памяти М.Р. Квиллиана (модели Q), описано соотношение понятий «информация», «каталог» и «банк данных» в романе (совокупность текстов №9). Напомним, что Модель Q в представлении У. Эко выглядит следующим образом: “Il modello Quillian (modello Q) si basa su una massa di nodi interconnessi da diversi tipi di legami associative. Per ogni significato di lessema dovrebbe esistere nella memoria un nodo che prevede come proprio ‘patriarca’ il termine da definire, qui chiamato *type*. La definizione di un *type* A prevede l’impiego, quail suoi interpretanti, di una serie di altri significati che vengono sussunti come *tokens* (e che nel modello sono altri lessemi)” [Eco, 1998, p. 174]. – «Модель Квиллиана (модель Q) основывается на множестве узлов, связанных друг с другом разными типами ассоциативных отношений. Для каждого значения лексемы в памяти должен существовать узел, который предполагает наличие в качестве своего “патриарха” термина, нуждающегося в определении, который здесь обозначается как *тип*. Определение

mina А предполагает использование серии других значений, например, его интерпретантов, которые обобщаются в *токены* (представлены в модели другими лексемами)» (перевод мой. – К. Г.). Подобное моделирование происходит и в романе, где деятельность главного персонажа, создающего собственный банк данных из перекрестных ссылок, соотносится с деятельностью исследователя, пытающегося смоделировать энциклопедию по образцу семантической памяти. В романе персонажи, добывающие информацию в книгах и библиотеках, восстанавливают фрагменты мировой семантической памяти (или Глобальной Семантической Системы), чтобы научиться правильно интерпретировать тексты. Именно поэтому в тексте приводится так много примеров метонимических цепочек интерпретантов – они являются иллюстрацией рассматриваемого в теории механизма. Проблема восстановления памяти для интерпретации и понимания происходящего вокруг затрагивается впоследствии и в других произведениях У. Эко, выходящих за рамки рассматриваемого в данной работе периода (в частности, в романе «Таинственное пламя царицы Лоаны», в многочисленных публицистических статьях и интервью 2000-х и 2010-х гг.).

Таким образом, в данном параграфе были рассмотрены ризомы, представляющие собой фрагменты более широкой сети интерпретантов, на которую опирается интерпретатор в процессе толкования научных и художественных текстов У. Эко периода конца 1960-х – начал 1990-х гг. Актуализированные в процессе интерпретации понятия, составляющие ризому, являются основой для понимания онтологических и эпистемологических особенностей теорий У. Эко, основного терминологического аппарата интерпретативной семиотики и герменевтики (в т.ч. теории читательского сотворчества), ограничений, налагаемых на исследователя-интерпретатора при анализе текстов, особенностей представлений Эко об эстетике произведения искусства в рамках коммуникативной теории.

Выводы

1) Интерпретанты, актуализированные в процессе толкования текстов, связанных отношениями взаимопроникновения, представляют собой ризоморфные множества, организованные в сеть. Адекватным представлением сети интерпретантов, как сложной, открытой и динамичной системы, признается ризома, основными свойствами которой являются гетерогенность, множественность, децентрированность, разрывность (с переходом в новую конфигурацию), способность к дальнейшему росту.

2) Семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов заключается в моделировании и описании открытой (потенциально неограниченной) сети интерпретантов в виде ризом, в которых актуализированы эксплицитные и имплицитные связи между ключевыми для понимания взаимопроникающих текстов понятиями. Ризомы объединяются между собой в общую сеть понятий, представляющих концептуальную «энциклопедию», использование которой необходимо для понимания научных и художественных текстов У. Эко рассматриваемого периода.

3) Составляющие ризому интерпретанты являются частью более широкой сети понятий, на которую опирается интерпретатор в процессе толкования. Входящие в ризому понятия, рассматриваемые в данной работе и актуализированные в процессе интерпретации, являются основой для понимания онтологических и эпистемологических особенностей теорий У. Эко, основного терминологического аппарата интерпретативной семиотики и герменевтики (в т.ч. теории читательского сотворчества), ограничений, налагаемых на исследователя-интерпретатора при анализе текстов, особенностей авторского представления об эстетике произведения искусства с точки зрения коммуникативной теории.

4) Стратегическое использование ризом для понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения и отражающих онтологические и эпистемологические особенности теорий У. Эко, позволяет понять негативное отношение автора к магии, оккультизму, каббале, мистицизму и любому типу религии, несостоятельность которых доказывается через соотношение с онтоло-

гическим структурализмом. При рассмотрении соотношения понятий природы/реальности и культуры в рамках представленных ризом получает объяснение исключение вопроса о референции из области исследования семиологии в работах У. Эко, а рассмотрение оппозиций тождественное/различное, порядок/беспорядок объясняет интерес Эко к авангарду и открытым текстам и причину того, почему основным недостатком в герметических стратегиях интерпретации признается поиск тождественного – общности, подобий, сходств и т.д.

5) Стратегическое использование ризом для понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения и использующих терминологию Ч.С. Пирса, позволяет понять основы теории интерпретативной семиотики, причины обращения Эко к теории читательского сотрудничества, ориентированность его работ на читателя-критика, владеющего методами критической интерпретации текстов, и соответствующая этой направленности сложность его собственных произведений. Здесь же, посредством соотношения понятий в ризомах, получает свое объяснение феномен гиперинтерпретации, представляющий собой нездоровую подозрительность и склонность к сакрализации любых текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании была построена семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов одного автора, связанных отношениями взаимопроникновения. Данное исследование выполнено на стыке лингвистики, теории текста, семиотики и герменевтики и в рамках функционально-семиотического и коммуникативного подходов к исследованию разножанровых текстов и межтекстового взаимодействия.

Межтекстовое взаимодействие обуславливается наличием у текста свойств динамизма и открытости для трансформаций и взаимообмена смыслами, а выделение межтекстовых отношений производится в русле теории интертекстуальности и с учетом семиотического учения об идеологии как основного фактора, влияющего на интерпретацию и понимание смысла текста. Выделение отношения взаимопроникновения текстов происходит на основе наличия между текстами базовых отношений интертекстуальности и их одновременного функционирования в семиосфере, которое ставит тексты в отношения синонимии и взаимодополняемости, делая нерелевантными различия, характерные для прецедентного текста и текста-реципиента. Тем самым в исследовании осуществляется переход от традиционного рассмотрения межтекстовых отношений в диахроническом аспекте, с обращением к понятиям первичности и вторичности текстов, к рассмотрению их функционирования в синхроническом аспекте.

Рассмотренное явление взаимопроникновения текстов является особым видом межтекстового взаимодействия, основывающимся на наличии в текстах, связанных интертекстуальными отношениями, общих смысловых структур (интерпретантов), функция которых состоит в актуализации этих взаимодействующих текстов для последующего понимания их смысла. Таким образом, выделение данного типа отношений облегчает интерпретацию и понимание тек-

стов за счет последовательного, стратегически организованного обращения к интерпретантам, позволяющим актуализировать нужные части текстов и соотнести их с имеющимися у интерпретатора знаниями.

Интерпретант представляет собой смысловую структуру, имеющую две стороны – функциональную (потенциально отсылает к другому знаку) и результативную (отсылает к конкретному референту), которая является опосредующим представлением, инференциально выводимым из текста. Именно на интерпретантах, как опосредующих представлениях, позволяющих перейти от одного знака к другому в процессе раскрытия его содержания, и смысловых доминантах, как совокупности ключевых интерпретантов, структурирующих тексты и репрезентирующих авторское отношение к передаваемой в них информации, строится семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов.

В исследовании доказано, что моделирование сети интерпретантов текстов, находящихся в отношениях взаимопроникновения, дает возможность построить интерпретативную стратегию понимания этих текстов. В применении к материалу исследования (текстам У. Эко) семиотическая интерпретативная стратегия помогает достичь комплексного понимания художественного и научного творчества рассматриваемого автора через актуализацию связей между его научными текстами и романом «Маятник Фуко».

Семиотическая интерпретативная стратегия понимания текстов заключается в моделировании и описании потенциально неограниченной сети интерпретантов в виде ризом, представляющих эксплицитные и имплицитные связи между ключевыми для понимания взаимопроникающих текстов понятиями-интерпретантами. Ризомы объединяются между собой в общую сеть понятий, представляющих концептуальную «энциклопедию», использование которой необходимо для понимания научных и художественных текстов У. Эко рассматриваемого периода конца 1960-х – начала 1990-х гг.

Включенные в ризомы интерпретанты являются частью более широкой сети понятий, на которую опирается интерпретатор в процессе толкования. Рас-

сма­три­вае­мые в дан­ной ра­бо­те ин­тер­пре­тан­ты вы­де­ля­ют­ся из тек­стов У. Э­ко, по­свя­щен­ных про­бле­ме он­то­ло­гиза­ции струк­ту­ры и струк­тур­но­го ме­то­да ис­сле­до­ва­ния (св­язана с пе­ри­о­дом ста­нов­ле­ния и ут­вер­жде­ния се­ми­о­ло­гии как на­уки о зна­ках), про­бле­ме ко­да, чи­та­тель­ско­го со­твор­че­ства и ги­пер­ин­тер­пре­та­ции (св­язана с об­ра­ще­нием Э­ко к ис­сле­до­ва­нию при­ро­ды эс­те­ти­че­ско­го со­об­ще­ния, оп­ре­де­ле­нием ме­ста субъ­ек­та в те­о­рии се­ми­о­ти­ки и вы­яв­ле­нием ее ог­ра­ни­чен­но­сти), про­бле­ме ин­тер­пре­та­ции ос­нов­ных по­ло­же­ний се­ми­о­ти­че­ской те­о­рии Ч.С. Пир­са (св­язана со ста­нов­ле­нием ин­тер­пре­та­тив­ной се­ми­о­ти­ки как осо­бо­го раз­де­ла на­уки о зна­ках).

Пред­ло­жен­ная в дис­сер­та­ци­он­ном ис­сле­до­ва­нии се­ми­о­ти­че­ская ин­тер­пре­та­тив­ная стра­те­гия по­ни­ма­ния на­прав­лена на разъяс­не­ние он­то­ло­гиче­ских и э­пи­сте­мо­ло­гиче­ских осо­бен­но­стей те­о­рий У. Э­ко, ос­нов­но­го тер­ми­но­ло­гиче­ско­го ап­па­ра­та ин­тер­пре­та­тив­ной се­ми­о­ти­ки и гер­ме­нев­ти­ки (в т.ч. те­о­рии чи­та­тель­ско­го со­твор­че­ства), ог­ра­ни­че­ний, на­ла­гае­мых на ис­сле­до­ва­те­ля-ин­тер­пре­та­то­ра при ана­ли­зе тек­стов, осо­бен­но­стей ав­тор­ско­го пред­став­ле­ния об эс­те­ти­ке про­из­ве­де­ния ис­кус­ства в ру­сле ком­му­ни­ка­тив­ной те­о­рии.

Раз­ра­бо­тан­ная ме­то­ди­ка ис­сле­до­ва­ния име­ет в ка­че­стве сво­ей те­о­ре­ти­че­ской и ме­то­до­ло­гиче­ской ба­зы ра­бо­ты У. Э­ко по ин­тер­пре­та­тив­ной се­ми­о­ти­ке. Цель дан­ной ме­то­ди­ки за­к­лю­ча­ет­ся в мо­де­ли­ро­ва­нии се­ти ин­тер­пре­тан­тов тек­стов, св­язан­ных от­но­ше­ния­ми вза­им­о­про­ник­но­ве­ния, ко­торая от­об­ра­жает про­цес­сы се­ми­озиса, ре­аль­ные и по­тен­ци­аль­ные меж­тек­сто­вые св­язи, ак­ту­а­ли­за­ция ко­то­рых по­зво­ляет по­стро­ить ти­повую стра­те­гию по­ни­ма­ния на­уч­ных и худ­ожествен­ных ра­бо­т У. Э­ко. Тем са­мым, был пред­ло­жен но­вый ас­пект ис­сле­до­ва­ния ра­бо­т У. Э­ко, при ко­то­ром ча­стью эм­пи­ри­че­ской ба­зы ис­сле­до­ва­ния ста­ли тек­сты, в ко­то­рых со­дер­жат­ся так­же ос­нов­ные ме­то­до­ло­гиче­ские по­ло­же­ния дан­но­го ис­сле­до­ва­ния.

Пер­спек­ти­вы даль­ней­ше­го ис­сле­до­ва­ния за­к­лю­ча­ют­ся в сле­ду­ю­щем: 1) рас­ши­ре­ние ма­те­ри­ала ис­сле­до­ва­ния – вклю­че­ние в не­го пу­бли­ци­сти­че­ских тек­стов У. Э­ко или же тек­стов бо­лее ран­не­го и бо­лее позд­не­го пе­ри­о­да твор­че­ства (1950-х – 1960-х гг. и 1990-х – 2010-х гг. со­от­вет­ствен­но), что по­зво­лит

проследить эволюцию теоретических концепций исследователя; 2) на основе полученных интерпретантов в дальнейшем возможно также создание словаря-тезауруса работ У. Эко, что решит задачу унификации переводов различных понятий, использующихся в текстах Эко, на русский язык; 3) полученная интерпретативная стратегия позволяет создать интерактивную компьютерную модель по методу “cloud visualization”, что является удобным для предоставления пользователю-интерпретатору большого объема информации; 4) выбор в качестве материала исследования разножанрового творчества любого другого автора-исследователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С.С. Иудаистическая мифология [Текст] / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира : Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. – Т.1. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 581–591.
2. Арнольд, И.В. Стилистика декодирования: курс лекций [Текст] / И.В. Арнольд ; [Отв. ред. Д. А. Федосеева]. – Л. : ЛГПИ, 1974. – 78 с.
3. Бабенко, Л.Г. Коммуникативное пространство художественного текста в свете теории речевых жанров [Текст] / Л.Г. Бабенко // Новые подходы к изучению семантики : материалы межвузовской науч. конф., 6 марта 2012 г. – Екатеринбург, 2012. – С. 3–18.
4. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.
5. Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста : монография [Текст] / А.Г. Баранов ; отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 182 с.
6. Барт, Р. S/Z [Текст] / Ролан Барт ; пер. с фр. Г.К. Косикова, В.П. Мурат ; общ. ред. Г.К. Косикова. – Изд. 2-е, испр. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 231 с.
7. Барт, Р. Воображение знака [Текст] // Р. Барт. Нулевая степень письма : [пер. с фр.] ; [сост., науч. ред., авт. предисл. и коммент. Г. К. Косиков]. – М. : Акад. проект, 2008. – С. 219–226.
8. Барт, Р. Лингвистика текста [Текст] / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. VIII. Лингвистика текста : сборник статей / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. – М. : Прогресс, 1978. – С. 442–449.
9. Барт, Р. Миф сегодня [Текст] // Р. Барт. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Акад. проект, 2010. – С. 265–323.

10. Барт, Р. От произведения к тексту [Текст] // Р. Барт. Избранные работы : семиотика, поэтика : пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 413–423.
11. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
12. Белянин, В.П. Авторский смысл эмоционально-отмеченного текста и проблема реконструкции личности автора [Текст] / В.П. Белянин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2008. – №4 (12). – С. 181–184.
13. Блум, Х. Страх влияния. Карта перечитывания [Текст] / Х. Блум ; пер. с англ., сост., примеч. и послесл. С.А. Никитина – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 352 с.
14. Богин, Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Г.И. Богин. – М., 2001. – Режим доступа : http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm (дата обращения: 22.05.2013).
15. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие [Текст] / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
16. Бутакова, Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование [Текст] / Л.О. Бутакова. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2001. – 282 с.
17. Василенко, Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов) [Текст] : дис. ...канд. фил. наук : 10.02.19 / Василенко Татьяна Николаевна. – Барнаул, 2008. – 176 с.
18. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке [Текст] / В.Н. Волошинов. – 2-е изд. – Ленинград : Прибой, 1930. – 158 с.
19. Гавенко, А.С. Вторичный текст как компонент художественного текста (на материале романа В. Пелевина «Generation “П”») [Текст] : автореф. дис.

- ...канд. фил. наук : 10.02.01 / Гавенко Агнесса Станиславовна. – Барнаул, 2002. – 17 с.
20. Гавенко, А.С. Вторичный текст как факт художественной коммуникации [Текст] / А.С. Гавенко // Человек – коммуникация – текст : сборник статей. Вып. 4. / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 227–239.
 21. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г.-Г. Гадамер ; сост. М.П. Стафецкой ; послесл. В. С. Малахова. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.
 22. Гайер, К.Е. Взаимопроникновение художественного и научного текстов (на материале трудов Умберто Эко) [Текст] / К.Е. Гайер // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы международной научной конференции / научный редактор Н.А. Илюхина. – Самара, 12–14 мая 2011 года. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2011. – С. 24–27.
 23. Гайер, К.Е. Герменевтика и интерпретативная семиотика в работах У. Эко [Текст] / К.Е. Гайер // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – 2014а. – № 21. – С. 19–22.
 24. Гайер, К.Е. Идеология читателя и ее представление в работах У. Эко [Текст] / К.Е. Гайер // Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме : Материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.) / под. ред. Н.В. Панченко, Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012а. – С. 77–80.
 25. Гайер, К.Е. Интерпретация текстов интервью У. Эко и ее основные особенности [Текст] / К.Е. Гайер // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер.: История, филология. – 2013а. – Т. 12. – Вып. 10: Журналистика. – С. 123–127.
 26. Гайер, К.Е. К вопросу о межтекстовом взаимодействии: явление взаимопроникновения текстов (на материале произведений Умберто Эко) [Текст] / К.Е. Гайер // Филология и человек. – 2012б. – № 2 – С. 136–142.

27. Гайер, К.Е. Об одном из способов комментирования текстов Умберто Эко [Текст] / К.Е. Гайер // Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник–2014 / науч. ред. А.А. Чувакин; И.В. Силантьев; отв. ред. Ю.В. Трубникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014б. – С. 155–161.
28. Гайер, К.Е. Проблема построения стратегии понимания текстов, связанных отношениями взаимопроникновения [Текст] / К.Е. Гайер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013б. – Вып. 73. (Сер. Филология. Искусствоведение). – № 1 (292). – С. 191–194.
29. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
30. Герман, И.А. Введение в лингвосинергетику: монография [Текст] / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. – 129 с.
31. Городецкий, Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения [Текст] / Б.Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика : Пер. с англ. / Сост., ред. и вступ. ст. Б.Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–31.
32. Гудмен, Н. Способы создания миров [Текст] / Н. Гудмен ; пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.Е. Ледникова, М.В. Лебедева [и др.]. – М. : Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – 376 с.
33. ван Дейк, Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации ; пер. с англ. [Текст]/ Т.А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
34. ван Дейк, Т.А. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка : [пер. с англ.] / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М. : «Прогресс», 1988. – С. 153–211.
35. ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ [Текст] / Т.А. ван Дейк ; составление В.В. Петрова ; пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

36. Делёз, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; [пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского]. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
37. Демидова, Е.В. Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов) [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Демидова Елена Викторовна. – Барнаул, 2011. – 218 с.
38. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Int0.html> (дата обращения 10.08.2015).
39. Демьянков, В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. редакторы Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Stepanov.html> (дата обращения 12.03.2014).
40. Денисюк, Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект [Текст] : автореф. дис. ...канд. фил. наук : 10.02.01 / Денисюк Елена Викторовна. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.
41. Долинин, К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие [Текст] / К.А. Долинин. – 4-е. изд. – М. : КомКнига, 2010. – 304 с.
42. Дроздова, Т.В. О некоторых проявлениях семиотической природы научного текста [Текст] / Т.В. Дроздова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 736–744.
43. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. Вып. 1 : [пер. с англ. и фр.] / сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 463 с.

44. Ерохина, Л.А. Категория автора в творчестве Умберто Эко [Текст] : автореф. дис. ...канд. фил. наук : 10.01.03 / Ерохина Любовь Алексеевна. – Москва, 2012. – 18 с.
45. Женетт, Ж. Фигуры : Работы по поэтике: в 2 кн. ; Пер. с фр. [Текст] / Ж. Женетт. ; Общ. ред. С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
46. Залевская, А.А. Текст и его понимание : Монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
47. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа [Текст] / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
48. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.
49. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : URSS : ЛКИ, 2008. – 284 с.
50. Йейтс, Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция [Текст] / Ф.А. Йейтс.; Пер. Г. Дашевского – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 527 с.
51. К проблематике деривационной текстологии [Текст] / А.А. Чувакин, Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова [и др.] // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4 / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 5–28.
52. Карасик, В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – 2-е изд. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
53. Кнабе, Г.С. Путь к дьяволу [Текст] / Г.С. Кнабе // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры: Сб. статей в 2 кн. Кн. 1 – М. : РГГУ, 2002. – С. 317–329.
54. Князева, Е.Н. Антропный принцип в синергетике [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 62–79.

55. Козлов, С. Умберто Эко. Маятник Фуко [Текст] // Современная художественная литература за рубежом. – 1989. – №2. – С. 48–50. – Рец. На кн.: Eco U. Il pendolo di Foucault. Milano, Bompiani, 1988, 509 p.
56. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г.В. Колшанский ; отв. ред. Т.В. Булыгина. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
57. Компаньон, А. Демон теории: Литература и здравый смысл [Текст] / А. Компаньон / Пер. с фр. С. Зенкина. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
58. Кремнева, А.В. Интертекстуальность как предмет изучения литературоведения и лингвистики: интегративный подход [Текст] / А.В. Кремнева // Филология и человек. – 2010. – №1. – С. 7–19.
59. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
60. Крупенина, Е.В. Философская проблематика в романах Умберто Эко [Текст] : дис. ...канд. ф. наук : 09.00.03 / Крупенина Елена Викторовна. – Москва, 2005. – 145 с.
61. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
62. Кубрякова, Е.С. Возвращаясь к определению знака / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 18–28.
63. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : Сб. обзоров. Серия «Теория и история языкознания» РАН / РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 5–13.
64. Кубрякова, Е.С. О семиотических особенностях производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 243–249.

65. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс] / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 21.07.2011).
66. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
67. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : Монография [Текст] / Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.
68. Левицкий, Ю.А. Лингвистика текста: Учеб. пособие [Текст] / Ю.А. Левицкий. – М. : Высшая школа, 2006. – 207 с.
69. Логош, О. Словарь «Маятника Фуко» [Текст] / О. Логош, В. Петров. – СПб. : «Симпозиум», 2007. – 554 с.
70. Лотман, Ю.М. Выход из лабиринта [Текст] / Ю.М. Лотман // У. Эко. Имя розы ; пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб. : «Симпозиум», 2000. – С. 650–669.
71. Лотман, М.Ю. Культура как субъект и сама-себе объект [Текст] / М.Ю. Лотман // Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб. : «Искусство – СПб», 2010а. – С. 639–647.
72. Лотман, М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе [Текст] / М.Ю. Лотман // Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. – СПб. : «Искусство – СПб», 2002. – С. 5–20.
73. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. [Текст] / Ю.М. Лотман. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992. – 472 с.
74. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб. : «Искусство – СПб», 2010б. С. 12–390.

75. Лукин, В.А. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения [Текст] : автореф. дис. ... д. фил. наук : 10.02.01 / Владимир Алексеевич Лукин. – Орел, 2003. – 36 с.
76. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 277 с.
77. Макеева, М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия [Текст] : дис. ... д. фил. наук : 10.02.19 / Макеева Марина Николаевна. – Тверь, 2000. – 329 с.
78. Массуми, Б. «Будущее нужно активно изобретать»: философ Брайан Массуми об эволюции ризомы и спекулятивном прагматизме [Электронный ресурс] / Б. Массуми, Н.Н. Сосна. – Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi> (дата обращения – 13.08.2015).
79. Маятник Фуко – и маятник Эко; вступ, сост. и пер. с итал. Е. Костюкович [Текст] // Иностранная литература. – 1989. – №10. – С. 222–225.
80. Медведев, С.А. Текст в мире текстов: по материалам разных сфер коммуникации [Текст] / С.А. Медведев, А.А. Чувакин // Русский язык исторические судьбы и современность : V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.) : Труды и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 389–390.
81. Методы анализа текста и дискурса; пер. с англ. [Текст] / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
82. Можейко, М.А. Ризома [Текст] // Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – С. 657.
83. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков [Текст] / Ч.У. Моррис // Семиотика : семиотика языка и литературы / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.

84. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
85. Муштанова, О.Ю. Средневековье как текст в романе Умберто Эко «Баудолина» [Текст] : автореф. дис. ...канд. фил. наук : 10.01.03 / Муштанова Оксана Юрьевна. – Москва, 2015. – 28 с.
86. Никитин, М.В. Предел семиотики [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 3–14.
87. Олизько, Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... док. фил. наук : 10.02.19 / Олизько Наталья Сергеевна. – Челябинск, 2009. – 43 с.
88. Осокина, С.А. Основания лингвистической теории тезауруса [Текст] : дис. ... док. фил. наук : 10.02.19 / Осокина Светлана Анатольевна. – Барнаул, 2015. – 467 с.
89. Паршина, О.Н. Российская политическая речь : Теория и практика [Текст] / О.Н. Паршина ; под ред. О.Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
90. Пешё, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия [Текст] / М. Пешё ; пер. Л.А. Илюшечкиной // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предис. Ю.С. Степанова – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 225–290.
91. Пирс, Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» [Текст] / Ч.С. Пирс ; пер.с англ. Т.В. Вилыгиной и А.Д. Шмелева // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М. : «Радуга», 1983. – С. 151–210.
92. Почепцов, Г.Г. Русская семиотика [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М. : «Рефл-бук», Киев : «Ваклер», 2001. – 768 с.
93. Почепцов, Г.Г. Стратегия: Инструментарий по управлению будущим [Текст] / Г.Г. Почепцов – М. : Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2005. – 377 с.

94. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности [Текст] / Н. Пьеге-Гро; пер. с фр. Г.К. Косикова [и др.]. – М.: URSS, 2008. – 238 с.
95. Ребеккини, Д. Умберто Эко на рубеже веков: От теории к практике [Текст] / Д. Ребеккини; Пер. с итал. М. Велижева // Новое литературное обозрение. – 2006. – №80. – С. 291–318.
96. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикёр ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.В. Вдовиной. – М. : Акад. проект, 2008. – 695 с.
97. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
98. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции [Текст] / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
99. Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] / П. Серио ; пер. И.Н. Кузнецовой // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предис. Ю.С. Степанова – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–53.
100. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса [Текст] / Е. В. Сидоров. –2-е изд. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 228 с.
101. Силантьев, И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий [Текст] / И.В. Силантьев // Критика и семиотика. – Вып. 7. – 2004. – С. 98–123. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7silantev.htm> (дата обращения: 10.04.2013).
102. Смирнов, И.П. Порождение интертекста: (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) [Текст] / И.П. Смирнов. – Спб. : Издательский отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. – 191 с.
103. Субботин, А.Л. Бэкон (Васон) Фрэнсис [Электронный ресурс] / А.Л. Субботин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН;

- Нац. обществ.-науч. фонд. – М. : Мысль, 2010. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0528.html> (дата обращения: 8.10.2014).
104. Тарасенко, В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания [Текст] / В.В. Тарасенко. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2012. – 232 с.
105. Теория текста : Учеб. пособие [Текст] / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова [и др.]; Под ред. А.А. Чувакина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 224 с.
106. Трунова, О.В. Система языка. Языковые категории: факты и артефакты [Текст] / О.В. Трунова // Язык. Культура. Речевое общение. – 2013. – №1. – С. 11–18.
107. Усманова, А.Р. Гиперинтерпретация [Электронный ресурс] / А.Р. Усманова // Постмодернизм. Энциклопедия. / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/giperinterp.html> (дата обращения: 21.09.2013).
108. Усманова, А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации [Текст] / А.Р. Усманова. – Мн. : «Пропилеи», 2000. – 200 с.
109. Фатеева, Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе [Текст] / Н.А. Фатеева // Известия АН. Серия Литературы и языки. – 1997. –Т. 56. – №5. – С.12–21.
110. Филлипс, Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод ; пер. с англ. [Текст] / Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
111. Финн, В.К. Абдукция [Электронный ресурс] / В.К. Финн // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. – М.: Мысль, 2010. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page54852159.htm> (дата обращения: 17.05.2015)

112. Цурганова, Е.А. Герменевтический круг [Текст] / Е.А. Цурганова // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [Редкол.: И.П. Ильин и др.; Вступ. ст. Е.А. Цургановой]. – М.: Intrada, 2004. – С. 102–103.
113. Чекалов, К.А. Произведение искусства в теории культуры У. Эко [Текст] / К.А. Чекалов // Искусство. – 1988. – №5. – С. 39–44.
114. Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России [Текст] / Т.В. Чернышова ; науч. ред. и предисл. Н.Д. Голева. – 3-е изд., испр. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 290 с.
115. Чертов, Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи [Текст] / Л.Ф. Чертов. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – 388 с.
116. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие [Текст] / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
117. Чувакин, А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) [Текст] / А.А. Чувакин // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии : всероссийская конференция, посв. 120-летию Томского университета (1998; Томск) : материалы / Междунар. акад. наук высш. шк. ; Том. гос. ун-т; Собр., ред., предисл. О.И. Блинова. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 23–24.
118. Чувакин, А.А. Межтекстовые отношения как проблема теории текста [Текст] / А.А. Чувакин, С.Н. Пешкова // Актуальные проблемы текста. Лингвистическая теория и практика обучения. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2004а. – С. 24–27.
119. Чувакин, А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвокационного исследования [Текст] / А.А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1995. – 125 с.
120. Чувакин, А.А. Текст во встречном движении филологии и коммуникативистики [Текст] / А.А. Чувакин // Текст в коммуникативном пространстве со-

- временной России : монография / А.А. Чувакин, И.Ю. Качесова, Н.В. Панченко и др. ; науч. ред. Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 17–26.
121. Чувакин, А.А. Теория текста: объект и предмет исследования [Текст] / А.А. Чувакин // Критика и семиотика. – 2004б. – №7. – С. 88–97.
122. Шелестюк, Е.В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи [Текст] / Е.В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – Вып. 22. (Сер. «Филология. Искусствоведение»). – № 20 (121). – С. 166–176.
123. Щирова, И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие [Текст] / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.
124. Щирова, И.А. Текст в период доминирования когнитивных наук: проблемы и возможные решения [Текст] / И.А. Щирова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 723–735.
125. Эко, У. Заговор [Текст] // У. Эко. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ / У. Эко ; [пер. с итал. Е. Костюкович]. – М. : Эксмо, 2007а. – С. 499–505.
126. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» [Текст] // У. Эко. Имя розы / У. Эко ; Перев. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб. : «Симпозиум», 2000а. – С. 596–644.
127. Эко, У. Имя розы [Текст] / У. Эко; Перев. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб. : «Симпозиум», 2000б. – 677 с.
128. Эко, У. Маятник Фуко [Текст] / У. Эко; Перев. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб. : «Симпозиум», 2005. – 768 с.
129. Эко, У. Наука, технология и магия [Текст] // У. Эко. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ / У. Эко ; [пер. с итал. Е. Костюкович]. – М. : Эксмо, 2007б. – С. 190–205.

130. Эко, У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике [Текст] / У. Эко / Перев. с итал. А.П. Шурбелева. – СПб. : «Симпозиум», 2006а. – 412 с.
131. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко ; перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб. : «Симпозиум», 2006б. – 544 с.
132. Эко, У. Поэтики Джойса [Текст] / У. Эко; Перев.с итал. А. Коваля. – СПб. : «Симпозиум», 2003. – 496 с.
133. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст] / У. Эко ; перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2007в. – 502 с.
134. Эко, У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе [Текст] / У. Эко ; пер. с итал. и пр. А. Коваля. – М. : АСТ : CORPUS, 2015. – 736 с.
135. Эко, У. Средние века уже начались [Текст] / У. Эко // Иностранная литература. –1994. – № 4. – С. 258–267.
136. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах [Текст] / У. Эко; Пер. с англ. А. Глебовской. – СПб. : «Симпозиум», 2002. – 288 с
137. Якобсон, Р. Взгляд на развитие семиотики [Текст] // Р. Якобсон. Язык и бессознательное / Р. Якобсон ; Пер. с англ., фр., К. Голубович [и др.]; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе. – М.: Гнозис, 1996а. – С. 139–161.
138. Якобсон, Р. Доминанта [Текст] // Р. Якобсон. Язык и бессознательное / Р. Якобсон ; Пер. с англ., фр., К. Голубович [и др.]; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе. – М.: Гнозис, 1996б. – С. 119–125.
139. Якобсон, Р. Избранные работы ; Пер. с англ., нем. и фр [Текст] / Р. Якобсон. – М: «Прогресс», 1985. – 460 с.
140. Arquilla, J. Introduction: Thinking about Information Strategy [Text] / J. Arquilla // Information Strategy and Warfare: A Guide to Theory and Practice; ed. by J. Arquilla and D.A. Borer. – NY ; London : Routledge, 2007. – 268 p.

141. Beaugrande, R.A. de. A New Introduction To The Study Of Text And Discourse: Discursivism and Ecologism [Electronic resource] / R.A. de Beaugrande. – 2004. – Режим доступа : http://beaugrande.com/new_intro_to_study.htm (дата обращения: 15.07.2014).
142. Beaugrande, R.A. de. Introduction to Text Linguistics [Text] / R.A. de Beaugrande, W.U. Dressler. – London ; New York : Longman. – 1981. – 270 p.
143. Bertilsson, T.M. The Elementary Forms of Pragmatism: On Different Types of Abduction [Text] / T.M. Bertilsson // European Journal of Social Theory. – 2004. – No. 7(371). – Pp. 371–389. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://est.sagepub.com/content/7/3/371> (дата обращения: 25.02.2011).
144. Bondanella, P. Umberto Eco and the Open Text: Semiotics, Fiction, Popular Culture [Text] / P. Bondanella. – Cambridge University Press, 2005. – 236 p.
145. Boym, S. Conspiracy Theories and Literary Ethics: Umberto Eco, Danilo Kiš and *The Protocols of Zion* [Text] / S. Boym // Comparative Literature. – Spring 1999. – Vol. 51. – No. 2. – Pp. 97–122.
146. Caesar, M. Umberto Eco: Philosophy, Semiotics and the Work of Fiction [Text] / M. Caesar. – Cambridge : Polity Press, 1994. – 198 p.
147. Capozzi, R. An introduction to Umberto Eco [Text] / R. Capozzi // Reading Eco: An Antology; ed. by R. Capozzi. – Indiana University Press, 1997. – Pp. XVII–XXV.
148. Capozzi, R. Il pendolo di Foucault: kitsch o neo-/post-moderno? [Text] / R. Capozzi // Quaderni d'italianistica. – 1990. – Vol. XI. – No. 2. – Pp. 225–237. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://jps.library.utoronto.ca/index.php/qua/article/view/10582/7519> (дата обращения: 13.09.2014).
149. Collini, S. Introduction: Interpretation terminable and interminable [Text] / S. Collini // Interpretation and overinterpretation; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992. – Pp. 1–21.
150. Coppock, P.A Conversation on Information: An Interview with Umberto Eco [Electronic resource] / P.A. Coppock, U. Eco // Multimedia World. – 1995. –

- February. – Режим доступа : http://www.cudenver.edu/~mryder/itc_data/eco/eco.html (дата обращения: 18.06.2010).
151. Culler, J. In defence of overinterpretation [Text] / J. Culler // Interpretation and overinterpretation; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992. – Pp. 109–124.
152. Culler, J. The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction [Text] / J. Culler. – London ; NY : Routledge Classics, 2005. – 296 p.
153. Czarniawska, B. Narratives in Social Science Research [Text] / B. Czarniawska. – London : Sage Publications Ltd., 2004. – 167 p.
154. Eco, U. Between author and text [Text] / U. Eco // Interpretation and overinterpretation; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992a. – Pp. 67–88.
155. Eco, U. Between La Mancha and Babel [Text] / U. Eco // On literature. – London : Vintage Books, 2006a. – Pp. 104–117.
156. Eco, U. Borges and My Anxiety of Influence [Text] / U. Eco // On literature. – London : Vintage Books, 2006b. – Pp. 118–135.
157. Eco, U. De Bibliotheca [Electronic resource] / U. Eco, 1981a. – Режим доступа: <http://www.borges.pitt.edu/sites/default/files/Eco%20De%20Bibliotheca.pdf> (дата обращения: 14.05.2015).
158. Eco, U. Greimassian Semantics and the Encyclopedia [Text] / U. Eco, P. Magli, A. Otis // New Literary History. – Spring 1989. – Vol. 20. – No. 3 (Greimassian Semiotics). – Pp. 707–721. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/469363> (дата обращения: 13.04.2013).
159. Eco, U. Il pendolo di Foucault [Text] / U. Eco. – Milano : Bompiani, 2007. – 702 p.
160. Eco, U. Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics [Text] / U. Eco // Daedalus. – 1985. – Vol. 114. – No. 4 (The Moving Image). – Pp. 161–184. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/20025015> (дата обращения: 05.04.2014).

161. Eco, U. Interpretation and history [Text] / U. Eco // Interpretation and overinterpretation; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992b. – Pp. 23–44.
162. Eco, U. Metaphor, Dictionary, and Encyclopedia [Text] / U. Eco // New Literary History. – Winter, 1984. – Vol. 15. – No.2. (Interrelation of Interpretation and Creation). Pp. 255–271. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/468855> (дата обращения: 01.03.2011).
163. Eco, U. Overinterpreting texts [Text] / U. Eco // Interpretation and overinterpretation; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992c. – Pp. 45–66.
164. Eco, U. Peirce's Notion of Interpretant [Text] / U. Eco // MLN. –1976. – Vol. 91. – No. 6 (Comparative Literature). – Pp. 1457–1472. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/2907146> (дата обращения: 29.03.2013).
165. Eco, U. Reply [Text] / U. Eco // Interpretation and overinterpretation; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992d. – Pp. 139–151.
166. Eco, U. Ricordo di uno stregone [Electronic resource] / U. Eco // la Repubblica. – 30 ottobre 1991. – Режим доступа : <http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1991/10/30/ricordo-di-uno-stregone.html> (дата обращения: 25.05.2015).
167. Eco, U. Semiotica e filosofia del linguaggio [Text] / U. Eco. – Einaudi, 1997. – 318 p.
168. Eco, U. Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics) [Text] / U. Eco. – Bloomington : Indiana University Press, 1986a. – 242 p.
169. Eco, U. The Limits of Interpretation (Advances in semiotics) [Text] / U. Eco. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1994. – 304 p.
170. Eco, U. The Theory of Signs and the Role of the Reader [Text] / U. Eco // The Bulletin of the Midwest Modern Language Association. – Spring 1981b. – Vol. 14. – No. 1. – Pp. 35–45. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/1314865> (дата обращения: 01.03.2011).
171. Eco, U. Trattato di semiotica generale [Text] / U. Eco. – Milano : Bompiani, 1998. – 430 p.

172. Eco, U. *Travels in Hyperreality : Essays* [Text] / U. Eco. – San Diego : Harcourt Brace Jovanovich, 1986b. – 319 p.
173. Eco, U. *Unlimited Semeiosis and Drift: Pragmaticism vs. “Pragmatism”* [Text] / U. Eco // *Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries*, ed. Kenneth Laine Ketner. – Fordham University Press, 1995. – P. 205–221.
174. EP – Peirce, C.S. *The Essential Peirce, Selected Philosophical Writings ; Volume 2 (1893–1913)* [Text] / C.S. Peirce; eds. Peirce Edition Project. – Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, 1998. – 624 p.
175. Eriksson, B. *A Novel Look at Theory* [Electronic resource] / B. Eriksson. – Centre for Cultural Research, University of Aarhus, Aarhus, 2000. – Режим доступа : www.hum.au.dk/ckultur/f/pages/publications/be/novel.htm (дата обращения: 04.12.2010).
176. Escudero-Chauvel, L. *Interview with Umberto Eco: Semiotics, Cultural Studies, and Popular Culture* [Text] / L. Escudero-Chauvel, U. Eco // *Contemporary French and Francophone Studies*. – 1997. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 245–250. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.1080/10260219708455878> (дата обращения: 05.08.2010).
177. Fabbri, P. *Introduzione. Eco qui pro quo* [Text] / P. Fabbri // M. Cogo. *Fenomenologia di Umberto Eco: indagini sulle origini di un mito intellettuale contemporaneo*. – Bologna : Baskerville, 2010. – 182 p.
178. Fairclough, N. *Discourse and Social Change* [Text] / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 272 p.
179. Fenster, M. *Conspiracy Theories* [Text] / M. Fenster. – University of Minnesota Press, 2009. – 384 p.
180. Genette, G. *Palimpsestes. La littérature au second degree* [Text] / G. Genette. – Paris : Seuil, 1982. – 472 p.
181. Gray, C.S. *Modern Strategy* [Text] / C.S. Gray. – NY: Oxford University Press Inc., 1999. – 426 p.
182. Hutcheon, L. *Irony’s Edge: The Theory and Politics of Irony* [Text] / L. Hutcheon. – London ; NY : Routledge, 1994. – 254 p.

183. Hutcheon, L. Irony-clad Foucault [Text] / L. Hutcheon // Reading Eco: An Anthology; ed. by R. Capozzi. – Indiana University Press, 1997. – Pp. 312–327.
184. Hutcheon, L. Umberto Eco's Holistic Detective Agency (with apologies to Dirk Gentry) [Text] / L. Hutcheon // Scrittori, Tendenze Letterarie e Conflitto delle Poetiche in Italia (1960–1990). Ravenna: Longo, 1993. Pp. 107–116. [Electronic resource] – Режим доступа: <https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/10249/1/Hutcheon1993Umberto.pdf> (дата обращения 15.03.2012).
185. Johansen, J.D. Signs in Use [Text] / J.D. Johansen, S.E. Larsen ; translated by D.L. Gorfée and J. Irons. – London : Routledge, 2002. – 246 p.
186. Koerner, E.F.K. Notes on the History of the Concept of Language as a System 'Où tout se tient' [Text] / E.F.K. Koerner // *Linguistica atlantica*. – 1996/1997. – № 18/19. – P. 1–20. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://journals.library.mun.ca/ojs/index.php/LA/article/viewFile/806/694> (дата обращения: 09.10.2014).
187. Lauretis, T. de. Gaudy Rose: Eco and Narcissism [Text] / T. de Lauretis // *Sub-Stance*. – 1985. – Vol. 14. – No. 2. – Issue 47: In Search of Eco's Roses. – Pp. 13–29. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/3685048> (дата обращения: 13.04.2013).
188. Lechte, J. Umberto Eco [Text] // J. Lechte. *Fifty Key Contemporary Thinkers: From Structuralism to Postmodernity* / J. Lechte. – London ; NY : Routledge, 1994. – P. 127–131.
189. Linstead, S. Organization theory and Postmodern thought [Text] / S. Linstead. – London : Sage Publications Ltd., 2003. – 194 p.
190. Locke, T. Critical Discourse Analysis [Text] / T. Locke. – London: Continuum, 2004. – 106 p.
191. Lorusso, A.M. Umberto Eco: temi, problemi e percorsi semiotici [Text] / A.M. Lorusso. – Roma: Carocci editore S.p.A., 2008. – 151 p.
192. Magnani, L. Abduction and Hypothesis Withdrawal in Science [Electronic resource] / L. Magnani // *The Proceedings of the 20th World Congress of Philoso-*

- phy, 1998. – Режим доступа :
<http://www.bu.edu/wcp/Papers/Scie/ScieMagn.htm> (дата обращения:
 15.03.2012).
193. Massumi, B. A user's guide to capitalism and schizophrenia: deviations from Deleuze and Guattari [Text] / B. Massumi. – London and Cambridge: Swerve Editions, MIT Press, 1992. – 161 p.
194. Nankov, N. Opera umberta ovvero Umberto Aperto: Umberto Eco, the Author of the Open Work and the Closed Work, and the Romantic Tradition [Text] / N. Nankov // *Interdisciplinary Literary Studies*. – 2002. – Vol. 4. – No. 1. – Pp. 52–72. [Electronic resource] – Режим доступа :
<http://www.jstor.org/stable/41208806> (дата обращения: 13.04.2013).
195. O'Grady, K. The Pun or the Eucharist: Eco and Kristeva on the Consummate Model for the Metaphoric Process [Text] / K. O'Grady // *Literature and Theology*. – 1997. – Vol. 11. – № 1. – Pp. 93–115. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://litthe.oxfordjournals.org/content/11/1/93.full.pdf> (дата обращения: 25.02.2011).
196. Paolucci, C. Da che cosa si riconosce la semiotica interpretativa? [Text] / C. Paolucci // *Studi di semiotica interpretativa; a cura di C. Paolucci*. – Milano: Bompiani, 2007a. – Pp. 43–144.
197. Paolucci, C. Introduzione [Text] / C. Paolucci // *Studi di semiotica interpretativa; a cura di C. Paolucci*. – Milano: Bompiani, 2007b. – Pp. 5–42.
198. Petrilli, S. Abduction [Text] / S. Petrilli // *The Routledge Companion to Semiotics*; ed. P. Cobley. – London; NY: Routledge, 2010. – Pp.163–164.
199. Petrilli, S. Towards Interpretation Semiotics [Text] / S. Petrilli // *Reading Eco: An Antology*; ed. by R. Capozzi. – Indiana University Press, 1997. – Pp. 121–136.
200. Phiddian, R. “Foucault's Pendulum” and the Text of Theory [Text] / R. Phiddian // *Contemporary Literature*. – Autumn, 1997. – Vol. 38. – No. 3. – Pp. 534–557. [Electronic resource] – Режим доступа :

- <http://www.accessmylibrary.com/article-1G1-19950587/foucault-pendulum-and-text.html> (дата обращения: 27.12.2012).
201. Rastier, F. *Semantica interpretativa. Dalle forme semantiche alla testualità* [Text] / F. Rastier // *Studi di semiotica interpretativa*; a cura di C. Paolucci. – Milano: Bompiani, 2007. – Pp. 203–285.
202. Riffaterre, M. *The Interpretant in Literary Semiotics* [Text] / M. Riffaterre // *Reading Eco: An Antology*; ed. by R. Capozzi. – Indiana University Press, 1997. – Pp. 173–184.
203. Rorty, R. *The pragmatist's progress* [Text] / R. Rorty // *Interpretation and over-interpretation*; ed. S. Collini. – Cambridge University Press, 1992. – Pp. 89–108.
204. Scurani, A. *L'ironia metafisica di Umberto* [Text] / A. Scurani // *Lecture*. – Febbraio 1997. – No. 534. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.stpauls.it/lecture00/0297let/0297lehp.htm> (дата обращения: 19.04.2014).
205. *Selected bibliography on Umberto Eco* [Electronic resource] / Режим доступа : <http://www.umbertoeco.it/CV/WritingsOnUmbertoEco.htm> (дата обращения: 06.09.2015).
206. Shapiro, M. *Semiotics of Language* [Text] / M. Shapiro // *Encyclopaedia of the Linguistics Sciences: Issues and Theories*. – Mumbai: Allied Publishers, 2008. – 505 p.
207. *SparkClouds: Visualizing Trends in Tag Clouds* [Electronic resource] / B. Lee, N. Riche, A. Karlson, S. Carpendale // *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. – 2010. – No. 16(6). – Pp. 1182–1189. – Режим доступа : http://research.microsoft.com/en-us/um/people/nath/docs/sparkclouds_infovis2010.pdf (дата обращения: 26.11.2013).
208. *The Linguistics Encyclopedia* [Text] / Ed. by Kirsten Malmkjær. – NY ; London : Routledge (Taylor & Francis e-Library), 2006. – 795 p.
209. Tomassini, G.B. *Continuità e mutamento nella teoria dell'interpretazione di Umberto Eco* [Text] / G.B. Tomassini // *Quaderni d'italianistica*. – 1992. –

- Vol. XIII. – No. 2. – Pp. 231–244. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://jps.library.utoronto.ca/index.php/qua/article/view/10111/7054> (дата обращения: 13.09.2014).
210. Trifonas, P.P. The aesthetics of textual production reading and writing with Umberto Eco [Text] / P.P. Trifonas // *Studies in Philosophy and Education*. – 2007. – Vol. 26(3). – Pp. 267–277. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.1007/s11217-007-9032-8> (дата обращения: 05.08.2010).
211. Valle, A. Cortocircuiti: modi di produzione segnica e teoria dell'enunciazione [Text] / A. Valle // *Studi di semiotica interpretativa*; a cura di C. Paolucci. – Milano : Bompiani, 2007. – Pp. 349–424.
212. Verdru, H. Il rasoio di Eco : tesi di laurea [Text] / Henk Verdru. – Leuven : Katholieke Universiteit, 1987. – 101 p.
213. Vernon, V.V. The Demonic of (True) Belief: Treacherous Texts, Blasphemous Interpretations and Murderous Readers [Text] / V.V. Vernon // *MLN*. – 1992. – Vol. 107. – No. 5. *Comparative Literature*. – Pp. 840–854. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/2904820> (дата обращения: 26.08.2014).
214. Violi, P. Lo spazio del soggetto nell'enciclopedia [Text] / P. Violi // *Studi di semiotica interpretativa*; a cura di C. Paolucci. – Milano : Bompiani, 2007. – Pp. 177–202.
215. Vladiv-Glover, S. The Poetics of Pastiche in Eco's Postmodern Detective Novel [Text] / S. Vladiv-Glover // *The European Legacy*. – 2008. – Vol. 13. – No. 1. – Pp. 59–81. [Electronic resource] – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.1080/10848770701830757> (дата обращения: 05.08.2010).